

ГОУВПО «ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№1 (27) 2011

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Андрей Анатольевич – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Александр Анатольевич – кандидат филологических наук, зав. кафедрой языков и литературы Челябинского государственного института путей сообщений.

НАУЧНО- РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Демидов Олег Витальевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

Квашнина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Селютина Елена Александровна – кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры русского языка и литературы Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162-в, к. 107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

сайт www.linguamobilis.ucoz.ru

ISSN 1998-1546

© ГОУВПО «Челябинский
государственный университет»

© Лаборатория
межкультурных коммуникаций

© ООО «Энциклопедия»

Подписано в печать 11.01.11

Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага ВХИ 80 гр.

Объем: 9,0 усл.п.л.

Тираж 500 экз. Заказ 134

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.

454084, г.Челябинск,

Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Елистратова К. А.</i> Диалог культур как языковая стратегия кодирования информации в поэтическом дискурсе Веры Полозковой	7
<i>Зеленуго Д. В.</i> Концепт время в художественной картине мира В. Распутина	14
<i>Сверчкова А. В.</i> Рассказ В. Набокова «Пильграм»: опыт стиливого анализа	24
<i>Ширяева О. С.</i> Изображение личностных качеств человека посредством сочетаний со словом <i>душа</i> в художественном тексте	33

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Денисенко Н. В.</i> Подходы к изучению фразеологических единиц	41
<i>Егорова И. Ю.</i> Специфика авторской и читательской проекций при интерпретации рекламных интернет-текстов	46
<i>Золотых (Шевченко) Т. Ю.</i> Правила речевой организации в полилоговом общении	53
<i>Каналаш О. П.</i> Языковая и национальная картины мира как компонент лингвистического исследования	60
<i>Кудрявцева А. А.</i> Осложнённые апеллятивизированные единицы (на материале антропонимов, перешедших в имена нарицательные)	65
<i>Кулаженко А. В.</i> Прецедентные феномены с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии	70
<i>Ольховская А. И.</i> Лексическая многозначность в аспекте словарной лексикологии	74
<i>Тугузбаева О. В.</i> Культурный компонент топонимики Башкортостана (на примере г. Бирска)	92

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

<i>Данюшина Ю. В.</i> Стратегия лингвистического обеспечения бизнеса и корпоративный вербально-коммуникативный капитал (актив)	97
--	----

Панченко Н. Н., Епишина Ю. В. Стратегии и тактики коммуникативного поведения американского политического демагога	101
ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД	
Мубориева А. Р. Способы объяснения заимствований во французском научно-популярном экономическом тексте	109
Пелипас Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка в Республике Казахстан	114
Печагина Т. В. «Добрые» и «злые» персонажи в романах детской английской, русской и немецкой фэнтези	119
Цикало М. В. Использование знаков препинания в английском языке	125
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА	
Идрисова М. М. Изучение творчества В. Набокова в школе	130
АННОТАЦИИ	135
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	140

CONTENTS

LANGUAGE OF FICTION LITERATURE

- Elistratova K. A.** Dialogue of Cultures as a Language Strategy
of Coding the Information in Poetic Discourse
by Vera Polozkova7
- Zelepugo D. V.** Concept Time in Fiction World Picture of V.Rasputin14
- Sverchkova A. V.** Story “Pilgram” by V.Nabokov: Experience
of Stylistic Analyses24
- Shiryaeva O. S.** Description of Personal Characteristics
by Combination with the Word Soul in Fiction Text33

LANGUAGE STUDIES

- Denisenko N. V.** Approaches to Phraseological Unit Study41
- Egorova I. Y.** Specifics of Author’s and Reader’s Projection
in Interpretation of Advertising Internet-Texts46
- Zolotykh (Shevchenko) T. Y.** Rules of Speech Organization
in Polylogue Communication53
- Kanalash O. P.** Language and National World Picture as a Component
of Linguistic Research60
- Kudryavtseva A. A.** Complicated Apellative Units (on the Material
of Antroponymes Transformed into Notional Names)65
- Kulazhenko A. V.** Precedent Phenomena from the Position
of Cognitive Linguistics and Linguistic Culturology70
- Olkhovskaya A. I.** Lexical Polysemy in the Aspect
of Dictionary Lexicology74
- Tuguzbaeva O. V.** Cultural Component of Bashkortostan Toponymy
(by the Example of Birsik)92

LANGUAGE OF POLYTICS

- Danyushina Y. V.** Strategy of Linguistic Support for Business
and Corporate Verbal Communicative Capital (Assets)97
- Panchenko N. N., Epishina Y. V.** Strategies and Tactics
of Communicative Behaviour of an American
Political Demagogue101

LINGUISTICS AND TRANSLATION

- Muborieva A. R.** Ways of Explanation of Borrowings in the French
Scientific Popular Economic Texts109

<i>Pelipas N. A.</i> Intertext and Its Role in Processes of Evolution of Poetic Language in the Republic of Kazakhstan ..114	
<i>Pechagina T. V.</i> “Good” and “Evil” Personages in the Novels of Children’s English, Russian and German Fantasy119	
<i>Tsikalo M. V.</i> Usage of Punctuation Marks in the English Language125	
<i>METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING</i>	
<i>Idrisova M. M.</i> V. Nabokov’s Work Study in School130	
<i>ABSTRACTS</i>135	
<i>INFORMATION ABOUT AUTHORS</i>140	

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ЯЗЫКОВАЯ СТРАТЕГИЯ КОДИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВЕРЫ ПОЛОЗКОВОЙ

К. А. Елистратова

В настоящей статье рассматривается функционирование культурных феноменов, знаков культуры в авторском поэтическом дискурсе Веры Полозковой. К таковым отнесены имена собственные, иноязычные элементы и прочие прецедентные феномены. Виды прецедентных феноменов культуры в поэтическом дискурсе Веры Полозковой классифицированы по их источнику. Элементы «энергетически сильных макротекстов» становятся концептуально значимым феноменом индивидуального стиля поэта.

Ключевые слова: культурный феномен, поэтический дискурс, прецедентный феномен, диалог культур, языковая личность.

Индивидуально-авторский дискурс конкретного поэта является субъективной творческой трактовкой реального мира; его поэтическая коммуникация стратегична: общение, базирующееся на интерпретации, обладает стратегией. Наличие стратегии предполагает реализацию глобальной коммуникативной цели – индивидуально-авторский дискурс обладает стратегией моделирования авторского мировосприятия у адресата.

Творческая индивидуальность языковой личности поэта – в нашем случае Веры Полозковой – и личностный смысл влияют на соотношение стратегии индивидуально-авторского дискурса и способа его организации, а также на использование тактик при схожих способах организации (диалог культур в нашем случае можно рассматривать как способ организации поэтического дискурса поэта).

Вера Полозкова в своём поэтическом дискурсе активно использует различные типы транскультурных связей, привлекая не только литературный, но и культурно-исторический контекст. После изучения и анализа текстов Веры Полозковой двух последних ее поэтических сборников «Фотосинтез» и «Непоэмание», вышедших в 2008 и

2009 годах – соответственно, нами была предпринята попытка описания и классификации употреблений «инокультурных» текстовых элементов в поэзии Веры Полозковой.

В рамках настоящей работы предметом исследования являлись так называемые **культурные феномены, знаки культуры, лингвокультуры** как «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки», значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [4. С. 216].

Статус прецедентных в отдельной лингвокультуре, как нам представляется, приобретают тексты (в широком семиотическом смысле), сохраняющие «культурную активность», т.е. имеющие способность накапливать информацию, способность памяти. По мнению М. Ю. Лотмана, такие тексты представляют собой конденсаторы культурной памяти, они создают вокруг себя такое смысловое пространство, которое вступает в определенные отношения с культурной памятью, традицией, отложившейся в сознании аудитории [6. С. 21–22]. Аналогичным образом статус прецедентных приобретают названия песен и фильмов в поэтических текстах Веры Полозковой. Так, название песни Sheryl Crow («старушки Шерил») «Tomorrow Never Dies» используется говорящим для описания своего душевного состояния «вынужденного примирения с действительностью и ходом времени.

Основной частью прецедентного ономастикона Веры Полозковой являются прецедентные антропонимы (персоналии и персонажи). К прецедентным антропонимам мы отнесли имена и фамилии известных исторических личностей, деятелей науки, искусства, культуры, а также персонажей культуры, чье употребление в поэтическом дискурсе представляет собой вторичную номинацию. К области прецедентных имен собственных с денотатами из виртуального пространства (группа «Персонажи») мы отнесли такие классы имен собственных, как мифонимы, имена сказочных персонажей, библейские онимы, антропонимы из мира литературы и кино. Этот класс у Полозковой характеризуется нестабильностью своего состава: часть имен теряет прецедентный статус и покидает этот класс: «Мне сорок один, ей семнадцать, она ребенок, а я кашей» [9. С. 213]; «К пяти утра сонный айболит накладывает лангеты, рисует справку и ценные указания отдает» [9. С. 229].

Класс прецедентных мифонимов включает в себя имена собственные, обозначающие персонажей древнегреческих мифов и легенд. Миф является идеальным жанром для порождения прецедентных феноменов. Сам миф обладает сверхличным характером, и эта всеобщность автоматически переносится на героев и их поступки. Значимость мифа для современного человека определяется еще и самой его структурой и образностью: «Маленький мальчик, танталовы муки, хочется и нельзя. Пешка, которая тянет руки к блюду с башкой ферзя» [9. С. 184].

В класс прецедентных литературных антропонимов входят имена и фамилии персонажей из произведений художественной русской и мировой литературы. Литературные антропонимы мы считаем прецедентными, если они используются в поэтическом дискурсе в новой для них функции наречения. В этих случаях на их номинативную функцию накладывается метафорическая функция: имя становится метафорическим знаком (то есть имена, включенные в новый текст, несут в себе не конкретных персонажей произведений, а те образы и качества, которые за ними закрепились в сознании читателя). Например, имена Мука и Кая, героев сказок В. Гауфа и Г.-Х. Андерсена – соответственно, используются автором для обозначения бывших возлюбленных: «И если что-то в тебе жило, а теперь вот ноет – оно пускай; где теперь маленький мальчик Мук, как там маленький мальчик Кай – то уже совсем не твои дела» [9. С. 214].

В современном мире массовой культуры роль источника прецедентных онимов постепенно переходит к кинематографу. Имена сказочных персонажей вызывают в сознании членов одного лингвокультурного сообщества устойчивые, а значит предсказуемые ассоциации и представления. По этой причине имена сказочных персонажей могут использоваться в поэтическом дискурсе для выражения эмоционального отношения. Онимы, восходящие к текстам Библии, также являются один из способов формирования косвенных оценочных наименований в поэтическом дискурсе Веры Полозковой. Метафорические преобразования прецедентных онимов способствуют их частичной фразеологизации. Часть названий художественных произведений, песен и фильмов уже изначально понимаются метафорически, и поэт включает их в свой дискурс, учитывая их тропический потенциал («Матрица», «Звездные войны»). Прецедентные антропонимы специализируются на сравнении качеств и действий предметов (семантическая сфера «Человек»), устанавливают тождество между

определенным человеком и литературным героем по какому-либо качеству. Примером сравнения действий служит сопоставление деятельности художника и Сизифа. Художник перемалывает, перерабатывает общественные проблемы подобно катящему камень в гору Сизифу: «Надо закончить скорбный сизифов труд» [9. С. 210].

Употребление прецедентных имен собственных в поэтическом дискурсе представлено двумя видами тропов: метафорой и сравнением, базирующихся на транспозиции импликациональных признаков исходного значения имени собственного в область интенционала производного значения: «Я могу тихонько спуститься с крыш, / Как лукавый, добрый Оле-Лукойе»; «Я могу смириться и ждать, как Лис...» [9. С. 107–108]. Метафорические и символические употребления прецедентных имен собственных, образные сравнения с этими именами формируют на основании культурного опыта категории, структурирующие мышление в виде концептов и оценочных стереотипов в рамках определенной лингвокультуры или глобально [1. С. 5].

В поэтическом дискурсе Полозковой находит отражение и активное использование поэтом разных видов топонимов: от названий частей населенных пунктов до городов, стран и континентов. Все они являются опознавательными метками: имя как иконический знак [7]. Лексемы места выявляют оппозицию «своё – чужое». Частотность тех или иных географических названий позволила определить основные ландшафтные топосы геопозитического пространства, отражающие пространственное мировидение автора, задающие начальные и конечные координаты физических и духовных поисков, определяющих границы их ментального мира.

В большинстве случаев топонимы внутренне мотивированы содержанием текста (так, например, все тексты, насыщенные топонимами, всегда имеют такую мотивацию). Гораздо чаще географические наименования создают определённый фон, на котором разворачивается действие. В качестве такового примера можно рассматривать сборник «Фотосинтез», где 12 стихотворений книги представляют собой «короткие стихотворные новеллы ... на американском ... литературном материале» [2]: «Это Гордон Марвел» [8. С. 16], «Полбутылки рома, два пистолета» [8. С. 24], «Грейс» [8. С. 28], «Черный квартал» [8. С. 32], «Миссис Корстон» [8. С. 40], «Тара Дьюли» [8. С. 44], «Джо Тодуа» [8. С. 62], «Джеффри Тейтум» [8. С. 64], «Пайпер Боул» [8. С. 72], «Говард Кнолл» [8. С. 74], «Бернард пишет Эстер» [8. С. 76], «Старый Хью жил недалеко от того утеса...» [8. С. 86]

«как пересказ русских драм под американскими топонимами и в гротескно-кинематографическом антураже» [2]: имена собственные как нетропеические средства создания образности речи. Американской топонимической системе координат названного цикла соответствует и антропонимическая: МакГил, Гордон Марвел, гангстер Фокс, Стивен и Грейс, Майки, миссис и мистер Корстон, Тара и Шикиню, Джо Тодуа и Лу, Джеффри Тейтум и Джейни, Пайпер и Ричард Боул, Говард и Бет, Бернард и Эстер, Хьюберт (Хью) и Джим. Иностранные имена репрезентируют определенный локус, который не важен с точки зрения достоверности описываемых событий.

В текстах Полозковой присутствует группа имен собственных товаров, которые называют маркировочными обозначениями (маркировками), товарными марками, товарными знаками, номенклатурными знаками, или *прагматонимами* [3. С. 5].

Помимо имен собственных, в работе рассматриваются и иные маркеры, т.е. языковые способы реализации «чужих» элементов: цитаты, аллюзии, иностилевые вкрапления, а также использование форм вторичных литературных жанров: частушка, гадание, хокку, здравица и пр.: см. у В. Полозковой «Суженое-ряженое» [9. С. 58]; «По реке плывет топор» [9. С. 59]; «Над рекой стоит туман...» [9. С. 216]; «Песня вагантов» [9. С. 68]; «Перехокку» [9. С. 182]; «Здравица» [9. С. 159]: пародирование метафорических построений, характеризующих стиль того или иного жанра как особая разновидность «диалога культур» [5. С. 174].

Виды прецедентных феноменов культуры в поэтическом дискурсе Веры Полозковой были классифицированы по их источнику (художественная литература, фольклор, религиозные тексты, кинематограф, живое разговорное слово и т.д.). Анализ текстовых фрагментов, содержащих апелляцию к названным прецедентным феноменам, показал, что а) основной тематической сферой востребованности озвученных лингвокультурем в поэтическом дискурсе Полозковой является любовь и творчество: «Поэтом очень хочется не быть. Ведь выдадут зарплату в понедельник» [9. С. 24]; «...Не учили / Отвечать за тех, кого приручили? / да, ты прав: мы сами не береглись» [9. С. 107]; б) основная часть прецедентных феноменов в ее текстах – отсылка к русской классической литературе: для их понимания необходимо владение русским национальным дискурсом (то есть необходимо когнитивное знание «сквозных» образов данного этноса: пушкинские, некрасовские, крыловские аллюзии).

В художественной системе поэтессы иноязычные слова также являются активными элементами и употребляются в следующих разделах текста: в названии стихотворений («Only Silence Remains», «Just in Case»), в эпиграфе («To MJ»: см. «Гумилев Updated»), в основном корпусе текста. Освоенные иноязычные слова передаются с помощью практической транскрипции; устойчивые выражения и иноязычные предложения сохраняют графику языка-источника. С помощью иноязычных слов формируется интертекстуальная насыщенность текста, при этом их список весьма широк (кроме английского, это – латынь, испанский, французский, немецкий). Тематическая отнесенность иноязычных слов в стихах Полозковой разнообразна: это компьютерные термины (влияние компьютерного языка, социодialeкта пользователей компьютеров); топонимы не-транслитерированные; названия иностранных песен; табуированная лексика; прочие слова и выражения, создающие определенный колорит. Основной причиной, влияющей на тенденцию к использованию иностранных слов, заимствований, является превосходное знание поэтом английского языка. В итоге имеем целенаправленное смешение языков в художественных целях.

Язык текстов поэзии Полозковой афористичен. Ее фразы – это квинтэссенция жизненных наблюдений, философски обобщенная. Ее тексты насыщены также аллюзиями, цитатами, различного рода интертекстуальными отсылками. Сформированный культурный слой автор преломляет в мировосприятии лирической героини. Инокультурные элементы из «энергетически сильных макротекстов» становятся концептуально значимым феноменом ее идиостиля, это его общая коммуникативная установка, способ кодирования информации в тексте: «...Я продавец рифмованной шаурмы, работник семиотического МакДональдса; *сорока-воровка*, что тащит себе в стишок любое стофогеничное барахло» [9. С. 210]. Семантическая доминанта выделенного образа – страсть к блестящим вещам, которая заставляет эту птицу красть и тащить в свое гнездо самые различные предметы. Это сепаративный метапоэтический концепт, в аккумулятивном виде представляющий принципы поэтического творчества автора.

Список литературы

1. Блинова, Ю. А. Прecedентные имена собственные в немецком газетном дискурсе: автореф. дис. канд. филол. наук. Самара, 2007.
2. Быков, Д. Немаленькая Вера // «Газета», 2009. – от 22 сентября. URL : <http://www.gzt.ru/column/dmitrii-bykov/261641.html>.
3. Исакова, АА. Специфика переклyчения языковых кодов при адаптации прагмонимов английского происхождения в русском рекламном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2005.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
5. Кураш, С. Б. Поэтический текст как поле «диалога метафор» // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе: Проблемы теоретической и исторической поэтики: матер. междунар. науч. конф. Гродно, 2000. Ч. 2. С. 171–176.
6. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999.
7. Пирс, Ч. С. Логические основания теории знаков / Пер. с англ. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. СПб., 2000.
8. Полозкова, В. Паволга О. Фотосинтез. М., 2008.
9. Полозкова, В. Непознание. М., 2009.

List of literature

1. Blinova, Ju. A. Precedentnye imena sobstvennye v nemeckom gazetnom diskurse: avtoref. dis. kand. filol. nauk. Samara, 2007.
2. Bykov, D. Nemalen'kaja Vera // «Gazeta», 2009. – ot 22 sentjabrja. URL : <http://www.gzt.ru/column/dmitrii-bykov/261641.html>.
3. Isakova, AA. Specifika pereključenja jazykovyh kodov pri adaptacii pragmonimov anglijskogo proishozhdenija v russkom reklamnom tekste: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tjumen', 2005.
4. Karaulov, Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. M., 1987.
5. Kurash, S. B. Pojeticheskij tekst kak pole «dialoga metafor» // Vzaimodejstvie literatur v mirovom literaturnom processe: Problemy teoreticheskoj i istoricheskoj pojetiki: mater. mezhdunar. nauch. konf. Grodno, 2000. Ch. 2. S. 171–176.
6. Lotman, Ju. M. Vnutri mysljavih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istorija. M., 1999.
7. Pirs, Ch. S. Logicheskie osnovanija teorii znakov / Per. s angl. V. V. Kirjuwenko, M. V. Kolopotina. SPb., 2000.
8. Polozkova, V. Pavolga O. Fotosintez. M., 2008.
9. Polozkova, V. Nepojemanie. M., 2009.

**КОНЦЕПТ ВРЕМЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА В. РАСПУТИНА**

Д. В. Зелепуго

В статье особое внимание уделяется изучению времени в рамках прозы В.Распутина. Концепт «время» вербализуется посредством темпоральной лексики и глагольных форм. Автор приводит несколько способов вербализации концепта «время» на примере выделения темпоральных номинаций, анализа глагольных форм и выявляет их концептуальное содержание. В статье подчеркивается, что в художественном тексте слово является знаком трансцендентного смысла и приобретает статус концепта.

Ключевые слова: темпоральные номинации, концепт, картина мира, художественный текст.

На современном этапе развития лингвистической науки в центре внимания ученых стоит не отдельная языковая единица, а художественный текст. Как отмечал И.Гальперин, «привычное всегда представляется понятным, но самое трудное в познавательной деятельности человека – увидеть нечто новое, ранее не замеченное в давно известных понятиях и процессах»[1.С.4]. Именно поэтому художественный текст в последние годы воспринимается как система, субъектом познания в котором выступает языковая личность автора как создателя текста, аккумулирующего в себе разнообразное содержание. Обобщенный когнитивно-эмотивный образ художественного текста не представляет абстрактные эстетические категории, а реализует их в авторском описании в сложном переплетении и взаимодействии. Поэтому процесс построения ценностной картины мира следует рассматривать как построение модели мышления, которая позволяет наглядно представить и, следовательно, изучить отличительные признаки мышления того или иного автора.

Художественное слово имеет принципиально иную природу, нежели в обычном языке: оно не зависит от жизненного контекста, его значение организуется за счет средств языка, внешних оценок и формы, обладающей собственным значением. Будучи вовлеченным в поэтический контекст, слово перестает выступать как знак мысли, но

является знаком неисчерпаемого трансцендентного смысла. Поэтому нам представляется интересным соотнесение русской картины мира с индивидуально-авторским восприятием. Толкование текста представляет собой раскрытие национально-культурной информации, которая эксплицируется в художественном произведении посредством «опорных точек» – словах, в которых зашифрованы наиболее значимые концепты [2.С. 9]. Важность культурно маркированных лексических единиц обосновывается частотностью их использования в тексте, употреблением в качестве заглавия, а также особым смыслом, которым они наделяются сверх своего лексического значения. Таким особым смыслом обладает категория времени.

В нашей статье мы ставим цель выяснить лингвокультурологический статус времени в прозе В.Распутина. Выбор произведений В.Распутина неслучаен. Распутин – глубоко национальный писатель, поэтому взаимосвязь индивидуально-авторского и традиционного обуславливает непреходящий интерес к концепту «время», нашедшего отражение в произведениях писателя. Концепт время в рамках авторского текста реализуется на лексическом и грамматическом уровнях. Вербализация концепта время на лексическом уровне представлена темпоральными номинациями – лексемами со значением времени: время, день, ночь, час, утро, вечер и др. На грамматическом уровне интерес вызывают видовременные характеристики глагола, также несущие концептуальную информацию об индивидуально-авторской временной картине мира.

Авторское представление о времени встраивается в общее цикличное восприятие времени: *Все звуки, все шумы большого поселка, казалось, удалялись, будто осторожно сносило их той же течью властительного времени; останоят Ангару – время не остановится.* («Живи и помни»). В русском языковом сознании время ассоциируется с птицей или животным, в языке это представлено посредством метафорических выражений типа *время пролетело, время бежит* и др. Внешним атрибутом времени предположительно выступают ноги и крылья, у Распутина находим: *Текла солнечном сиянии Ангара...текло под слабый верховик с легким шурианием время.* («Прощание с Матерой»). В распутинском тексте время выступает как ценность: *со временем все наладится; подошло время выписки, время, которого с таким нетерпением он ждал и ради которого чуть не лизал раны.* («Живи и помни»). К такому выводу приходим, проанализировав единицы с общим значением нехватки времени:

как же выкроить время, чтобы косить; у меня тоже лишнего времени нет и др., а также на основе перцептуального восприятия времени человеком (т.е. через призму собственной жизни): *он всякий раз поражался тому, с какой готовностью смыкается вслед за ним время.* («Живи и помни»). Номинации с лексемой время встраиваются в систему оппозиции *счастливый - несчастливый*. Здесь наблюдаем двойственный характер времени: обнаруживаем у Распутина идею о лечебном свойстве времени: *они молодые, со временем все наладится; должна поправиться – у тебя время есть*, однако представлены номинации и с пейоративным восприятием: *уж больно неподходящее было время; да шло по нынешним беспокойным временам.* («Живи и помни»), *такое теперь время, что и нельзя поверить, да приходится.* («Прощание с Матерой»). Русскому языковому сознанию свойственна персонификация времени, что также нашло отражение в прозе Распутина: *сейчас время такое живое; теперь и время наступило непутевое* и др. («Прощание с Матерой»). Широко в произведениях представлен **год**. Год, как временной отрезок, выступает единицей отсчета жизни, что подтверждается сочетанием данной номинации с числительным: *мы с тобой четыре года прожили – или этого мало?; за три года Гуськов успел повоевать и в лыжном батальоне; летом 44-ого года его ранило.* («Живи и помни»). Также год встраивается в представление о цикличности жизни: *берег, намываясь год от года, лег широко и богато; с годами Семеновна свыклась с Настеной*. Наблюдаем также перцептуальное восприятие лет: *какие мои годы: тридцать лет – полжизни еще не наступило; хотелось, чтобы каждая из встреч вмещала в себя годы жизни; больше трех лет война – сколько можно? вот так худо-бедно и жила деревня, встречая и провожая годы, как воду, одна утеха, что годы твои на исходе.* («Живи и помни»). Восприятие лет автором раскрывается посредством эпитетов. Так, у Распутина находим выражения *тяжелые годы, оборванные годы, переломные годы* и др. («Живи и помни»). Концептуальное содержание **дня**, которое нашло отражение в текстах Распутина, шире, чем словарная дефиниция, т. к. за днем закреплён пласт культурной информации. День выступает отчетом жизни, временным отрезком, заполненным деятельностью: *сообщили, что на несколько дней должны отпустить домой; она была как во сне, не чувствуя усталости за день и др.* («Живи и помни»). День у Распутина предстает как особая ценность: *А я выдюжу, мне этого дня надолго хва-*

тит; не ждать со страхом завтрашнего дня; он ...знал, что так будет, и, радуясь этому дню, ждал с холодным удивлением, что он неминуемо придет; настолько горек и настолько радостен был этот последний, поданный из милости день. («Живи и помни»). День в русской временной картине мира связан с одной стороны, с возрождением, красотой, счастьем, светом, а с другой – с заботами, поэтому в языке закрепилось как положительное восприятие дня, так и отрицательное, что наблюдаем и у Распутина: надежда – *а расцвет, белый день выйдет- шию топочемся; не стоит все время перед глазами это убожество и не пугает завтрашним днем.* («Деньги для Марии»). Положительное восприятие дня раскрывают лексемы со значением цвета. Так, встречаем выражения *белый день, ясный день, светлый день.* Находим также единицы и с негативным восприятием дня – *волчий день.* Смена дней воспринимается через призму человеческой жизни, т.к. для русского языкового сознания свойственно вести отсчет времени именно днями. Подтверждение тому находим и в тексте писателя: *и дальше дни пойдут без запинки мимо, все мимо и мимо; дальше дни пойдут уже без Матери-деревни.* («Прощание с Матерой»). День может выступать как субъект, что осуществляется посредством метафор: *езжай куда надо, покуль день не ушел; чтобы день не пропал впустую, решила: поеду; день, хмурившийся с утра, тоже распрозднился* («Живи и помни») – и как объект: *терять день не хотелось; не бояться завтрашнего дня* и др. День воспринимается не только как вместилище событий, но и как нечто неотделимое от человеческой жизни: *дни, ставшие заметно короче, но не потерявшие силы и мощи, казались до предела полными и тугими, вобравшими в себя больше, чем они могут свезти; так терпеливо и молча пойдут они до последнего, конечного дня.* («Прощание с Матерой»). **Ночь** в русской языковой картине мира воспринимается как провал жизни, мрак, интервал между днями, т.е. небытие. На такое восприятие повлияла культурная традиция, утверждающая, что ночь – отрезок времени, в который наиболее активны злые, темные силы. Такую культурную традицию обнаруживаем в языковом материале повестей В.Распутина: *ночь была жутковатая – глухая, темная до крайней темноты; прибегу середь ночи – кому это понравится.* («Живи и помни») Однако у Распутина находим выражения, в которых ночь имеет и положительные коннотации, например: *и мы с тобой всю-то ноченьку одни барствовали.* Как и день, ночь выступает как субъект (на основе метафорических

представлений): *ночь подвинулась; по тому, как потускнела ночь, она поняла, что скоро начнет светать*. Ночь также предстает как отсчет жизни, что связано с идеей цикличности времени: *буду я по ночам шастать; по ночам...он слышал ее шепот, лунные ночи стали его беспокоить*. («Живи и помни») День и ночь образуют коллекцию, объединяются в более крупный отрезок времени – сутки, также подтверждающий идею круговорота времени. Известна пословица *день да ночь - сутки прочь*, которую автор вводит в свой текст, можно найти и другие примеры неразделимости дня и ночи: *день и ночь думаю: как жить; уйдет под воду Матера – все так же будет сиять и праздновать ясный день и ясную ночь небо*. («Прощание с Матерой»). Менее культурно маркированы **утро** и **вечер**. Они выступают как названия части суток, вмещающих какое-либо событие: *под утро, еле волоча ноги, он поплелся на другую сторону Ангары; вечером была подписка на заем*. («Живи и помни»). Идея о том, что утро вечера мудренее, нашла отражение у Распутина: *предстояло еще сообщить эту новость Михеичу, но лучше утром, на сегодня ему хватит*. Также концептам вечер – утро свойственно движение: *вечер пал теплый и тихий; утро поднялось уже высоко*. («Живи и помни»). В языковом материале находим единицы – **названия сезонов**. *Зима, осень, весна, лето* неразрывно связаны с человеческой деятельностью, их наступление, смена воспринимается через призму всей жизни: *чудилось, что до лета еще целая жизнь, до весны еще жить да жить; он прожил последнюю осень, последнюю зиму, пропускает последнюю весну, впереди последнее лето*. («Живи и помни»). Для культурной традиции характерно восприятие сезонов в зависимости от погоды и урожайности. То же наблюдаем и у Распутина: *той осень урожай был такой, что стыдно было не отъестся; она научилась этому еще в то кусочное лето, когда обходила с Катькой ангарские деревни; зима ... в этих краях простояла сиротской, но крещенские морозы свое взяли, отстучали, как им полагаются за сорок; только что заступил июнь, подряд гуляли ясные солнечные дни, едва прерываемыми короткими сумеречными ночами*. («Живи и помни»). В текстах В.Распутина концептуализируются номинациями с неопределенным значением временной длительности - **пора, срок, момент, миг**, которые имеют большое значение для раскрытия авторского восприятия времени. Они воспринимаются как отчет жизни, как ценность, как положительный или отрицательный этап жизни: *придет пора, ударит час; чудился некий спаси-*

тельный испытательный срок: выжил – живи; Семеновна в ненастную пору подливала масла в огонь. («Живи и помни»). Темпоральную номинацию *срок* автор даже выносит в заглавие одной из своих повестей – «Последний срок», тем самым подчеркивая судьбоносное значение времени в человеческой жизни.

Как отмечалось выше, репрезентация концепта время осуществляется также и на грамматическом уровне. При анализе глагольных форм прослеживается временное ощущение В.Распутина. При подробном рассмотрении глагольных форм прозы Распутина было установлено, что рамки прошедшего времени значительно расширены. Прошедшее время у Распутина богаче по своему содержанию, т.к. обладает дополнительными коннотациями. *И опять наступила весна, своя в своем нескончаемом ряду, но последняя для Матеры, для острова и деревни, носящих одно название. Опять с грохотом и страстью пронесло лед, нагромоздив на берега торосы, и Ангара освобождено открылась, вытянувшись в могучую сверкающую течь. Опять на верхнем мысу бойко зашумела вода, скатываясь по реке на две стороны; опять запылала по земле и деревьям зелень, пролились первые дожди, прилетели стрижи и ласточки и любовно к жизни заквакали по вечерам в болотце проснувшиеся лягушки* («Прощание с Матерой»). Как видно из представленного фрагмента, в тексте обнаруживаются глаголы только прошедшего времени совершенного вида в сочетании с наречием времени *опять*. Данная видовременная форма несет концептуальную смысловую информацию. Все это рисует постоянную, устойчивую картину круговорота жизни, создавая ощущение гармонии и жизненного порядка. Прошедшее время у Распутина не просто сообщение о том, что действие совершилось до момента речи. Временной ориентир у Распутина достаточно сложен, т.к., повествуя об уже случившихся событиях, автор «отбрасывает» нас к событиям, случившимся еще раньше первых. *Старухи втроем сидели за самоваром и то умолкали, наливая и прихлебывая из блюда, то опять как бы нехотя и устало принимались тянуть слабый, редкий разговор. Сидели у Дарьи, самой старой из старух; лет своих в точности никто их них не знал, потому что точность эта осталась при крещении в церковных записях, которые потом куда-то увезли – концов не сыскать* («Прощание с Матерой»). В первой части представленного фрагмента глаголы прошедшего времени *сидели, умолкали, принимались* обозначают

действия, которые произошли в прошлом, но автор смещает точку отсчета назад, и эти действия являются произошедшими после действий, выраженным глаголами *осталась, увезли*. Такой прием смещения от прошедшего к прошедшему еще ранее характерен для временной картины прозы Распутина. Специфика прошедшего времени у Распутина заключается еще в том, что зачастую оно не воспринимается как уже случившееся и законченное, а словно проносится перед глазами читателя как застывшее настоящее. Это достигается за счет частотности употребления глаголов в форме прошедшего времени несовершенного вида. *Старуха Анна лежала на узкой железной кровати возле русской печки и дожидалась смерти... Она [старуха] долго пересиливала себя и держалась на ногах. Летом ей будто легчало, и она выползала во двор и грелась на солнышке, а то и переходила с роздыхом через улицу к старухе Миронихе; но к осени, перед снегом, последняя ночь оставляла ее...* («Последний срок»). Представленные глаголы *лежала, дожидалась, пересиливала, держалась* и другие, несмотря на то, что стоят в форме прошедшего времени рисуют не динамичную картину смены событий, а, наоборот, устойчивую. В целом глаголам прошедшего времени несовершенного вида отводится в тексте Распутина особое место. Зачастую при употреблении вышеуказанных форм рисуется одновременно и динамичная, и статичная картина жизни, связанная с авторским представлением о смысле человеческого существования: *всегда одно и то же: теребили с чем-нибудь ребятишки, кричала скотина, ждал огород, а еще работа в поле, в лесу, в колхозе – вечная круговерть; старуха жила нехитро: рожала, работала, ненадолго падала перед новым днем в постель, снова вскакивала, старела; по вечерам... выходили на улицу и собирались вместе..., догорала заря за Ангарой..., еще больше вытягивалась наверху бездна неба, ласково булькала под близким берегом вода..., звуки и краски сливались в одно благостное дремотное качание, и казалось, сдвигались плотней в деревне избы...* («Последний срок»). В приведенных примерах представлены глаголы в форме прошедшего времени несовершенного вида, несущие несколько смыслов. Это и извечный круговорот жизненных событий, их повторяемость (в этом заключается статичность), за счет частотности употребления данных глагольных форм создается динамичность, а за счет лексического значения выявляется авторское восприятие времени, заключающееся в ценностном отношении к традиционному укладу

жизни. Прошедшее время проносится перед глазами читателя как устойчивое настоящее, причем оно выступает залогом некоего порядка, в который может вторгнуться будущее и разрушить его: *по вечерам, когда **затихал** ветерок и от нагретой земли **исходило** теплое парение, такая **наступала** кругом благодать, такой покой и мир, так густо и свежо **сияла** перед глазами зелень, еще более приподнявшая, возвысившая над водой остров, с таким чистым, веселым перезвоном на камнях **катилась** Ангара и так все **казалось** прочным, вечным, что ни во что не **верилось** – ни в переезд, ни в затопление, ни в расставание* («Прощание с Матерой»). Глаголы прошедшего времени затихал, исходило, наступала, катилась рисуют устойчивую картину жизни, а не события, которые произошли. Прошедшее у Распутина неразрывно связано с исторической памятью, воспоминаниями, на которых держится настоящее, поэтому отказ от прошедшего не несет, по Распутину, ничего хорошего.

Распутин отвергает настоящее, которое потеряло связь с прошлым, что подтверждается при рассмотрении функционирования глагольных форм в контексте: *Точно оправдывая в чем себя, Павел подумал, что ему вообще нередко **приходится вспоминать**, что он **живет**, и подталкивать себя к жизни... Все, что требуется, они делают – и детей **рожают**, и работу **справляют**, и солнце **видят**, и **радуются**, **злятся** в полную моченку, но все как бы после своей смерти... Он **спохватывается**, **держит память** ближе, **ступает** прочней, **делает** все, чтоб крепче **зацепить** себя* («Прощание с Матерой») ... Настоящее у Распутина, которое разорвано с прошлым, представляется пустым и бессмысленным. **Чередование форм** прошедшего и настоящего времени обозначает иногда переход от реального плана повествования к плану сновидений, забытья: *Гуськов **дремал** и ему **мерещились** короткие... сны. То капитан Лебедев... почему-то **предупреждает** его, Гуськова, что если он перебежит к немцам, его обменяют на генерала... Затем он **видит** себя в ново-сибирском госпитале, где хирург... **зовет** его в свой кабинет **пить спирт**... переход от прошедшего времени к настоящему сопряжено также с иллюзорностью событий: *Гуськов **похолодел**: весь день он почему-то не **сомневался**... и даже **прикидывал** – вот сейчас Настена **таскает** воду, сейчас **топит** каменку* («Живи и помни»). Используя глагольные формы настоящего времени, Распутин представляет действия, выраженные этими формами, как нереальные, выдуманые: *:Настасья начала **чудить**, **наговаривать** на своего**

старика...А Егор-то **плачет**, слезами **умывается**, хотя все знали, что дед Егор не вдруг пустит слезу («Прощание с Матерой»). Глаголы **плачет**, **умывается** обозначают действия, которые на самом деле не совершаются. *Че ты там за мной видишь – смерть мою?* Здесь глагол видишь также обозначает нереальное действие.

Будущее у Распутина подается с негативной оценкой. Зачастую оно апокалиптически: **подымет**ся вода, **хлынет** на Матеру – **исчезнет** остров. Ощущение времени Распутиным базируется на положительном восприятии прошедшего, которое неразрывно связано с исторической памятью, неприятием настоящего, несущего разрушение векового уклада жизни, и страхом перед неизвестным будущим.

Таким образом, на восприятие времени Распутиным повлияла русская культурная традиция. Проанализировав материал, приходим к выводу, что когнитивное содержание временных отрезков в повестях В. Распутина намного шире словарной дефиниции, так как за ними закреплена национально-культурная информация, раскрывающаяся в темпоральных единицах. Временные отрезки имеют судьбоносный для человека характер, например, отсчитывают его жизнь и воспринимаются через призму всей жизни. Глагольные формы также несут концептуально-содержательную информацию, раскрывают временные ощущения автора. Все это позволяет говорить о том, что время в рамках текста Распутина имеет статус концепта и является одним из важнейших фрагментов индивидуально-авторской картины мира.

Список литературы

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования : монография. М. : КомКнига, 2008. 148 с.
2. Балущ, Т. В. Лингвоконцептуальный анализ художественного текста : монография. Минск: БГПУ, 2005. -113с.
3. Распутин, В. Г. Повести. М. : Молодая гвардия, 1978. 528 с.
4. Стернин, И. А., Попова З. Д. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ-Восток-Запад, 2007. 314 с.

List of literature

1. Gal'perin, I. R. Tekst kak objekt lingvisticheskogo issledovanija : monografija. M. : KomKniga, 2008. 148 s.
2. Balush, T. V. Lingvokonceptual'nyj analiz hudozhestvennogo teksta : monografija. Minsk: BGPU, 2005. -113s.
3. Rasputin, V. G. Povesti. M. : Molodaja gvardija, 1978. 528 s.
4. Sternin, I. A., Popova Z. D. Kognitivnaja lingvistika. M. : AST-Vostok-Zapad, 2007. 314 s.

5. Валгина, Н. С. Теория текста. М. : Мир книги, 1998. 210 с.
6. Бульгина, Т. В., Шмелев, А. Д. Языковая концептуализация мира : на материале русской грамматики. М. : Наука, 1997. 576 с.
5. Valgina, N. S. Teorija teksta. M. : Mir knigi, 1998. 210 s.
6. Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. Jazykovaja konceptualizacija mira : na materiale russkoj grammatiki. M. : Nauka, 1997. 576 s.

**РАССКАЗ В. НАБОКОВА «ПИЛЬГРАМ»:
ОПЫТ СТИЛЕВОГО АНАЛИЗА**

А. В. Сверчкова

На примере рассказа «Пильграм» в статье анализируется стиль В. Набокова, выявляется стилевая доминанта писателя и определяется ее роль в формировании авторской картины человеческого существования.

Ключевые слова: стиль, стилеобразующий принцип, антитетичность, принцип метаморфозы, природа стиля.

С тех пор, как с легкой руки современной художнику критики за В. Набоковым закрепилась репутация «по преимуществу художника формы» [10. С. 196], исследователи творчества писателя не оставляют попыток постичь природу его уникального стиля, подобрать ключ к оригинальной поэтике набоковских произведений [4. С. 88]. Ее доминанта представляется одним набоковедам (А. Люксембург, Г. Рахимкулова, М. Липовецкий, А. Долинин, А. Аппель) как игровой принцип, особенно явственно проступающий в более поздних текстах писателя и крупной романной форме прежде всего. Другим (А. Пятигорский, И. Паперно) структурное основание стиля Набокова видится как закон «смещенности», или деформации, изображаемых явлений, возникающей в результате специфического «набокового» зренья и открывающей в увиденном «что-то, смысл чего еще не найден» [9. С. 347]. А третьи в качестве ведущей закономерности формотворчества писателя называют стратегию антиномичности, «биспациальности» (термин Ю. Левина), суть которой состоит в противопоставлении реальности и искусства, сна и яви, действительности и «потусторонности». Такой точки зренья придерживаются отечественные литературоведы О. Сконечная, А. Арьев, Б. Аврин, а также американские ученые В. Александров, Д. Б. Джонсон, Д. Б. Сиссон, описывающие в своих работах «двомирную» модель набоковских произведений. Последний исследователь, например, ссылается на явление «космической синхронизации» (понятие Набокова, которое он сам в автобиографии «Память, говори» определяет как «способность думать о нескольких вещах одновременно» [8. С.

503]), обеспечивающее, по мысли Д. Сиссона, существование в текстах писателя «одновременных, но взаимоисключающих вымышленных миров» [11. С. 76]. Но первым на этом пути был, пожалуй, В. Ходасевич, который уже в 1937 году в своей статье «О Сирине» указал на проблему соотношения миров как центральную тему рассказов Набокова, в частности, рассказа «Пильграм» [10. С. 197].

На первый взгляд, данное произведение, художественное пространство которого отчетливо распадается на мир внешний (мир берлинской действительности) и мир внутренний (мир мечты героя), действительно, построено в соответствии с принципом антитезы. Показательным в этом плане нам представляется прежде всего тот факт, что композиционные части рассказа, соотносимые с течением внешней (Пильграм-лавочник) и внутренней жизни героя (Пильграм-энтомолог, превосходный специалист), существенно различаются своей ассоциативно-цветовой гаммой. Так, семантическим знаком неопределенности, размытости окружающей Пильграма действительности становится монотонный серый цвет, окрасивший и пейзаж за окном («серый и сырой апрельский день»), и интерьер дома («тускляя» квартира, гостиная с буро-малиновым диваном, «увядшие» фотографии на стене), и даже саму внешность героя (седоватые усы, серый костюм) в мертвенно-бледные тона. В противоположность однообразному блеклому внешнему миру, лишенному света и солнца, внутренний мир героя подчеркнуто контрастен и раскрашен автором в яркие, праздничные цвета крыльев бабочек – черных «с изумрудной искрой», «полупрозрачных красноглазых аполлонов», летающих над пропастью, где «бурно белеет вода», «сапфирных амазонских бабочек, таких сияющих, что от их просторных крыльев ложился на руку или на бумагу голубой отсвет», желтых и оранжевых бабочек Конго, плотно сидящих на «жирной, черной земле» и взлетающих «яркой тучей» при малейшем приближении человека [7. С. 249, 255, 256].

Особо подчеркнем при этом, что цветовая антитеза, коррелирующая в тексте набоковского рассказа с антитезой композиционной, несет в себе вполне определенную семантику, выражая авторскую оценку указанным выше мирам. И если внешняя «безлика» жизнь, отличающаяся не просто тусклостью и цветовой недифференцированностью, но эмоциональным «однообразием», а точнее, эмоциональной атрофией, выражающейся в полнейшем отсутствии к ней (жизни) интереса, однозначно определяется Набоковым как «прозябание», то яркая красочная жизнь мечты Пильграма, напротив, соот-

носится автором с понятием «счастье». Значимой и содержательной в ценностно-эмоциональном плане эту жизнь делают столь любимые героем рассказа, как, впрочем, и его создателем, бабочки, которые привносят в нее не только краски, но и смысл: «счастье заключалось в том, чтобы самому, вот этими руками <...> самому, самому, ловить редчайших бабочек далеких стран, собственными глазами видеть их полет, взмахивать сачком, стоя по пояс в траве, ощущать бурное бие-ние сквозь кисею» [7. С. 253].

Неравнозначные в ценностно-смысловом плане два этих мира расходятся и по своим пространственным характеристикам, которые целенаправленно выстраиваются Набоковым как оппозиция «замкнутое / открытое». Так, в отличие от замкнутого пространства реальной действительности, представленной рядом конкретных ограниченных друг от друга локусов (трактир, лавка, квартира, комната), внутреннее пространство мечты предельно широко и открыто. Не случайно местами охоты на бабочек в снах героя выступают природные объекты – склоны гор, сосновые леса, пастбища, вересковые холмы, долины, оазисы. И вновь по воле художника происходит семантизация формального противопоставления «замкнутое / открытое»: пространство внутреннего мира обретает в тексте рассказа отчетливое значение бескрайности и свободы, тогда как внешнее существование героя несет в себе столь же явную идею неволи, порабощения: Пильграм словно булавкой приколот к своей лавке, за которую он «крепко» держится как за «единственную связь» с «призраком пронзительного счастья» [7. С. 253].

Художественное время оказывается под стать художественному пространству. Цикличное, словно заданное кем-то извне время размеренной берлинской жизни дублирует и заостряет идею несвободы, проводимую пространственной организацией внешнего мира, заключая героя в замкнутый круг чередой проходящих событий: по субботам – трактир, по воскресеньям – молчаливые прогулки с женой. Ритм жизни Пильграма-лавочника задается автором через проводимый в рассказе лейтмотив капающей из крана воды, а также благодаря глаголам несовершенного вида в прошедшем времени, которые и создают эффект порочного круга многократно повторяющихся действий: «входил», «бормотал», «возвращался», «запирал», «кряхтел» и т.п. В результате словесно-событийная ткань рассказа почти осязаемо передает заложенное автором ощущение опустошительной ритуальности происходящего, вынужденности,

неестественности и, как следствие, неподлинности существования героя.

Что касается внутреннего мира, то Набоков принципиально лишает его категории психологического времени, формируя этот мир следуя своей излюбленной формуле – «вне дьявольского времени, но очень даже внутри божественного пространства» [б. С. 80]. Складывая «персидский ковер времени, так чтобы один узор приходился на другой» [б. С. 80], художник намеренно совмещает различные временные пласты и помещает воображаемую реальность, застывшую в настоящем моменте полета бабочки, в некое безвременье. Именно с этим связано внезапное переключение в тексте нарративных стратегий – с повествования в прошедшем времени («начиналась», «тянулась», «задерживались», «плыли»), описывающего берлинскую жизнь героя, на повествование в настоящем («летает», «водится», «плывут», «белеет») в той части рассказа, где изображается внутренний мир Пильграма.

Таким образом, последовательно и целенаправленно осуществляемое Набоковым противопоставление внешнего и внутреннего миров, представленного рядом «преобразующихся», семантически «подвижных» оппозиций: «неопределенность / яркость» => «прозябание / счастье», «замкнутость / открытость» => «неволя / свобода», - позволяет сделать вывод о том, что лишь внутренняя жизнь – красочная, полноценная, свободная – является подлинной, т.е. жизнью в собственном значении этого слова, в то время как внешняя жизнь – серая, вынужденная, безрадостная – не жизнь вовсе, а в буквальном смысле смерть. И эту ее «мертвую» сущность подчеркивает сопровождающий повествование этой части рассказа смертоносный «миндальный запах» глоболя – «морилки» для насекомых, которым буквально «пропитана» лавка Пильграма.

И тем не менее, два этих подчеркнута контрастных мира, разведенных сразу по нескольким «критериям» – пространственно-временной организации, ценностно-эмоциональному и смысловому содержанию, – находятся в тексте Набокова в гораздо более сложных отношениях, ибо существуют не автономно, а параллельно друг другу, о чем свидетельствует одномоментность происходящих в них событий. Ведь в тот самый миг, когда Пильграм выполняет обязанности лавочника, «садится южная бабочка на базальтовый осколок и дышит крыльями» [7. С. 256]. Причем связь между мирами настолько сильна, что один по сути своей является зеркальным отражением

другого. Именно поэтому приближение Пильграма к осуществлению мечты оборачивается явным ухудшением его физического состояния: «страдал от головокружений», «чувствовал волнение, тяжесть в висках, черные пятна плыли перед глазами», шел «волоча ногу, багровый, с перекошенным ртом», «сильно пошла кровь носом» [7. С. 256, 257, 258]. В конечном счете, кульминационный момент всей духовной жизни героя, связанный с обретением им *реальной* возможности поехать в энтомологическую экспедицию, совпадает с его физической смертью. И именно тогда, как это ни странно, мечта Пильграма осуществляется. Именно *после* своей смерти герой, как замечает автор, и «посетил и Гренаду, и Мурцию, и Альбацин», «увидел всех тех бабочек, которых мечтал увидеть» [7. С. 260–261]. А это значит, что окончательное оформление вымышленной, внутренней реальности происходит у Набокова лишь в результате распада реальности действительной, внешней.

Такая организация художественной реальности в рассказе подводит нас к пониманию специфической художественной логики его создателя, согласно которой внешнее – это лишь этап на пути развития внутреннего, более совершенного, стремящегося прорваться вовне. Не случайно внешняя реальность, представленная, в частности, физическим телом Пильграма, метафорически уподобляется в рассказе оболочке, кокону¹, который жизненно необходим для возникновения «чудесно растущей» бабочки-мечты, готовой «вот сейчас, сейчас из куколки вылупиться» [7. С. 258]. **Иными словами**, говоря уже более обобщенно, в творимом Набоковым мире одно явление или состояние непременно прорастает из другого, диаметрально противоположного первому. Отсюда, основополагающий принцип набоковской поэтики определяется нами вслед за Е. Белосусовой как принцип «антитетичной метаморфозы» [1. С. 119]. Его действие описывается исследовательницей на материале романов В. Набокова рубежа 1920 – 1930-х годов «Машенька» и «Защита Лужина». К данному понятию, которое, на наш взгляд, наиболее точно характеризует стилевую структуру набоковских произведений, так или иначе примыкают понятия «трансгрессии» (нарушения) границы между реальностью и искусством Н. Букс и «перевода» П. Мейер [2. С. 330]. Последняя считает, что идея перевода, как в буквальном,

¹ В английском переводе рассказа эту функцию героя Набоков подчеркивает самым названием произведения – «The Aurelian», производным от англ. устар. «aurelia» - куколка.

так и «во множестве фигуральных смыслов», является центральной в текстах Набокова и подразумевает преобразование, и что более существенно, эволюцию образов, тем, сюжетов [5. С. 14–15]. Таким образом, П. Мейер в очередной раз акцентирует значимую для нас мысль о генетической связи противоположных по своей сути явлений, участвующих в «переводе». Отсюда, и соответствующий вывод, который делает американская исследовательница: «перевод родствен метаморфозе» [5. С. 15].

Значимость превращения одного в другое Набоков акцентирует лексически, с самого первого предложения рассказа активно используя глаголы с семантикой трансформации и преобразования: «менять», «становиться», «появляться», «искать выход», «проникать», «вытеснять», «вылупляться», а также наречия, характеризующие неполноту действия или описывающие пограничное состояние: «чуть не умер», «чуть не погиб», «до сих пор не оправился», «едва выносимо».

Этой же цели служат в тексте и особым образом организованные синтаксические конструкции. Имеется в виду способность набоковской фразы преобразовываться по мере своего развития, то есть, по словам Е. Белоусовой, «прицельно» вести за собой читателя «в единственно возможном для автора направлении», но затем делать вдруг неожиданный поворот и приводить его (читателя) «совсем “не туда”» [1. С. 118]. Например: «улица, увлекая в сторону один из номеров трамвая, начиналась с угла людного проспекта <...> долго тянулась в темноте, без витрин, без всяких радостей <...> и, как бы решив зажить по-новому, меняла имя <...> далее она становилась значительно оживленнее; по правой руке появлялись: фруктовая лавка <...> табачная <...> колбасная, аптека, москательная и вдруг – магазин бабочек» [7. С. 248]. **Продолжительно развивающее тему претерпевающей изменения улицы, предложение вдруг резко обрывается тире и выходит к новому, неожиданному образу магазина бабочек.**

Еще более показательным в этом плане нам представляется следующий пример: «на самом же деле этот сорокапятилетний, тяжелый, грубый человек, питавшийся гороховой колбасой да вареным картофелем, мирно доверявший своей газете, благополучно невежественный во всем, что не касалось его одинокой бессмысленной страсти, видел <...> – необыкновенные сны» [7. С. 251]. **До предела нагнетая посредством градации одну сущностную характеристику своего героя (его приземленность), Набоков неожиданно заостряет совершенно иную грань образа Пильграма (мечтательность), что способ-**

ствуется его углублению и одновременному «прояснению» истинной, противоречиво-сложной натуры «лавочника-энтомолога-мечтателя». В данном случае поворот набоковской фразы «не туда» оказывается попаданием в самую цель, поворотом, который не столько уводит и запутывает читателя, сколько позволяет ему увидеть скрытую суть изображаемого. Приведем еще один пример, когда благодаря приему тройного усиления – параллельным конструкциям, связанным повтором и расположенным автором по принципу восходящей градации, достигается максимальное нагнетание внутреннего напряжения, а затем следует резкий спад, «поворот» на сто восемьдесят градусов, в результате которого обнаруживается весь драматизм ситуации: «он знал отлично, что это безумие, знал, что оставляет нищую жену, долги, магазин, который и продать нельзя, знал, что две-три тысячи, которые он выручит за коллекцию, позволяют ему путешествовать не больше года, – и все же он шел на это...» [7. С. 257]. Или другой пример: «...Пильграм ясно почувствовал, что он никогда никуда не уедет, подумал, что ему скоро пятьдесят, что он должен всем соседям, что нечем платить налог, – и ему показалось дикой выдумкой, невозможным бредом, что сейчас, вот в этот миг, садится южная бабочка на базальтовый осколок и дышит крыльями» [7. С. 256].

В равной степени центральный для поэтики данного рассказа образ бабочки, наряду с лексикой и синтаксисом, актуализирует идею метаморфозы и вместе с тем указывает на ее концептуальную значимость в плане «проявления» скрытого, сокровенного, то есть самого важного, самого главного в авторской картине человеческого существования. Именно «бабочка» раскрывает идею главной метаморфозы набоковского текста – превращения жизни и смерти: гусеница (жизнь) – куколка (смерть) – бабочка (жизнь), – и, таким образом, снимает их исконный антагонизм. Вот почему герой умирает в шаге от осуществления своей мечты и почему, собственно, это, как сообщает нам автор, «в некотором смысле совершенно неважно» [7. С. 261]. Чередой преобразований и трансформаций автор указывает на многообразие форм бытия, находящегося в неустанном обновлении и бесконечной демонстрации своей «оборотнической» сущности, и констатирует тем самым его принципиальную неисчерпаемость и неоднозначность. Не случайна внезапная сфокусированность повествования на Элеоноре в заключительной части рассказа: подобная смена ракурсов позволяет высветить не одну, а несколько точек зрения на происходящее, и показать, что «уход» Пильграма, восприни-

маемый им как безусловное счастье, становится для его жены истинной трагедией.

Вышесказанное позволяет уточнить природу индивидуального стиля В. Набокова, увидеть в нем не только «преломляющую», но и «проясняющую» (определение Е. Белоусовой) сторону.

В заключение еще раз подчеркнем, что основной стилеобразующий принцип набоковской поэтики видится нам не столько как «оппозиция реального и воображаемого пространства» [З. С. 359] или как отражение одного в другом, или «антифон» (Л. Копосова), но как принцип «антитетичной метаморфозы», согласно которому одно явление перетекает в свою противоположность, выявляя свою скрытую, но саму подлинную сущность. Именно он, на наш взгляд, позволяет почувствовать и осознать уникальную «преломляюще-проникающую» природу стиля В. Набокова.

Список литературы

1. Белоусова, Е. Русская проза рубежа 1920 – 1930-х годов: кристаллизация стиля (И. Бунин, В. Набоков, М. Горький, А. Платонов): Монография. Челябинск, 2007.
2. Букс. Н. Оперные призраки в романах В. Набокова // В. В. Набоков: pro et contra. СПб., 2001. Т.2.
3. Левин, Ю. Биспациальность как инвариант поэтического мира В. Набокова // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998.
4. Люксембург, А. М. Отражения отражений: Творчество Владимира Набокова в зеркале литературной критики. Ростов н/Д., 2004.
5. Мейер, П. Найдите, что спрятал матрос. М., 2007.
6. Набоков. В. Другие берега: Сборник. М., 1989.

List of literature

1. Belousova E. Russian Prose of 1920-1930s: Crystallization of Style (I. Bunin, V. Nabokov, M. Gorky, A. Platonov): Monograph. Chelyabinsk, 2007.
2. Buks N. Opera Ghosts in the Novels by V. Nabokov // V. Nabokov: Pro et Contra. St.Petersburg, 2001. Vol.2.
3. Levin Y. Bispacialnost' as Invariant of V. Nabokov's Poetic World // Levin Y. I. Selected Works. Poetics. Semiotics. M., 1998.
4. Luxemburg A. Reflections Reflected: V. Nabokov's Creative Work in the Mirror of Literary Criticism. Rostov n/D., 2004.
5. Meyer P. Find What the Sailor Has Hidden: V. Nabokov's Pale Fire. M., 2007.
6. Nabokov V. Drugiye Berega: Collection. M., 1989.

7. Набоков, В. Рассказы. Воспоминания. М., 1991.
 8. Набоков, В. Память, говори // В. Набоков Собрание сочинений. Американский период. Т. 5. СПб., 1999.
 9. Пятигорский, А. Чуть-чуть о философии Владимира Набокова // В. В. Набоков: pro et contra. СПб., 1997. Т. 1. С. 347.
 10. Ходасевич, В. О Сирине // Октябрь. 1988. № 6. С. 195-198.
 11. Шраер, М. Д. Набоков: Темы и вариации. СПб., 2003.
7. Nabokov V. Short Stories. Memoirs. M., 1991.
 8. Nabokov V. Speak Memory // V. Nabokov Collected Works. American Period. Vol. 5. St.Petersburg, 1999.
 9. Pyatigorsky A. Some Words about V. Nabokov's Philosophy // V. Nabokov: Pro et Contra. St.Petersburg, 1997. Vol.1.
 10. Hodasevich V. About Syrin // October. 1988. № 6.
 11. Shrayner M. D. Nabokov: Themes and Variations. St.Petersburg, 2003.

**ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ ЧЕЛОВЕКА
ПОСРЕДСТВОМ СОЧЕТАНИЙ СО СЛОВОМ ДУША
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

О. С. Ширяева

В статье представлены языковые единицы, используемые для описания личностных качеств человека в сочетании со словом душа. Теоретический материал проиллюстрирован примерами.

Ключевые слова: языковые единицы, характер человека, душа

Слово *душа* в значении ‘совокупность характерных свойств, черт, присущих личности; характер человека’ [4 а). С. 456] или ‘свойство характера, основные черты личности, а также человек с теми или иными свойствами’ [5. С. 408–409] употребляется для описания личностных качеств индивида. Во внимание принимались языковые единицы, используемые авторами советской прозы 1950-х – 1980-х гг. (Ф. Абрамовым, В. Астафьевым, В. Распутиным) в сочетании с данной лексемой для изображения психических особенностей человека, предопределяющих его поведение и поступки, проявляющихся в его действиях.

Одной из основополагающих общественно значимых характеристик личности является *доброта* – ‘отзывчивость, душевное расположение к людям, стремление делать добро другим’ [4 а). С. 410], например: *Утром я покинул тайгу, хотя собирался побыть у Григория Ефимовича неделю, а может, и больше. Григорий Ефимович удерживал меня не очень настойчиво. Делал он это, чувствовал я, только по доброте души своей* (В. Астафьев. Синие сумерки); *Когда учился на Высших литературных курсах, Имутину Михаилу Ивановичу – преподавателю политэкономии – говорил на экзамене одно и то же: “Политэкономия знаю на двойку, а надо тройку, чтобы получить стипендию – семья у меня”. И преподаватель – добрая душа – за честное признание ставил мне четверку* (В. Астафьев. Паруна); *Жена его, Алевтина Ивановна, добрейшей души человек...* (В. Астафьев. Печальный детектив). В представленных примерах лексические единицы *доброта*, *добрый (добрейший)*, определяя слово *душа*, служат средством изображения человека отзывчивого, де-

лающего добро другим, понимающего, проявляющего сочувствие, способного помочь, выслушать, утешить, поддержать в трудной ситуации и т.д.

Наряду с *добротой* другими не менее важными социальными качествами индивида выступают *отзывчивость*, представляющая собой способность к сочувствию, и *сострадательность* – ‘способность, склонность к состраданию’ [6. <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-71324.htm>]: <...> *чувствовал отзывчивую душу* <...> (В. Астафьев. Пастух и пастушка); <...> *в «болезной» душе, в каком-то затемненном ее закоулке, таилось легковозбудимое, слепо вспыхивающее, разномысленное зло* (В. Астафьев. Печальный детектив). Данные черты характера описываются посредством прилагательных *отзывчивый* – ‘быстро, легко отзывющийся на чужие нужды, просьбы и т.п., всегда готовый помочь другому’ – и *болезный* в значении ‘сострадательный, жалостливый’ [4 б). С. 679; 6. <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-3142.htm>].

К значимым нравственным качествам личности относятся *невинность* как ‘отсутствие вины, невиновность’ и *честность* как ‘свойство по знач. прил. *честный*’, то есть ‘правдивый, прямой и добросовестный’ [4 б). С. 427; 4 г) С. 672]: <...> *изо всех сил пытается оградить от дурного влияния отца душу невинную и чистую* – *внука Юрочку* (В. Астафьев. Печальный детектив). Здесь прилагательные *невинный* в своем третьем значении – ‘девственный, целомудренный’ [4 б). С. 427] – и *чистый* – оттенок переносного значения 10 ‘нравственно безупречный, правдивый и честный, без грязных, корыстных помыслов и действий’ [4 г). С. 681] –, выступают определениями к лексеме *душа* и обозначают безгрешность маленького ребенка. Фразеологизм *чистая душа* – ‘одобр. об очень честном, добросердечном, неиспорченном и безгрешном человеке’ [11. С. 210]. Образование данного выражения связано с представлениями «о душе как важной «части тела» человека. По этой важной детали путем метонимического переноса по традиции обозначается человек, обладающий каким-либо качеством» [1. С. 59].

К положительным личностным чертам также относятся *приветливость*, то есть ‘радушие, приветливое отношение’, и *уступчивость* – ‘сговорчивость’ [6. <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-55638.htm>; <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-79563.htm>]: <...> *в голосе его, без*

пьяной мужицкой дикости, но и без мощности, угадывался весь характер, вся его **душа – приветная и уступчивая** (В. Астафьев. Ясным ли днем). Данные качества являются обозначениями свойств по значениям прилагательных: *приветный* – ‘устар. и прост. то же, что *приветливый*’, т.е. ‘радушно, благожелательно относящийся к окружающим || исполненный ласки, дружелюбия, радушия’ [4 в]. С. 395]; *уступчивый* – ‘готовый на уступки; сговорчивый, покладистый’ [4 г]. С. 528].

Наряду с этим в человеке ценятся такие свойства характера как *открытость* – ‘откровенность, правдивость, доверчивость’ [3. http://www.mirsllovefremovoy.ru/show_word/109267/] – и *послушность* – ‘свойство по знач. прил. *послушный*’, то есть ‘покорный, повинующийся’ [3. http://www.mirsllovefremovoy.ru/show_word/124870/; 4 в]. С. 318]: *Настена упрекала в этом себя: значит, не то она выдумала, не так говорила, не сумела как следует спрятать то, что требовало особой заботы, не сумела убедить Михеича, что она все та же **открытая, послушная душа*** (В. Распутин. Живи и помни). В данном случае для описания качеств употребляются прилагательные *открытый* – ‘чуждый скрытности, искренний, откровенный’ [4 б]. С. 684] и *послушный*.

Открытость также может обозначаться посредством устойчивых сочетаний: *Чудная девка, непонятная, сумела сохранить все-все: чистоту, способность радовать, без оглядки воспринимать мир и все в этом мире. О таких вот говорят: **душа нараспашку*** (В. Астафьев. Бери да помни). Данный фразеологизм имеет значение ‘об очень откровенном, не скрытном, прямодушном, чистосердечном человеке’; ‘чистосердечный, прямодушный, откровенный (о человеке)’ [11. С. 209; 8. С. 150]. Первоначально употреблялось по отношению к человеку с расстегнутым воротом рубахи, который не боялся показать, что у него за пазухой [9. С. 168; 11. С. 209].

Проявлением доброты, толерантности, человечности по отношению к окружающим является *мягкость* характера: *Бродяги они были, мои дядья, все искали по свету удачу. Явившись домой, гуляли широко, разудало, драли друг на дружке рубахи, распугивали жен и ребятишек, а сейчас вот вспоминаются людьми незлобивыми, на-смешиливыми. Должно быть, та же **вековечная мягкость души**, что и у засекинцев, живет во мне <...>* (В. Астафьев. Синие сумерки). *Мягкость* в переносном значении – ‘отсутствие резкости; уступчивость’ [4 б]. С. 319]. Совокупность социальных и нравственных

качеств (доброта, честность, правдивость, благородство и т.д.) личности изображается следующим образом: *Все, что мог и хотел дать сыну Маркел Тихонович: любовь, тепло сердца, навыки в сельском, глазу не заметном труде, ремесла, так необходимые в хозяйстве, – все-все готов был тесть обрушить на зятя. И Леонид, не помнивший отца, возвращенный пусть и в здоровом, но в женском коллективе, всем сердцем откликнулся на родительский зов. И какая же просветленная душа открылась ему <...>* (В. Астафьев. Печальный детектив). *Просветленный – ‘облагороженный, очищенный от всего дурного (о душе, мыслях)’* [3. http://www.mirslovefremovoy.ru/show_word/132543/].

Человек как носитель различных положительных качеств описывается так: *Ведь чтобы выстроить такие хоромы – название-то какое! – какую душу надо иметь, какую широту натуры, какое безошибочное чувство красоты!* (Ф. Абрамов. Дом). Здесь посредством определительного местоимения *какой*, употребляющегося ‘в восклицательных предложениях для выражения эмоциональной оценки явления, действия, субъекта (удивления, негодования, восхищения и т.п. кем-, чем-л.)’ [4 б). С. 19], обозначается совокупность разнообразных свойств, проявляющихся в деятельности героя: в строительстве дома, в его благоустройстве. Помимо этого подчеркивается и богатство внутреннего мира индивида.

Особое место среди черт личности занимает *широта*, являющаяся, по мнению А.Д. Шмелева, названием «некоторого душевного качества, приписываемого русскому национальному характеру и родственного таким качествам, как хлебосольность и щедрость» [10. http://lib.ru/CULTURE/SHMELEW_A/shirota.txt]: *Она подала руку и, сразу посерьезнев, окинула меня быстрым и пронизательным взглядом, в котором светилась природная широта души, может быть, даже удаль, но все это было уже притушено временем и глубокою тайной, да все же угадывающейся печалью* (В. Астафьев. Старое кино). В представленном примере *широта* – ‘1. свойство по прил. широкий (в 5 и 6 знач.)’ [4 г). С. 718], где *широкий* в пятом значении определяется как ‘отличающийся большим размахом в проявлении чего-л., ничем не стесненный || отличающийся большим размахом в деятельности, щедростью в проявлении чувств (о человеке)’ [4 г). С. 717]. Устойчивое сочетание *широта души* не отражено в лексикографических источниках, однако существует фразеологизм *широкая душа*, имеющий пометы *разг., экспрес.*, значение которого идентич-

но оттенку значения прилагательного *широкий* – ‘о человеке, отличающемся большим размахом в деятельности, щедростью в проявлении чувств и т.п.’ [7. <http://slovari.yandex.ru/Широкая%20душа/правописание>]. Приведенный контекст показывает, что выражение *широта души* употреблено в качестве положительной характеристики героини. Наряду с этим данная фразеологическая единица может иметь и отрицательную коннотацию, «обозначая тягу к крайностям, к экстремальным проявлениям какого бы то ни было качества» [10. http://lib.ru/CULTURE/SHMELEW_A/shirota.txt]. Однако в исследуемом материале случаев употребления данного сочетания в негативном значении не выявлено.

Наравне с широтой, качеством, свойственным русскому национальному характеру, является *удаль* – ‘безудержная, лихая смелость, соединенная с бойкостью, ухарством; молодечество’ [4 г]. С. 463]: *И еще раз убедился Иван Петрович: отчаянная душа этот Афоня, свой, из старой дозатопной деревни парень, теперь уж не парень давно – мужик* (В. Распутин. Пожар). *Отчаянный* в разговорном значении – ‘не знающий страха, способный на самый рискованный поступок || безрассудно смелый, связанный с риском’ [4 б). С. 721].

Среди отрицательных личностных свойств, описываемых в текстах исследуемых авторов, можно отметить такое, как, например, *ветренность* – ‘легкомыслие, непостоянство’ [4 а). С. 158]. Мужчина, плохо поступивший по отношению к женщине, характеризуется следующим образом: <...> *пойти, отыскать французика, покинувшего самую в мире замечательную женщину, по-милицейски грубо взять его за шкуру, приволочь в монастырскую тихую келью и ткнуть носом в теплые колени женщины – цени, душа ветренная, то, по сравнению с чем все остальное в мире – пыль, хлам, дешевка* (В. Астафьев. Печальный детектив). В данном словосочетании прилагательное *ветренный* употреблено в переносном значении – ‘легкомысленный, непостоянный’ [4 а). С. 158].

О людях, преступивших черту закона, имеющих мятежный характер, говорится так: *Размякший от доброй ласки, лежал космонавт возле костра, глядел в небо, засеянное звездами, как пашня нерадивым хозяином <...> на кругло катящуюся из-за перевалов вечную спутницу влюбленных и поэтов, соучастницу свиданий и разлук, губительницу душ темных и мятежных – воров, каторжников, бродяг, покровительницу людей больных, особенно детишек, которым так страшно оставаться в одиночестве и темноте* (В.

Астафьев. Ночь космонавта). В данном контексте прилагательные используются для изображения людей, причастных к различного рода преступлениям: *темный* в переносном значении – ‘5. сомнительного свойства или репутации, непорядочный, неблагоприятный, подозрительный; 7. нежественный, отсталый, некультурный’ [4 г). С. 351]; *мятежный* – ‘причастный к мятежу, принимающий участие в мятеже’; ‘тревожный, мятущийся, беспокойный, бурный’ [4 б). С. 321; 6. <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-30702.htm>]

Человек со сложным характером изображается в следующем контексте: *Совсем запасмурнел овощевод Парасковьян: раз уж Степанида (мать Кирьки-шофера, предполагаемого отца ребенка дочери овощевода – О.Ш.) начала прикидываться и ваньку валять (овощевод рассказал ей о том, что его дочь и Кирька вместе ездили в райцентр и т. д. – О.Ш.), ему не подобрать ключа к ее сложной и закоулистой душе* (В. Астафьев. Деревенское приключение). *Сложный* – ‘1. состоящий из нескольких частей, элементов’; ‘2. многообразный по составу входящих частей, отношений, связей || сочетающий в себе разнообразные, часто противоречивые стороны, черты (о душевном мире, чувствах человека)’ [4 г). С. 142]; *закоулистый* – ‘о проходе, переходах, изгибистый или ломаный, о селении, доме’ [2. С. 1474].

Нетвердый характер описывается таким образом: *Но и до кладбища она не дошла; сказалось ей, что ни к чему идти туда с нетвердой душой, смущать покой мертвых, и без того возмущенный вчерашней войной* (В. Распутин. Прощание с Матерой). *Нетвердый* – ‘3. не обладающий решительностью, неуверенный в себе, своих действиях, поступках’ [4 б). С. 485].

Проведенное исследование показало, что посредством словосочетаний со словом *душа* описываются такие положительные свойства человека, как *доброта, мягкость, невинность, отзывчивость, открытость, приветливость, послушность, сострадательность, удаль, уступчивость, честность, широта*. Среди отрицательных черт характера выделяются *ветреность, мятежность, сложность и нетвердость*. А также необходимо отметить, что в некоторых случаях употребляются лексические единицы, обозначающие наличие у людей *совокупности как разнообразных положительных, так и отрицательных* качеств личности. Приведенные примеры демонстрируют многообразие языковых средств русского языка, исполь-

зуемых для изображения личностных характеристик индивида. Особенно ярко это представлено в произведениях В. Астафьева.

Список литературы

1. Гвоздарев, Ю. А. Рассказы о русской фразеологии. М. : Просвещение, 1988. 192 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. Т. 1: А–З. М. : Прогресс : Универс, 1994. 912 с.
3. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: Ок. 1900 словообразов. единиц [Электронный ресурс]. 2-е изд., испр. М. : АСТ: Астрель, 2005. 636, [4] с. URL : <http://www.mirsllovefremovoy.ru/>
4. Словарь русского языка: В 4-х т./ АН СССР, Ин-т рус. яз./ подред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981.
 - a) Т. 1. А – Й. 1981. – 698 с.
 - b) Т. 2. К – О. 1982. – 736 с.
 - в) Т. 3. П – Р. 1983. – 752 с.
 - г) Т. 4. С – Я. 1984. – 794 с.
5. Толковый словарь русского языка. Т. I. / под редакцией Д.Н. Ушакова. – М. : Астрель : АСТ, 2000. 848 с.
6. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М. : Славянский Дом книги, 2008. 860 с. URL : <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov.htm>
7. Фёдоров, А. И., Фразеологический словарь русского литератур-

List of literature

1. Gvozdarev, Ju. A. Rasskazy o russkoj frazeologii. M. : Prosvewenie, 1988. 192 s.
2. Dal', V. I. Tolkovoj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: T. 1–4. T. 1: A–Z. M. : Progress : Univers, 1994. 912 s.
3. Efremova, T. F. Tolkovoj slovar' slovoobrazovatel'nyh edinic russkogo jazyka: Ok. 1900 slovoobrazov. edinic [Elektronnyj resurs]. 2-e izd., ispr. M. : AST: Astrel', 2005. 636, [4] s. URL : <http://www.mirsllovefremovoy.ru/>
4. Slovar' russkogo jazyka: V 4-h t./ AN SSSR, In-t rus. jaz./ pod red. A.P. Evgen'evoj. 2-e izd., ispr. i dop. M. : Russkij jazyk, 1981.
 - a) T. 1. A – J. 1981. – 698 s.
 - b) T. 2. K – O. 1982. – 736 s.
 - v) T. 3. P – R. 1983. – 752 s.
 - g) T. 4. S – Ja. 1984. – 794 s.
5. Tolkovoj slovar' russkogo jazyka. T. I. / pod redakciej D.N. Ushakova. – M. : Astrel' : AST, 2000. 848 s.
6. Ushakov, D.N. Bol'shoj tolkovoj slovar' sovremennogo russkogo jazyka. M. : Slavjanskij Dom knigi, 2008. 860 s. URL : <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov.htm>
7. Fjodorov, A. I., Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo

- ного языка: ок. 13000 фразеологических единиц [Электронный ресурс]. 3-е изд., испр. М. : Астрель: АСТ, 2008. 878, [2] с. URL : <http://slovari.yandex.ru/~книги/Фразеологический%20словарь/>
8. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / Л.А. Войнова [и др.]; под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1986. 543 с.
9. Шанский, Н. М. Лингвистические детективы. М. : Дрофа, 2006. 524 с.
10. Шмелев А.Д. Широта русской души URL : http://lib.ru/CULTURE/SHMELEW_A/shirota.txt
11. Яранцев, Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник: Ок. 1500 фразеологизмов. – 2-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 2001. 845 с.
- jazyka: ok. 13000 frazeologicheskikh edinic [Jelektronnyj resurs]. 3-e izd., ispr. M. : Astrel': AST, 2008. 878, [2] s. URL : <http://slovari.yandex.ru/~knigi/Frazeologicheskij%20slovar/>
8. Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka: svyshe 4000 slovarnyh statej / L.A. Vojnova [i dr.]; pod red. A.I. Molotkova. 4-e izd., stereotip. M. : Rus. jaz., 1986. 543 s.
9. Shanskij, N. M. Lingvisticheskie detektivy. M. : Drofa, 2006. 524 s.
10. Shmelev A.D. Shirotа russkoj dushi URL : http://lib.ru/CULTURE/SHMELEW_A/shirota.txt
11. Jarancev, R.I. Russkaja frazeologija. Slovar'-spravochnik: Ok. 1500 frazeologizmov. – 2-e izd., stereotip. M. : Rus. jaz., 2001. 845 s.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Н. В. Денисенко

Статья несет в себе информацию о подходах, выявляющих национально-культурное своеобразие фразеологизмов, и особенностях функционирования национального менталитета как лингвистического мышления.

Ключевые слова: культурная ценность, подход, фразеологизм, менталитет, картина мира

Проблематика национально-культурной специфики фразеологической системы языка в настоящее время является предметом исследования многих лингвистов. Повышенное внимание к данной теме вызвано общим всплеском интереса к проблеме языка и культуры, которая, в свою очередь, получила новый импульс развития в рамках складывающейся сейчас новой, антропологической парадигмы современной лингвистики.

В рамках антропологической лингвистики, призванной изучать «язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением и духовно-практической деятельностью» [1. С. 49]. Необходимость создания единой теории языка и человека делает естественным и необходимым обращение к фразеологической системе языка, которая, представляет собой наиболее конкретное национально-детерминированное и самобытное явление. По замечательному выражению Л. И. Ройзензона, «фразеология из всех творений языкового гения человека – наиболее самобытное, сложное и компликативное явление» [2. С. 69]. Таким образом, проблема национально-культурного своеобразия фразеологии выходит за чисто лингвистические рамки и требует своей разработки в русле таких междисциплинарных вопросов, как «язык и культура», «язык и мышление», которые становятся все более актуальными для современной лингвистики.

При исследовании национальной специфики Д. О. Добровольский выделяет два подхода. Первый подход называется сравни-

тельным, при котором национально-культурное своеобразие одного языка определяется относительно другого языка. Второй подход - интроспективный, при котором национальная специфика языка рассматривается глазами его носителей, то есть производится самоанализ, самонаблюдение [3. С. 71].

При сравнительном подходе специфичными признаются все факты одного языка относительно другого языка, которые являются оригинальными с точки зрения традиционной народной культуры из перспективы второго языка (и соответствующей культуры). При этом не является важным то обстоятельство, что многие из выделяемых в качестве специфических фактов могут иметь место и в других языках (культурах).

Интроспективный подход основан на представлении о наличии базовых национально-культурных характеристик безотносительно к специфике других языков и культур. Задача исследования представляет собой поиск ответа на вопрос, в чем состоит национальная специфика языка глазами его носителей. Наиболее приемлемыми исследовательскими приемами в этом случае представляются опрос информантов и различные тесты, направленные на выяснение отношения носителей языка к соответствующим лингвистическим фактам. Так, например, сигналом наличия базовой национальной специфики может быть мнение о неуместности данного высказывания в устах иностранца.

При обращении к проблеме национально-культурного своеобразия фразеологизмов необходимо осознавать, что на сегодняшний день в лингвистике существуют несколько различных подходов к выявлению национально-культурной составляющей фразеологических единиц, имеющих различную методологическую базу, различные методы исследования, отличающиеся друг от друга степенью охвата фразеологического материала.

Прежде всего, необходимо назвать лингвострановедческий подход. Лингвострановедческое направление в лингвистике опиралось на появившиеся в работах лингвистов указания на существование внеязыкового компонента в значении слова, обусловленного экстралингвистическими факторами. При лингвострановедческом исследовании фразеологических единиц выделяются и классифицируются экстралингвистические факторы, отраженные в компонентном составе фразеологических единиц. Особое внимание к плану выражения фразеологизмов привлекает значение историко-

этимологического толкования элементов или прототипа фразеологических единиц. Лингвострановедческий подход – это наиболее поверхностный уровень выявления национально-культурной составляющей фразеологизмов.

Второй подход к выявлению национальной специфики фразеологизмов также возник в рамках структуралистского понимания языка. Он является определенной противоположностью лингвострановедческого подхода – заостряет внимание исследователя не на «безэквивалентном» компоненте фразеологизма, а, напротив, на наличии у анализируемой фразеологической единицы тех или иных иноязычных соответствий. Как известно, категория национального в сфере фразеологии находится в диалектическом единстве с категорией интернационального. Сопоставление фразеологических аналогов разных языков с целью выявления их национального колорита, национально-культурных особенностей является предметом контрастивного подхода к выявлению национально-культурного своеобразия фразеологизмов. Сопоставление фразеологических эквивалентов здесь происходит с целью выявления не общего, как при классическом сопоставительном методе, а для выявления различий, которые и составляют национально-культурное своеобразие фразеологических эквивалентов сопоставляемых языков.

Развитие лингвокультурологического подхода к изучению фразеологии ориентирует исследователя на изучение соотношения фразеологизмов и знаков культуры и актуализирует значение системы эталонов, стереотипов, символов и т.п. для описания культурно-национальной специфики фразеологической системы [4. С. 92].

В настоящее время появилось множество лингвокультурологических исследований, где авторы стремятся выявить для отдельных универсальных понятий любой культуры (таких, как *жизнь и смерть, добро и зло, любовь и ненависть* и пр.) их национальный образ, зафиксированный в наивной картине мира. Концептуальная модель понятия определяется путем анализа его употребления в языке. Привлечение фразеологического материала, рассмотрение внутренней формы фразеологизма в качестве ключа к пониманию содержания того или иного концепта культуры является характерной чертой работ этого направления.

По мнению В. Н. Телии, основной целью лингвокультурологического анализа фразеологических единиц является «выявление и описание культурно-национальных коннотаций, узуально спрово-

ждающих значение в форме образных ассоциаций с эталонами, стереотипами и другими культурными знаками и соотносимых друг с другом посредством когнитивных процедур, придающих этим коннотациям осмысление» [5. С. 79].

Таким образом, в рамках лингвокультурологического подхода национально-культурное своеобразие фразеологизмов видится в том, что они заключают в себе комплекс наивных представлений носителей языка о том или ином концепте национальной культуры. Анализ фразеологизма, каким-либо образом указывающего на определенное понятие духовной культуры, выявляет национально-культурную коннотацию анализируемого понятия, а анализ совокупности подобных фразеологизмов дает полную картину исследуемого концепта во фразеологической картине мира.

Данный подход к значению предоставляет большие возможности в области лингвистического моделирования актуального значения фразеологических единиц. Как известно, значения фразеологизмов большей частью метафоричны. Это позволяет восстановить комплекс тех концептуальных преобразований, которые лежат в основе формирования актуального значения идиом.

Таким образом, когнитивный подход к выявлению национально-культурного своеобразия фразеологизмов предусматривает анализ отдельных фразеосемантических полей с целью описания в их рамках фразеобразовательных моделей, совокупность которых показывает как национальные особенности языкового членения мира, так и особенности креативного мышления при создании каждого отдельного фразеологизма. Когнитивный подход – это способ исследования менталитета нации. Национально-культурное своеобразие фразеологии в рамках этого подхода представляет собой особенности функционирования языкового мышления, особенности образной картины мира.

Рассмотренные выше подходы к выявлению национально-культурного своеобразия фразеологизмов, бесспорно, представляют собой единое целое. Они могут быть представлены как ступени анализа национальной фразеологии: выявление безэквивалентных экстралингвистических факторов, отраженных во фразеологизмах; выявление структурно-семантических особенностей межъязыковых фразеологических аналогов; выявление национально-культурных коннотаций ключевых слов и концептов культуры, заключенных во фразеологизмах; выявление особенностей национального членения

языковой картины мира и особенностей функционирования национального менталитета как лингвокреативного мышления. Совокупное применение лингвострановедческого, контрастивного, лингвокультурологического и когнитивного подходов может дать полную картину национально-культурных особенностей фразеологической системы языка.

Список литературы

1. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Отв. ред. Б. А. Серебренников. М., 1988.
2. Снитко, Т. Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах. Пятигорск, 1999.
3. Добровольский, Д. О. Типология идиом // Фразеография в Машинном фонде русского языка. М., 1990.
4. Кириллова, Н. Н. Предмет и методы исследования идиоэтнической фразеологии. Л., 1988
5. Телия, В. Н. Метафора как модель смысла произведения и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М. : Наука, 1988.

List of literature

1. Postovalova, V. I. Kartina mira v zhiznedejatel'nosti cheloveka // Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke. Jazyk i kartina mira / Otv. red. B. A. Serebrennikov. M., 1988.
2. Snitko, T. N. Predel'nye ponjatija v zapadnoj i vostochnoj lingvokul'turah. Pjatigorsk, 1999.
3. Dobovol'skij, D. O. Tipologija idiom // Frazeofrafija v Mashinom fonde russkogo jazyka. M., 1990.
4. Kirillova, N. N. Predmet i metody issledovanija idiojetniceskoj frazeologii. L., 1988
5. Telija, V. N. Metafora kak model' smysla proizvedenija i ee jekspressivno-ocenochnaja funkcija // Metafora v jazyke i tekste. M. : Nauka, 1988.

**СПЕЦИФИКА АВТОРСКОЙ И ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ПРОЕКЦИЙ
ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕКЛАМНЫХ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТОВ**

И. Ю. Егорова

Статья посвящена актуальной и, безусловно, интересно проблеме сопоставления образов отправителя и получателя рекламного текста в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: авторская проекция, читательская проекция, рекламный интернет-текст.

Реклама существует давно и, пройдя свой эволюционный путь развития от банальной пропаганды в начале века до целого искусства убеждения покупателя в современности, она по праву считается неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, так или иначе влияющей на поведение людей. Именно по этой причине влияние рекламы на общественную жизнь в различных ее проявлениях изучается многими науками – психологией, социологией, социометрией, экономикой, лингвистикой.

Изучая рекламу как одно из проявлений межличностной коммуникации, невозможно обойти стороной проблематику создания и интерпретации текста, затрагиваемую психолингвистикой и когнитивной лингвистикой. Поскольку предметом психолингвистики являются процессы порождения и восприятия текста, в рамках данного направления текст можно понимать как трехкомпонентный акт коммуникации, в котором непременно выделяется тема, продуцент и реципиент. Центральное место в исследованиях прагмалингвистического направления занимает проблема вариативности интерпретации одного и того же текста разными реципиентами. Необходимо отметить, что вероятность расхождений авторской и рецептивной проекций текста высока в случаях интерпретации художественных текстов. В отношении рекламных текстов расхождение авторской интенции с интерпретацией адресата прямым образом ведет к коммуникативной неудаче.

Интернет как виртуальная среда реальных взаимоотношений объективируется через текст. Таким образом, в Интернете значение текстового компонента выходит на первый план. Однако ни текст

вообще, ни рекламный текст в частности, не застрахованы от коммуникативного фиаско. Но каковы могут быть причины этого провала? При ответе на этот вопрос необходим учет разносторонних аспектов создания текста в Интернете. Итак, коммуникативная неудача имеет место, если:

1. Текст не нашел отклика у целевой аудитории;
2. Создатель текста не учел параметров целевой аудитории;
3. Для реализации целевых установок текста были использованы неадекватные коммуникативные стратегии и языковые средства;
4. Создателем текста не были задействованы мультимедийные возможности Интернета как интерактивной коммуникативной среды, то есть не имела места креолизация текста;
5. Автором текста выбрана неадекватная аудио-визуальная форма подачи креолизованного рекламного текста.

К факторам, определяющим специфику интерпретации текста реципиентом, следует отнести проявления мотивационной, когнитивной и эмоциональной сфер личности, а именно, те потребности, мотивы и цели, которые побудили человека обратиться к данному тексту; эмоциональный настрой в момент восприятия текста; степень концентрации внимания на воспринимаемой информации, актуальные потребности и т. д. [2. С. 207]. Таким образом, на первый план выходит необходимость учета фактора адресата, т.е. разработка максимально эффективных стратегий коммуникативно-речевого взаимодействия в системе автор – адресат текста.

Дихотомия автор – адресат в коммуникации притягивает все большее внимание ученых, изучающих данную проблему с позиций когнитивной лингвистики и лингвоперсонологии. В сфере интернет-рекламы особенности и принципы учета отправителем сообщения фактора адресата еще недостаточно изучены с позиций лингвистики. В частности отсутствуют исчерпывающие исследования, посвященные анализу антропоцентрической составляющей процесса текстопорождения, где в центре внимания находились бы особенности когнитивно-речевого взаимодействия языковых личностей автора и адресата, опосредованные текстом. Как уже было отмечено выше, расхождение авторской и читательской проекций в процессе интерпретации текста прямым образом ведет к коммуникативной неудаче, поскольку в этом случае основные цели рекламного дискурса остаются нереализованными, т.е. тот или иной товар или услуга не нашли своего покупателя.

Центральным понятием для нас в данном аспекте анализа рекламного интернет-дискурса становится понятие языковой личности, разработка которого началась в 80-х годах XX века в трудах В. В. Виноградова, Ю. Н. Караулова (Виноградов, 1981, Караулов, 1987) и продолжена В. И. Карасиком (Карасик, 1991) и др. Языковая личность - это суммарное проявление всех сторон бытия человека – социальной и психологической, индивидуальной и коллективной, типовой и незаурядной. Текст, созданный автором и интерпретируемый адресатом, – точка преломления отражений языковых личностей. Концепция его изучения может быть двойкой, а именно: анализ может ставить во главу угла специфику реализации языковой личности отправителя сообщения, либо акцентировать внимание на восприятии этого текста реципиентом. Но и в том, и в другом случае детерминирующим фактором является антропоцентричность подхода, т.е. в основе необходимо лежат лингвокогнитивные особенности интерпретации текста, отражающие разные аспекты языковой личности.

Реклама представляет собой очень действенный инструмент социализации личности в обществе. Ее первостепенная задача – создать в сознании потребителя мотив к приобретению. Поэтому современная психология рекламы рассматривает мотив как базовый детерминант активности, функционально связанный с наличием нужды. «Нужда – это интериоризированный опыт, а ее экстериоризация есть потребность». Актуализация нужды в потребность создает социально значимый опыт личности, и частью этого опыта является результат воздействия рекламной коммуникации. Социокультурное воздействие рекламы проявляется в слиянии мотивационной направленности рекламного сообщения с совокупностью личностных потребностей. Таким образом, потребительское поведение личности детерминируется рекламой, создающей иллюзию выбора, которого реально не существует.

Реклама, безусловно, вносит свой все более весомый вклад в формирование коллективных и индивидуальных смысложизненных принципов, на основе которых происходит социализация личности в обществе. Образ мира, создаваемый рекламой порождает искусственную социогенную мотивированность к приобретению рекламируемых товаров, утверждая, что предлагаемый товар есть благо, образуя, таким образом, смысловое поле потребности в сознании реципиента рекламной информации.

Кроме того, через привлечение механизмов аттракции и идентификации с рекламным образом реклама формирует потребительское поведение реципиента. Она строит в его сознании систему символов, стремление к идентификации с которыми определяет культуру социального потребительского поведения личности, т.е. предскриптивная прагматика рекламы способствует усвоению реципиентом рекламируемых социокультурных стереотипов поведения. И поведенческие паттерны, заложенные в ней, могут стать предиктором реального потребительского поведения. То есть реклама берет на себя функцию «опосредующего мотиватора».

Терминальные ценности, подвергающиеся рекламному воздействию, ранжируются и компонуются в зависимости от того, на какую целевую аудиторию нацелен тот или иной рекламный текст. В ходе работы над проблемой мы не преследовали цели иерархического построения шкалы значимости актуализируемых интернет-рекламой ценностей, но представляется возможным выделить следующие тематические области: семья, здоровье, забота, активность, мода, благосостояние, комфорт, общение.

В ходе интерпретации и логического осмысления рекламного текста человек непременно основывается на предыдущем жизненном опыте, на уже сформированных этим опытом поведенческих стереотипах и существующих в его сознании культурных скриптах, поскольку он, как носитель языка, неизбежно является представителем той или иной лингвокультуры. текста.

Всеми исследователями интернет-коммуникации признается факт статусного равноправия субъектов сетевой коммуникации. На наш взгляд, по отношению к рекламному дискурсу, данное утверждение не является истинным. Представляется, что отправитель рекламного сообщения обладает более высоким статусом на основании факта владения тем благом, которое реципиенту сообщения лишь предстоит приобрести. Однако этот факт не подразумевает слепого доверия потребителя к рекламодателю. Процесс виртуального общения многократно усложняется возможностью фальсификации реальных личностных характеристик коммуникантов. Интернет дает возможность пользователю экспериментировать с собственной психофизиологической и социальной идентичностью и самопрезентацией, т.е. преподнести себя таким, каким в реальной жизни стать почти невозможно. Общение в Интернете – это постоянная необходимость включения компенсаторных механизмов, позволяющих достраивать

портрет коммуниканта до минимально достаточного для формирования и применения адекватных коммуникативных стратегий. И задача рекламодателя сорвать маску с потенциального потребителя, угадать его во всем нагромождении неправдоподобных представлений, созданных им о себе. Для того, чтобы преуспеть в этом, ему необходимо четко представлять себе своего потенциального клиента, т.е. детально продумать образ типичного представителя своей целевой аудитории.

Во-первых, при разработке концепции рекламы рекламодатель должен учитывать врожденные свойства человеческой психики, безотносительно к каким-либо социальным и гендерным признакам. В психологии доказано, что реакция человека на визуальный компонент сообщения более сильная, чем на слово. Человек устроен таким образом, что реакция на изображение предмета всегда предшествует узнаванию слова, написанного для обозначения этого предмета. Таким образом, использование изображения облегчает процедуру декодирования символа в образ. Это первое, что должен принимать во внимание составитель текста при учете фактора адресата. Второе, что важно помнить автору текста, – необходимость скрыть от адресата тот факт, что он относится к нему как к средству достижения собственных целей и стремится получить одностороннюю выгоду. Здесь на помощь приходит огромное количество разнообразных манипулятивных тактик и приемов. И, наконец, третье – ключ от сердца адресата, а точнее от его кошелька, помогут найти ювелирно точно подобранные слова и речевые тактики. В этом случае помимо общих психологических факторов необходимо принимать во внимание гендерные и социальные составляющие личности адресата рекламного сообщения. В силу специфики массовых коммуникаций участники рекламного дискурса могут рассматриваться как коллективные языковые личности, поскольку создание текста подразумевает участие прямого заказчика, финансирующего проект, специалистов по рекламе, маркетологов, веб-дизайнеров, авторов текста и др. С позиций личностного подхода наиболее приемлемым для характеристики статуса получателя информации в рекламном интернет-дискурсе является определение «коллективный адресат» рекламной коммуникации. Коллективный адресат представляет собой сложную и неоднородную аудиторию, анализируемую рекламодателем с точки зрения социально-демографических и психологических признаков: поло-возрастных характеристик, уровня образо-

ванности, профессии, религии, мотивационных установок, идеалов, культурных ценностей. Однако, применение термина «коллективный» не означает выхолащивание из языковых личностей адресата и адресанта их индивидуально-личностных характеристик.

Комбинация индивидуального и коллективного в языковой личности адресата находит своеобразное преломление в процессах интерпретации рекламного интернет-текста. Очевидно, что любую входящую информацию человек оценивает и интерпретирует исходя из собственного жизненного опыта и мотивационно-потребностных установок, поэтому далеко не всегда авторская и рецептивная проекции текста будут полностью совпадать. Исследователь Т. В. Чернышова в связи с этим вводит термин «согласованность параметров коммуникантов», понимая под ним «адресную обусловленность (например, совпадение или близость ментальных, концептуальных, когнитивных систем автора и адресата), ориентацию автора на определенную модель мира, являющуюся основой концептосферы «своего» читателя». Вектор ассоциации, выстраиваемый отправителем сообщения, и вектор интерпретации, задаваемый адресатом, пересекаются в тексте как лингвокогнитивном пространстве, в котором реализуется авторско-читательское взаимодействие.

Создание текста в сфере рекламной коммуникации побуждает автора учитывать модель потенциального получателя информации «эскиз аудитории», «коммуникативный портрет адресата». При этом необходимо соблюдать общность когнитивных установок и языковых средств, привычных читателю, свойственных той социальной группе, представители которой квалифицируются отправителем сообщения как его целевая аудитория.

Будучи принципиально новым средством вещания, Интернет обладает рядом особенностей, выгодно отличающих его от традиционных СМИ. Постоянно растущее количество пользователей, представляющих собой готовые целевые аудитории, заметно отражается на развитии рекламы в Интернете и привлекает все большее число рекламодателей.

Хотя количество пользователей сети Интернет еще не может конкурировать с потенциальными аудиториями «традиционных» СМИ, реклама в Интернете становится все более привлекательным инструментом бизнеса. Количество интернет-пользователей растет экспоненциально, соответственно увеличивается аудитория, которой можно адресовать свою информацию.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. Проблемы русской стилистики. М. : Высш. шк., 1981. 320 с.
2. Зорькина, О. С. О психолингвистическим подходе к изучению текста // Язык и культура. Новосибирск, 2003. С. 205–210.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С.132.
4. Карасик, В. И. Язык социального статуса: монография. М. : Институт языкознания АН СССР, ВГПУ, 1991. 495 с.
5. Кетько, С. М. Единство рефлексии, мотивации и адаптации в сознании личности: монография. М. : Филиал МГПУ, 2005. 231 с.
6. Чернышова, Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул : Алтайский государственный университет, 2005. 37 с.

List of literature

1. Vinogradov, V. V. Problemy russkoj stilistiki. M. : Vyssh. shk., 1981. 320 s.
2. Zor'kina, O. S. O psiholingvističeskim podhode k izučeniju teksta // Jazyk i kul'tura. Novosibirsk, 2003. S. 205–210.
3. Karaulov, Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja ličnost'. M., 1987. S.132.
4. Karasik, V. I. Jazyk social'nogo statusa: monografija. M. : Institut jazykoznanija AN SSSR, VGPU, 1991. 495 s.
5. Keťko, S. M. Edinstvo refleksii, motivacii i adaptacii v soznanii ličnosti: monografija. M. : Filial MGPU, 2005. 231 s.
6. Chernyshova, T. V. Teksty SMI v mental'no-jazykovom prostranstve sovremennoj Rossii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul : Altajskij gosudarstvennyj universitet, 2005. 37 s.

ПРАВИЛА РЕЧЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ПОЛИЛОГОВОМ ОБЩЕНИИ

Т. Ю. Золотых (Шевченко)

Данная статья является руководством для преподавателей и студентов высших учебных заведений, занимающихся иностранными языками. Цель – представить всем главные аспекты иноязычной коммуникации и проблемы обучения иноязычному полилогоговому общению. В статье описывается данная форма общения, правила и нормы речевой организации, сам термин «полилог», и выделяются компоненты коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: полилоговое общение, полилог, коммуникативная компетенция, межкультурная коммуникация.

Существенные преобразования в различных сферах жизни современного общества вовлекли как в непосредственное, так и в опосредованное иноязычное общение большое количество людей разных профессий, возрастов и интересов. Однако особая ответственность за качество иноязычного общения лежит на специалистах по межкультурной коммуникации, преподавателях иностранных языков и культур, в том числе и нынешних студентах-лингвистах, для которых владение иностранным языком является профессиональным умением.

В высшем профессиональном образовании по направлению подготовки лингвиста-преподавателя не нашла должного распространения полилоговая форма общения в практике преподавания устной и письменной речи, несмотря на то, что успешно функционирует рациональная система лингвистической подготовки будущих специалистов иностранного языка и несмотря на то, что общение в реальных ситуациях, в большинстве своем, полилогично.

Термин «полилог» восходит к древнегреческому языку, он возник как добавление к термину «диалог». Полилог – это разговор многих, разговор между несколькими лицами, где роль говорящего переходит от одного лица к другому. Установлено, что полилог, как правило, не распадается на несколько диалогов, как считали противники данного понятия. Полилог имеет собственные специфические

признаки: не менее трех участников, единая тема, ситуативная связность, нелинейность – получают в полилоге большее развитие, нежели в диалоге.

Л. Е. Тумина определяет полилог как «разновидность речи, в которой несколько говорящих, и все они активны в речевом отношении. Количество говорящих (два или больше двух) не является дифференциальным признаком позиции «диалог – полилог»: элемент «диа» (от греч. *dia* – через) указывает на их общий признак: смену говорящих и слушающих в противовес монологу» [6. С. 223]. Стороны, участвующие в полилоге, обычно придерживаются принципа ответственности: в любой момент каждый обязан быть в курсе того, что говорится, и обязан обеспечить возможность остальным быть в курсе того, что говорится. В полилоге может происходить накопление информации, вносимой отдельными ее участниками (там же).

О. М. Казарцева трактует полилог как форму речи, которая характеризуется сменой высказываний нескольких говорящих и непосредственной связью высказываний с ситуацией. Полилог часто приобретает форму группового общения (беседа, собрание, дискуссия, игра и др.) [4. С. 254].

Исследования полилового общения невозможно без учета целого ряда внеречевых моментов: цели и предмета высказываний, степени подготовленности говорящих, отношений между собеседниками и отношения их к высказанному, конкретной обстановки общения. Характер полилога определяется действием всех этих факторов в совокупности, и в результате конкретного проявления каждого из них создается полилог определенной структуры.

Обязательным условием в иноязычном полилоговом общении является наличие какого-либо спорного вопроса, положения, когда мнения участников речевого взаимодействия не являются окончательно принятыми, а лишь предполагают возможность компромиссного решения вопроса. Компромиссное решение вопроса как раз и вырабатывается в ходе дискуссии её участниками. Сложность ведения дискуссии заключается в том, что оценка и аргументирование являются основой композиционного развёртывания. Поэтому для успешного ведения дискуссии в полилоге её участники должны обладать знаниями о предмете обсуждения, владеть приёмами управления беседой, обладать высокой культурой общения, проявлять толерантность по отношению к своим партнерам по общению, а также уметь строить

свои высказывания в соответствии с коммуникативными интенциями, этапами и ситуацией общения, логически верно излагать и обосновывать свою точку зрения, прогнозировать ход дискуссии.

Процесс обучения иноязычному полилоговому общению должен быть направлен на формирование корректной речи (чаще всего на основе заданного образца) и развитие у студентов умений «речевого реагирования и речевого приспособления к коммуникативной ситуации (на уровне речевого поведения)» [6. С. 95], а также на развитие способности обучаемых порождать и понимать высказывания в рамках аутентичной ситуации.

Поэтому в обучении иноязычному полилоговому общению следует учитывать компоненты коммуникативной компетенции, необходимой для того, чтобы справиться с конкретной ситуацией общения и решить коммуникативные задачи: нужно уметь передавать коммуникативное содержание в ситуациях общения.

Для формирования компетенции иноязычного полилогового общения необходимо умение строить высказывания в соответствии с ситуациями общения и формой диалога, выполнять различные коммуникативные интенции с помощью языковых средств контактности, поэтому для нас представляет интерес прагматическая компетенция с ее составляющими: компетенция дискурса, функциональная компетенция и компетенция схематического построения речи, так как для формирования компетенции полилогового общения необходимо владеть умениями последовательно строить высказывание в соответствии с ситуациями общения, учитывая структурно-композиционные особенности полилогового общения. В соответствии с компонентами прагматической компетенции мы выделяем следующие умения:

Компетенция дискурса. Поскольку диалог является дискурсом, цепочкой дискурсивных актов, для формирования компетенции дискурса предполагается знание правил построения высказываний, речевых формул и объединения их в логический связный текст, связность реплик, связность иллокутивных актов, логика развертывания общения. Немаловажна тема или смена тем (атематичность) в диалоге, поскольку это является важным фактором развертывания и ведения дискурса в полилоговом общении.

Функциональная компетенция предполагает использование высказываний для выполнения различных коммуникативных интенций. В данном случае акцентирование внимания на понимании сущности процесса, характерного для каждой формы полилогового общения

(дискуссия, полемика, прения, дебаты, конференция и т.д.), а именно о структурном построении общения (вступительная часть, обсуждение выдвинутых проблем, заключительная часть) и об управлении ходом полилового общения с помощью языковых средств контактности. Определять необходимую информацию, предоставлять информацию, исправлять что-то в процессе полилового общения, задавать провокационные вопросы для дальнейшего анализа проблемы, вопроса, осмысливать её и высказывать свою точку зрения, привлекать внимание, комментировать суждения партнеров по общению, умение присоединиться к мнению других, используя речевые формулы согласия, опровергать мнения партнеров объяснять, доказывать, уметь аргументировать, убеждать в своей точке зрения, выражать критику, сомнение; умение пользоваться дедукцией и индукцией как способом доказательства своей точки зрения. Все это входит в функциональную компетенцию.

Компетенция схематического построения речи (SCRIPT) составляют умения последовательно строить высказывания в соответствии с целью и направленностью полилога, со схемами взаимодействия, в соответствии со структурно-композиционными особенностями различных форм полилового общения, умения выстраивать структурно-смысловую форму обсуждения, организуя его участников [7. С. 122].

Из этого следует, что полилог – это не только «цепочка» вопросов, ответов, а различные вербальные и невербальные реакции реальных участников этого процесса, обмен информацией, выражение отношения к какой-либо проблеме в реальном времени, которые должны уметь организовать полилоговое общение и управлять данным процессом, выбирая стратегии, соответствующие форме полилога.

Говоря о полиловом общении, важно отметить тот факт, что оно во многом формируется неязыковыми факторами. Поэтому и успешность общения, и неудачи далеко не всегда зависят от выбора говорящими только языковых средств. Эффективность коммуникации определяется достижением поставленной цели, успешностью преодоления препятствий, барьеров общения: культурных, языковых, коммуникативных и соблюдением определенных правил речевой организации.

Как известно, поведение людей подчиняется определенным правилам, фиксирующим нормы. С. И. Ожегов дает следующее определение «нормы»: «Норма – это совокупность наиболее пригодных для обслуживания общества средств языка...» [www.ref.by/

refs/44/36927/1.html] «Специфические нормы поведения проявляются в стиле жизни речевого коллектива и поэтому находят отражение в словарях и в системе паралингвистических средств общения (к ним относятся звуковые средства, сопровождающие речь, мимика и жесты). Нормы поведения составляют часть тех культурных реалий, которые рассматриваются в лингвострановедении и учет которых весьма важен для обучения общению на иностранном языке» [5. С. 57].

Т. Г. Грушевицкая, в свою очередь, что нормы – это «принципы, предписывающие поведение в той или иной культуре, разделяемые членами этой культуры, включающие в себя: 1) коллективную оценку того, каким должно быть поведение представителя данной культуры; 2) коллективную интерпретацию того, что значит то или иное поведение; частные реакции на поведение, в том числе и запреты на нежелательное поведение» [3. С. 136]. Также автор разграничивает «нормы общения» и «правила общения», которые «более индивидуализированы и зависят от ситуации и личностных характеристик участников коммуникации <...> Правилам нужно следовать, но их можно и нарушать; правила не являются высшей истиной; они условны; их нельзя определить, но о них можно договориться» [3. С. 137].

М. А. Василик, затрагивая вопрос о нормах и правилах, говорит, что это грамматика внутригруппового общения, включающая принятые модели поведения, допустимую коммуникативную тактику [1. С. 413].

В контексте полилового общения важным представляется выделение М. А. Василик и В. Б. Кашкина правил коммуникативного поведения в группе, релевантных для данного вида общения, а именно: взаимное признание статусов участников общения как коммуникантов и как членов группы; необходимость уметь «считывать» ключевые коммуникативные сигналы и в зависимости от ситуации корректировать стиль своего общения; желательность публичного оценивания других; умение вовремя разрядить обстановку; умение выразить согласие с групповыми идеями, действиями и решениями; умение предложить нужную информацию и идеи группе; умение оценить предложенные идеи и информацию так, чтобы не обидеть; призыв к другим высказать свое мнение и дать необходимую информацию; умение интегрировать различные идеи и информацию; умение предложить план совместных действий умение предложить план совместных действий [1. С. 414], [<http://kachkine.narod.ru/CommTheory/7/WebComm7.htm>].

В свою очередь Дж. Остин, Дж. Р. Серль, П. Грайс, П.Р. Строссон предложили перечень правил, постулатов, максимум использования языка.

Например, Г. П. Грайс в работе «Логика и речевое общение» сформулировал один из основных принципов речевой коммуникации, названный им принципом кооперации: «твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [2. С. 41–58].

Автор выделяет конкретные постулаты (категории Количества, Качества, Отношения, Способа), соблюдение которых, в общем и целом соответствует выполнению этого принципа. Категорию Количества он связывает с тем количеством информации, которое требуется передать. К этой категории относятся следующие постулаты: 1) Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется; 2) Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется. К категории Качества Г. П. Грайс относит постулат «Старайся, чтобы высказывание было истинным», конкретнее: 1) Не говори того, что ты считаешь ложным; 2) Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований. Категорию Отношения автор связывает с постулатом релевантности (Не отклоняйся от темы). Категория Способа касается не того, что говорится, а того, как говорится, (Выражайся ясно).

Целесообразность соблюдения этих постулатов очевидна, так как тот кто стремится к достижению конечных целей коммуникации, (это может быть передача информации, оказание влияния на других), ожидается, что он заинтересован в этом общении; речевое общение, в свою очередь, может быть выгодно и полезно, если соблюдаются принципы кооперации и постулаты [2. С. 41–58].

Таким образом, можно сделать вывод, что все правила и нормы в любой форме общения представляют собой сложную систему определенных принципов, способных регулировать коммуникативный акт и его исход.

Список литературы

1. Василик, М. А. Основы теории коммуникации: учебник. М. : Гардарики, 2006. 615 с.
2. Grice H. P. Logic and conversation. In: «Syntax and seman-

List of literature

1. Vasilik, M. A. Osnovy teorii komunikacii: uchebник. M. : Gardariki, 2006. 615 s.
2. Grice H. P. Logic and conversation. In: «Syntax and semantics»,

- tics», v. 3, ed. by P. Cole and J. L. Morgan, N. Y., Academic Press, 1975. P. 41-58.
3. Грушевицкая, Т. Г. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 450 с.
4. Казарцева, О. М. Культура речевого общения: Теория и практика обучения: учеб. пособие для студентов вузов. М. : Флинта; Наука, 1998. 196 с.
5. Карасик, В. И. **Этикет и английский язык** // Иностр. языки в школе, 1993. №2. С. 57–59.
6. Леонтьев, А. А. Некоторые общие проблемы в преподавании иностранных языков сегодня // Глядя в будущее. Первый советско-американский симпозиум по теоретическим проблемам преподавания и изучения иностранных языков. 17–21. X. 89. М. : РЕМА, МГЛУ, 1992. С. 93–98.
7. **Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка.** Страсбург, Cambridge University Press; МГЛУ, 2003. 256 с.
8. Тумина, Л. Е. Эффективная коммуникация: история, теория, практика : словарь-справочник Л. Е. Тумина. М. : Олимп, 2005. 960 с.
9. www.ref.by/refs/44/36927/1.html
10. <http://kachkine.narod.ru/CommTheory/7/WebComm7.htm>
- v. 3, ed. by P. Cole and J. L. Morgan, N. Y., Academic Press, 1975. P. 41-58.
3. Grushevickaja, T. G. *Osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii: uchebnik dlja vuzov.* M. : JuNITI-DANA, 2002. 450 s.
4. Kazarceva, O. M. *Kul'tura rechevogo obwenija: Teorija i praktika obuchenija: ucheb. posobie dlja studentov vuzov.* M. : Flinta; Nauka, 1998. 196 s.
5. Karasik, V. I. *Jetiket i anglijskij jazyk* // *Inostr. jazyki v shkole*, 1993. №2. S. 57–59.
6. Leont'ev, A. A. *Nekotorye obwie problemy v prepodavanii inostrannyh jazykov segodnja* // *Gljadja v buduwee. Pervyj sovetsko-amerikanskij simpozium po teoreticheskim problemam prepodavanija i izuchenija inostrannyh jazykov.* 17–21. X. 89. M. : REMA, MGLU, 1992. S. 93–98.
7. *Obweevropejskie kompetencii vladenija inostrannym jazykom: Izuchenie, prepodavanie, ocenka.* Strasburg, Cambridge University Press; MGLU, 2003. 256 s.
8. Tumina, L. E. *Jeffektivnaja kommunikacija: istorija, teorija, praktika : slovar'-spravochnik* L. E. Tumina. M. : Olimp, 2005. 960 s.
9. www.ref.by/refs/44/36927/1.html
10. <http://kachkine.narod.ru/CommTheory/7/WebComm7.htm>

ЯЗЫКОВАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНЫ МИРА КАК КОМПОНЕНТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

О. П. Каналаш

В статье рассматривается языковая картина мира как исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, национальная картина мира как часть национального мировоззрения, представляющая целостный, систематизированный взгляд на мир представителей определенной национальной общности в диахронии.

Ключевые слова: языковая картина мира, национальная картина мира, сознание, языковой коллектив, мировоззрение

Первоначально понятие «картина мира» употреблялось лишь в философских источниках. Картиной мира называется картина внутреннего восприятия индивида, формирующая образ окружающей нас действительности, это понятие общее и индивидуальное одновременно [1. С. 15].

По мнению И. А. Стернина, «под картиной мира в самом общем виде предлагается понимать упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [1. С. 33]. Данное определение отражает тесную связь окружающей действительности с разными видами человеческого сознания, одним из которых является сознание общественное, социальное, подчеркивающее национальный компонент понятия «картина мира». КМ существует в сознании людей, так как именно восприятие этой реалии помогает обрести психологическую устойчивость, каждый индивид стремится создать в себе собственную простую и ясную картину.

З. Д. Попова и И. А. Стернин предлагают различать непосредственные и опосредованные картины мира.

Непосредственная картина мира формируется в человеческом сознании при непосредственном контакте с окружающей действительностью, т.е. при прямом познании сознания этой действительности. Познание осуществляется при помощи мышления и психо-

логических процессов (перцепция, восприятие). Непосредственная картина мира может быть материалистической, идеалистической, метафизической, диалектической, научной, рациональной или чувственной. Многие психолингвисты подчеркивают важность процесса мышления для понимания и интерпретации тех или иных явлений действительности, что позволяет рассматривать когнитивную картину мира в составе непосредственной.

Опосредованная картина мира возникает вследствие фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые воплощают в реальность непосредственную картину мира. В данном случае речь идет о «концептосфере языка» (термин введен Д. С. Лихачевым), которая зависит от экстралингвистических факторов, таких как культура нации, историко-философский опыт нации, религия. Следовательно, что опосредованная картина мира существует в художественной и языковой системах, а значит, художественная и языковая картины мира являются опосредованными.

Деление картин мира на непосредственные и опосредованные четко отображает их основные функции, полно представляет их сущность.

Путь от внеязыковой реальности к понятию и далее к словесному выражению неодинаков у разных народов, что обусловлено различиями истории и условий жизни этих народов, спецификой развития их общественного сознания. Соответственно, различна языковая картина мира у разных народов. Любой национальный язык выполняет несколько основных функций: функцию общения (коммуникативную), функцию сообщения (информативную), функцию воздействия (эмотивную) и, что особенно важно, функцию фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества о мире. Такое универсальное, глобальное знание – результат работы коллективного сознания – зафиксировано в языке, прежде всего в его лексическом и фразеологическом составе. Но существуют разные виды человеческого сознания: индивидуальное сознание отдельного человека, коллективное обыденное сознание нации, научное сознание. Результат осмысления мира каждым из видов сознания фиксируется в матрицах языка, обслуживающего данный вид сознания

Итак, это соотношение между реальным миром и языком мы можем представить следующим образом:

реальный мир (предмет) = мышление (представление) = язык / речь (слово)

или реальный мир = мышление = языковая картина мира

Итак, языковая картина мира - исторически сложившаяся в общественном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности. Раскрыть характер народа, значит, выявить его наиболее значимые социально-психологические черты, которые исторически вырабатывались у нации под воздействием условий проживания, образа жизни, социально-экономического строя и др. Национальный образ жизни народа формируется природными условиями, животным и растительным миром, которые в свою очередь, определяют род труда, обычаи и традиции. Языковая картина мира – это системное, целостное отображение действительности с помощью различных языковых средств. Языковая картина мира эксплицирует различные картины мира человека и отображает общую картину мира. Человеческая деятельность, включающая в качестве составной части и символическую, т.е. культурную, вселенную, одновременно и универсальна, и национально специфична. Эти ее свойства определяют как своеобразие языковой картины мира, так и ее универсальность.

Следует отметить, что языковая картина мира тесно связано с национальной картиной мира. В мышлении каждого народа концептуализируется национальный образ мира, и происходит эта концептуализация на фоне формирования общей картины мира.

Анализируя национальную картину мира, необходимо рассматривать ее в ракурсе общей картины мира. Исследователь национального менталитета Г. Д. Гачев вводит понятие «национальная целостность», под которым понимается «единство национальной природы» и «единство национального характера народа». Единство национального характера народа соответствует системе национального мировоззрения, особым типам мышления и сознания, характерным для представителей определенного этнического сообщества [2. С. 78]. Таким образом, национальная целостность как «энтелехия бытия данного целого» при применении к традиционной культуре народа может не только описывать характерные особенности национального сознания, но и представлять национальную картину мира как единое целое.

Национальная картина мира как единое целое может быть представлена в виде упорядоченной системы представлений национальной общности о мире, окружающей действительности, опосредован-

ных языковыми составляющими. Данное опосредование связано с соотношением национального образа мира с национальными ценностями, которые представлены в национальной мифологии, философии, традиции, фольклоре и т. д. При этом именно мифология «выступает важным элементом в системе механизмов национальной идентификации, играя роль компонента национального сознания как структурообразующего фактора этноса и национального самосознания...» [3. С. 56].

В процесс формирования национальной картины мира входит освоение территории, адаптация человека к природной среде обитания, и, как результат, формирование образной картины осваиваемого пространства, зависящей от способа существования людей в этом мире. Л. Н. Гумилев говорит, что «первое, что формирует лицо народа – это природа, постоянно действующий фактор» [4. С. 154]. Тело земли, климат, животный мир, растительность определяют род труда, а, следовательно, образ мира. Например, в произведениях американской литературы доминирует образ собаки как манифестация личности американца (произведения Дж. Лондона), а в русской литературе – образ тройки как манифестация души русского человека. Формирование национальных картин мира начинается с истории и трудовой деятельности. Таким образом, национальное – итог исторического развития народа. Необходимо также отметить, что изменение национальных ценностей (смена культурно-ценностных доминант в обществе) вносит изменения в национальное мировоззрение и, следовательно, способствует эволюции национальной картины мира. Таким образом, национальная картина мира существует в диахронном пласте.

Понятие «НКМ» в лингвистике тесно связано с понятием «национальная когнитивная картина мира», которое определяется как «мыслительная, познавательная деятельность народа, абстрактная и конкретная одновременно». Это обнаруживается в некоторой стереотипности поведения конкретного народа, в общих убеждениях, мнениях, в формировании общего для того или иного этноса национального представления о действительности.

В результате национальная картина мира определяется нами как часть национального мировоззрения, представляющая целостный, систематизированный взгляд на мир представителей определенной национальной общности в диахронии. Она опосредуется в языке, национальные особенности фиксируются в текстах и отображаются в речи народа.

Список литературы

1. Вестник КазНУ, Серия Филологии. № 10. Алматы, 2005.
2. Серебrenников, Б. В. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1990.
3. Омарбекова, А. К. Когнитивно-семантические и лингвокультурологические особенности антропонимических фразологизмов. Алматы, 2006.
4. Леонтович, О. А. Введение в межкультурную коммуникацию : Учебное пособие. М. : Гнозис, 2007.

List of literature

1. Vestnik KazNU, Serija Filologii. № 10. Almaty, 2005.
2. Serebrennikov, B. V. Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke. Jazyk i kartina mira. M., 1990.
3. Omarbekova, A. K. Kognitivno-semanticheskie i lingvokul'turologicheskie osobennosti antroponimicheskikh frazologizmov. Almaty, 2006.
4. Leontovich, O. A. Vvedenie v mezhkul'turnuju kommunikaciju : Uchebnoe posobie. M. : Gnozis, 2007.

**ОСЛОЖНЁННЫЕ АПЕЛЛЯТИВИЗИРОВАННЫЕ
ЕДИНИЦЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНТРОПОНИМОВ,
ПЕРЕШЕДШИХ В ИМЕНА НАРИЦАТЕЛЬНЫЕ)**

А. А. Кудрявцева

Статья посвящена осложнённым апеллятивизированным единицам. В ней рассматриваются апеллятивизированные онимы, которые содержат при себе детерминатив или эпитет.

Ключевые слова: апеллятивизация, прономинация, оним, апеллятивизированный оним, детерминатив, эпитет

Явление перехода имен собственных (онимов) в разряд имён нарицательных (апеллятивов) достаточно широко распространено в русском языке. Данный переход осуществляется на основе стилистического приема прономинации – «замены нарицательного имени собственным (или наоборот), например: *Отелло* вместо *ревнивец*» [5. С. 227]. В результате перехода имен собственных в нарицательные образуются единицы, которые мы называем прономинантами. Прономинант – это семантический дериват, произведенный от онима.

Собранный нами материал показывает, что большинство онимов, перешедших в разряд апеллятивов, представлено антропонимами. Как известно, антропонимическая формула может включать различное число элементов: в русском языке – три (имя, отчество и фамилию), в английском – два (имя и фамилию) и т.п. Антропонимы, подвергшиеся апеллятивизации, могут выступать в следующих разновидностях: имя (*Митрофанушка*), фамилия (*Пушкин*, *Моцарт*), имя+фамилия (*Паша Ангелина*, *Мэри Поппинс*), имя+отчество (*Арина Родионовна*). По нашим наблюдениям, основой прономинации не могут выступать отчества или сочетания имени, отчества и фамилии.

Некоторые прономинанты представлены двумя вариантами. Следует отметить, что термином «варианты», вслед за Р. П. Рогожниковой, мы называем видоизменения слова, которые «не имеют семантических различий, полностью совпадают в значении» [8. С. 12]. Так, например, возможны следующие варианты прономинантов: «имя+фамилия» (*Шерлок Холмс*) и «фамилия» (*Холмс*); «имя+фамилия» (*Остан Бендер*) и «имя» (*Остан*).

Нередко они употребляются со словами, обозначающими принадлежность референта к тому или иному классу объектов, например: *министр Иванов и сатирик Иванов, писатель Булгаков и инженер Булгаков, девочка Таня и бабушка Таня*. Мы считаем правомерным обозначать подобные слова термином «детерминатив», который до сих пор использовался только применительно к географическим названиям. Так, у Н. В. Подольской находим следующее определение: «географический термин (детерминатив) – слово, обозначающее определенную географическую реалию. За ним стоит определенное географическое понятие. Пр.: река, город, деревня, остров» [7. С. 47]. По нашему мнению, принципиальной разницы между географическими терминами (детерминативами) и рассматриваемыми словами нет: и те, и другие могут служить классификаторами при ониме (ср.: *река Москва и город Москва*). Таким образом, к рассматриваемым словам можно применить термин «детерминатив». Подобную точку зрения высказал и профессор В. И. Супрун, который считает, что отсутствие в словарях и специальной литературе такого употребления объясняется только неразработанностью соответствующей теории.

Нами зафиксированы случаи сохранения детерминатива при прономинании, например: *Среди посетителей казино я не увидела, пожалуй, ни одного мистера Твистера – сплошной средний класс (Cosmopolitan, 1997, №4); Всего в пятистах метрах от Кремля находится офис очередного маркиза Карабаса – Александра Руцкого (Московский комсомолец, 19.10.98); Уверен, что не только в день милиции дяди Степы стоят на страже нашей безопасности (Телепередача); Я сегодня сыграла роль почтальона Печкина (РР); Но сегодня мы все увидим, что Виктор Иванович Илюхин – это поп Гапон. Обычный провокатор* (выступление Г. А. Явлинского на заседании Государственной Думы). В приведенных примерах использованы детерминативы *мистер, маркиз, дядя, почтальон и поп*.

В специальной литературе находим анализ «детерминативов – географических терминов, входящих в состав топонимов» [6. С. 79]. Нам представляется правомерным говорить по аналогии о подобных отношениях детерминатива и прономинанта. Здесь, судя по всему, действует тот языковой процесс, который Е. А. Земская называет вербализацией – превращение сочетаний в единое слово и склонение их как единого комплекса, наблюдающееся «в отношении ряда устойчивых номинативных сочетаний (типа *день рождения, дом отца*) и некоторых имен собственных – имен и отчеств и имен и

фамилий» [4. С. 96]. Нам встретились случаи, когда вербализации подвергаются сочетание детерминатива и онима, например: *Я князь-Григорию и вам/ Фельдфебеля в Волтеры дам* (А. С. Грибоедов. Горе от ума). Данный пример, на наш взгляд, свидетельствует о способности сочетаний детерминатива и онима подвергаться вербализации.

Очевидно, что не каждый детерминатив, сочетающийся с онимом, сохраняется при апеллятивизации. Это происходит только в том случае, когда подобное сочетание связано в сознании носителей языка с определенными ассоциативными представлениями. Так, например, именно сочетание *дядя Степа* (а не просто *Степа*) приобрело значение ‘милиционер’, так как существует прецедентный текст – стихотворение С. Михалкова, где действует герой, названный именно дядей, а не мальчиком, дедушкой и т. п. То же можно сказать и о других приведенных примерах.

Иногда прономинант наследует от онима эпитет. Подобное явление наблюдается в предложении *После посещения салоне красоты «Ив Роше» любая дурнушка превратится в Василису Прекрасную* (ВВ, 16.11.98).

Термин «эпитет», как известно, используется в разных значениях. Существует широкое и узкое его понимание.

В узком понимании эпитеты – это «определяющие слова, обладающие особой художественной выразительностью, выражающие чувства автора к изображаемому предмету, создающие живое представление о предмете и т.п.» [2. С. 3]. Подобный подход можно найти, в частности, у Б. В. Томашевского. По мнению ученого, эпитет – это такое определение, которое не ограничивает объем понятия путем расширения содержания. Эпитет «сохраняет уже заранее определенное понятие в том же объеме, и, следовательно, в том же содержании» [9. С. 196]. Ученый проводит границу между эпитетами и логическими определениями, отмечая, что разницу зачастую можно выявить только в контексте. Например, в сочетании *красная роза* слово *красная* будет логическим определением в каком-нибудь руководстве по садоводству, если возникает необходимость отличить ее от чайной или белой.

При широком понимании эпитета учитывается, что они свойственны не только поэзии, но и прозаической, даже обиходно-разговорной речи. Подобную точку зрения можно найти у А. Н. Веселовского, который трактует эпитет как «одностороннее определение слова, либо подновляющее его нарицательное значе-

ние, либо усиливающее какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета» [1. С. 59].

Ученые, придерживающиеся широкого понимания эпитетов, выделяют следующие их разновидности: общеязыковые (например, *полная тишина, могильная тишина*), народно-поэтические (например, *чистое поле, серый волк*) и индивидуально-авторские (например, *картонная любовь* у Гоголя, *дряблый смех* у Мамина-Сибиряка) [2. С. 7].

В отмеченном нами примере прономинант *Василиса* сочетается эпитетом *прекрасная*, который в народно-поэтической традиции относится к разряду постоянных. По нашему мнению, в данном случае при апеллятивизации эпитет сохраняется при прономинанте потому, что в сознании говорящих именно сочетание *Василиса Прекрасная*, а не просто оным *Василиса*, связано с определенными ассоциативными представлениями, основанными на знакомстве с прецедентными текстами – русскими народными сказками. Следует отметить, что В. М. Жирмунский называл сочетания существительного с постоянным эпитетом «фразеологическими клише» [3. С. 359]. Тот факт, что ученый употребил данный термин, свидетельствует о том, что сочетания постоянного эпитета и существительного воспринимались им как единый комплекс.

Таким образом, с точки зрения структуры можно выделить два основных типа прономинантов. Первый тип – неосложнённые (образовавшиеся на основе того или иного фрагмента антропонимической формулы). Второй тип – осложнённые, которые, в свою очередь, делятся на два подтипа: а) сохранившие при себе детерминатив; б) сохранившие при себе эпитет. По нашим наблюдениям, осложнённые прономинанты составляют 2,9% от общего числа проанализированных единиц.

Список литературы

1. Веселовский, А. Н. Из истории эпитета // Лингвистика и поэтика. М., 1979.
2. Горбачевич, К. С., Хабло, Е. П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л. : Наука, 1979. 568 с.

List of literature

1. Veselovskij, A. N. Iz istorii jepiteta // Lingvistika i pojetika. M., 1979.
2. Gorbachevich, K. S., Hablo, E. P. Slovar' jepitetov russkogo literaturnogo jazyka. L. : Nauka, 1979. 568 s.

3. Жирмунский, В. М. К вопросу об эпитеме // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л. : Наука, 1977. С. 355–361.
4. Земская, Е. А. Морфология // Русская разговорная речь: Поэтика. Морфология. Лексика. Жест. М. : Наука, 1983. С. 80–141.
5. Квятковский, А. П. Поэтический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1966. 376 с.
6. Матвеев, А. К. Субстратная микропонимия как объект комплексного регионального исследования // Вопросы языкознания, 1989, №1. С. 77–85.
7. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1988. 192 с.
8. Рогожникова, Р. П. Варианты слов в русском языке. М. : Просвещение, 1966. 160 с.
9. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика. М. : Аспект-Пресс, 1996. 334 с.
3. Zhirmunskij, V. M. K voprosu ob jepitete // Zhirmunskij V. M. Teorija literatury. Pojetika. Stilistika. L. : Nauka, 1977. S. 355–361.
4. Zemskaĵa, E. A. Morfologija // Russkaja razgovornaja rech': Pojetika. Morfologija. Leksika. Zhest. M. : Nauka, 1983. S. 80–141.
5. Kvĵatkovskij, A. P. Pojeticheskiĵ slovar'. M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1966. 376 s.
6. Matveev, A. K. Substratnaja mikrotoponimija kak ob#ekt kompleksnogo regional'nogo issledovanija // Voprosy jazykoznanija, 1989, №1. S. 77–85.
7. Podol'skaja, N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii. M. : Nauka, 1988. 192 s.
8. Rogozhnikova, R. P. Varianty slov v russkom jazyke. M. : Prosvewenie, 1966. 160 s.
9. Tomashevskij, B. V. Teorija literatury. Pojetika. M. : Aspekt-Press, 1996. 334 s.

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ
С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ
И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ**

А. В. Кулаженко

В статье рассматриваются прецедентные феномены с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Культурная значимость передаваемой прецедентными феноменами информации способствует их исследованию в лингвокультурологическом аспекте. Прецедентные феномены можно охарактеризовать как единицы, которые требуют осмысления на уровне языка, сознания и культуры.

Ключевые слова: прецедентный феномен, культура, лингвистика, культурное пространство, сознание.

Формирование антропоцентрической парадигмы обусловило исследование языка, с одной стороны, как средства получения, обработки и хранения информации (когнитивная лингвистика), а с другой стороны, как выразителя культуры нации, особого национально-менталитета (лингвокультурология).

Статус прецедентных феноменов, по мнению Д. Б. Гудкова, может быть присвоен также только таким прецедентам, которые, будучи когнитивно значимыми, имеют вербальное выражение [1. С. 114]. Представляя собой один из способов хранения и передачи информации, прецедентные феномены соотносятся с другими структурами знания, изучаемыми в рамках когнитологии, такими, как сценарии, фреймы, слоты и т. п.

В связи с этим, в качестве отдельных единиц системы прецедентных феноменов выделяются прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентный текст, которые не изолированы друг от друга, обнаруживают тесные связи, являясь фрейм-структурами сознания [4. С. 128].

Прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (Обломов, Тарас Бульба), или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (Иван

Сусанин, Колумб), имя-символ, указывающее на некоторую совокупность определенных качеств (Моцарт, Ломоносов).

Прецедентное высказывание – воспроизводимый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица.

Прецедентная ситуация – некая «эталонная», «идеальная» ситуация с определенными коннотациями (ситуация предательства Иудой Христа).

Прецедентный текст – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, предикативная единица. К числу прецедентных относятся произведения художественной литературы («Евгений Онегин», «Бородино»), тесты песен («Ой, мороз, мороз...»), рекламы, политические и публицистические и др.

Прецедентное имя и прецедентное высказывание относятся к числу вербальных, т. к. в «готовом» (вербальном) виде хранятся в сознании, а прецедентная ситуация и прецедентный текст – к числу вербализуемых, т. к. хранятся в виде инвариантов восприятия [2. С. 92].

Еще один вопрос, возникающий при изучении прецедентных феноменов с позиций когнитивной лингвистики, связан с тем, в систему каких именно единиц, вербально выражаемых и отражающих содержание имеющихся у человека знаний и представлений, включаются данные феномены, и какое место там занимают. Данные единицы неоднородны в своем составе, что обуславливает их членимость на знания, концепты и представления. Последние воплощаются в прецедентных феноменах, артефактах, духах (или бестиарии) и стереотипах. Критерием подобной классификации на первом этапе выступает шкала информативность – образность, а на втором – единичность или множественность, а также прототипичность (как наличие изначального «единичного» образа предмета) или ее отсутствие. Прецедентные феномены, таким образом, коннотативно маркированы, единичны и прототипичны. Изначально единичный образ может иметь множество «масок» (*дядя Стена* – это и милиционер, и человек огромного роста), но при этом сам феномен не поддается тиражированию, он может только копироваться. Другими словами, имеется «реально» существующий *дядя Стена* (как герой реально существующего художественного текста), и, обладающий определенным ореолом ассоциаций в сознании русского человека.

С позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии прецедентные феномены можно охарактеризовать как единицы, которые требуют осмысления на трех уровнях: языка, сознания и культуры.

Как единицы языка прецедентные феномены: имеют словесное выражение; в процессе коммуникации не создаются заново, но возобновляются; могут видоизменяться (трансформироваться) в пределах сохранения опознаваемости.

Как единицы сознания: являются результатом определенных когнитивных операций (редукции, минимизации и др.), особым способом «упакованным» знанием; служат средством кодирования и трансформирования информации; задают модели обработки, оценки поступающей информации и ее сопоставления с уже имеющейся.

Как единицы культуры: характеризуются наполненностью некоторым знанием культурного характера; требуют соотнесения с другими текстами как фактами культуры; определяют специфику культурного пространства.

На современном этапе развития науки о языке активное изучение прецедентных феноменов осуществляется с лингвокогнитивных и лингвокультурологических позиций [З. С. 159]. При весьма тесной связи данных подходов в первом случае актуализируется когнитивная значимость исследуемых единиц, их способность в свернутом виде транслировать новую информацию в сопоставлении с уже имеющейся. Данные характеристики прецедентных феноменов обуславливают решение проблем, связанных с их категориально значимыми признаками, с тем, в систему каких единиц они оказываются вписанными (вертикальный уровень) и какими единицами формируются сами (горизонтальный уровень). Культурная значимость передаваемой прецедентными феноменами информации способствует их исследованию в лингвокультурологическом аспекте. В таком случае данные единицы трактуются как вербальные выразители релевантных для определенного лингвокультурного сообщества знаний, маркеры национально обусловленного мировосприятия, способные в синхронии и диахронии скреплять отдельные культурные пласты. В целом с позиций двух указанных направлений прецедентные феномены осмысляются на уровне языка, сознания и культуры.

Список литературы

1. Гудков, Д. Б. Алгоритмы восприятия текста и межкультурная коммуникация // Язык, сознание, коммуникация. Вып.1. М., 1997. С. 114–127.

List of literature

1. Gudkov, D. B. Algoritmy vospriyatija teksta i mezhkul'turnaja komunikacija // Jazyk, soznanie, kommunikacija. Vyp.1. M., 1997. S. 114–127.

2. Захаренко, И. В. Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 92–99.
3. Маслова, А. Лингвокультурология. СПб., 2001. С. 159
4. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М. : Academia, 2000. 128 с.
2. Zaharenko, I. V. Precedentnye vyskazyvaniya i ih funkcionirovanie v tekste // Lingvo-kognitivnye problemy mezhkul'turnoj kommunikacii. M., 1997. S. 92–99.
3. Maslova, A. Lingvokul'turologija. SPb., 2001. S. 159
4. Slyshkin, G. G. Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov v soznanii i diskurse. M. : Academia, 2000. 128 s.

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ МНОГОЗНАЧНОСТЬ
В АСПЕКТЕ СЛОВАРНОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ**

А. И. Ольховская

В данной статье разрабатываются основы словарно ориентированной концепции лексической многозначности, обсуждаются важные для практики лексикографирования полисемантов понятия и оппозиции, а также предлагаются некоторые рекомендации по рациональному отражению многозначных слов в объяснительном словаре.

Ключевые слова: полисемия, семантическая структура слова, эпидигматическое гнездо, оттенок значения, статус ЛСВ, метафорический перенос, метонимический сдвиг, семантическое стеснение многозначного слова.

Будучи неотъемлемым свойством любого естественного языка, полисемия всегда и неизбежно привлекала внимание ученых. Явление многозначности фиксировалось и определенным образом интерпретировалось уже во времена Демокрита в связи с постановкой лингвофилософской проблемы номинации. С оформлением семасиологии, предмет которой, по словам К. Рейзига, есть закономерности изменения значений слов, полисемия становится объектом пристального лингвистического внимания. Разработкой вопросов, связанных с многозначностью, занимались как зарубежные (К. Рейзиг, Г. Пауль, В. Вундт, Г. Шпербер, К. Эрдман, Э. Велландер и др.), так и отечественные (М. М. Покровский, А. А. Потеня, В. В. Виноградов, Д. Н. Шмелев, А. И. Смирницкий, Ю. Д. Апресян, В. Г. Гак и др.) исследователи. И хотя проблемы многозначности получили глубокое и многоаспектное освещение в трудах названных лингвистов, полисемия благодаря своему онтологическому статусу и гносеологическому потенциалу продолжает активно изучаться и в настоящее время (В. А. Плунгян, Е. В. Падучева, Е. В. Рахилина, Анна А. Зализняк, Г. И. Кустова, Dirven, Gibbs, Ortony, Ravin и др.).

Однако имеющиеся в науке о языке теоретические накопления относительно многозначности не вполне пригодны для практического лексикографирования: все они, представляя собой разнородный,

местами противоречивый, массив, скорее, складывают общее представление о полисемии и отмечают связанные с ней дискуссионные моменты, нежели ориентируют лексикографа в непростой деятельности по оптимальному отражению многозначных слов в объяснительном словаре.

Данное обстоятельство вынуждает обратиться к описанию лексической многозначности в практико-ориентированном русле, то есть в русле словарной лексикологии. Область словарной лексикологии была выделена В. В. Морковкиным в качестве самостоятельного раздела лексикографии [7], назначение которого «состоит в таком теоретическом осмыслении лингвистических понятий и категорий, которое бы создавало оптимальные условия для практического лексикографирования языковых единиц, соответствующих этим понятиям и категориям» [6. С. 33]. Задача данной работы, разумеется, не заключается в разработке полной словарно ориентированной версии теории лексической многозначности, а сводится лишь к рассмотрению некоторых существенных, в определенном роде даже ключевых, для данной версии моментов. Эти моменты могут быть исчислены с помощью следующих понятий и оппозитивных пар:

- 1) актуальная и потенциальная многозначность;
- 2) семантическая структура и эпидигматическое гнездо;
- 3) значение и подзначение, оттенок значения;
- 4) статусные характеристики ЛСВ;
- 5) метафорические и метонимические трансформации значений:

- перенос и сдвиг значения;
- семантическое расстояние между значениями полисеманта;
- регулярность переосмыслений значений.

Обратимся к последовательному рассмотрению каждого из обозначенных моментов.

Любая практическая деятельность, связанная с полисемией, должна в первую очередь базироваться на осознании того обстоятельства, что все без исключения единицы языка являются многозначными. При этом существование однозначных слов вовсе не противоречит сказанному - последние таят в себе потенциал смысловых преобразований или готовность к семантическим модификациям. Иными словами, многозначность одних единиц, которые мы и называем многозначными, уже обнаружилась, то есть стала фактом языка, а многозначность других, которые на данный момент при-

знаются однозначными, пока находится в потенции, хотя может время от времени актуализироваться в речевой среде. Справедливость данного утверждения может быть аргументирована хотя бы тем, что слово, употребленное говорящим в производном окказиональном значении, адекватно и, что важно, без каких-либо усилий декодируется реципиентом; такое положение дел может свидетельствовать лишь о том, что данное значение было потенциально прикреплено к слову, а говорящий лишь распознал его и предъявил слушающему в сильном диагностирующем контексте. При этом необходимо верно понимать роль контекста по отношению к вновь возникающим ЛСВ: он ни в коем случае не формирует их, а лишь выявляет и предъявляет, в то время как арсенал значений слова формируется на уровне семантико-ассоциативных валентностей.

На основании сказанного можно сделать вывод о наличии у слова семантического потенциала, то есть «тех возможностей, которые предоставляют говорящим исходное значение и связанная с ним ситуация для осмысления, концептуализации других ситуаций, и...сам круг ситуаций разных типов и разной природы, на которые данное слово можно «распространить», которые им можно «охватить»» [4. С. 29–30]. Поскольку семантический потенциал слова реализуется постепенно в связи с возникающими потребностями носителей языка означить односторонние информемы, постольку представление о семантической стороне слова, которое извлекается из свершившихся дискурсивных отрезков и демонстрируется в словарных описаниях, является принципиально неполным и открытым - каждая одно- или многозначная единица языка имеет потенциально большее количество значений, чем вскрывает определенный синхронный срез, и данные потенции, постепенно реализуясь во времени, должны дополнять и корректировать языковые слепки с внутренней стороны слов.

Основным лексикографическим следствием понимания номинативной неисчерпанности любой единицы лексической системы является то, что лексикограф на этапе распознавания семантически различного в слове - если эта процедура полностью или в значительной мере производится на основе данных имеющихся словарей, а не собственных картотечных материалов – должен подходить к семантической структуре слова как к возможно более разнообразной, чем она представлена в лексикографических продуктах. Такой подход предполагает, во-первых, контроль правильности отражения семантической структуры того или иного слова в словаре за счет

сопоставления зафиксированного значения и иллюстрирующего его материала и выявления случаев, когда в каком-либо из приведенных контекстов единица означает не то, что она иллюстрирует, а во-вторых, последовательное заполнение всех имеющихся лексико-синтаксических валентностей единицы для распознавания по каким-то причинам не отраженных в словаре значений (вполне возможно, что эти значения на момент создания словаря просто-напросто не были актуализированы). Так, например, в [5] демонстрируется, как на основе дистрибутивного анализа контекстов, приведенных в словарных статьях лексемы *метро*, было выявлено незафиксированное ранее значение этого слова 'станция городской электрической, обычно подземной, железной дороги' (*жить около метро, встретиться у метро, автобус идет до метро «Университет»*). Внимательное рассмотрение словарных статей лексемы *волна* и последовательная реализация имеющихся у этого слова валентностей позволили распознать у него недавно возникшее значение 'настроение, направление мыслей, общее эмоциональное состояние', соответствующее таким контекстным употреблением, как *быть на одной волне, быть на своей волне, поймать волну, на волне оптимизма* и т.п.

Чрезвычайно важной для словарно ориентированного описания многозначности является соотносительная пара «семантическая структура – эпидигматическое гнездо». Семантическая структура многозначного слова представляет собой упорядоченную на основании различных критериев (диахронного развития семантемы слова, отношений мотивированности и производности между значениями, степени семантической близости между ними, градации актуальности и социальной значимости ЛСВ, логических отношений между ними и некоторых других) совокупность его лексических значений, то есть является моделью единственно семантической стороны слова. Иными словами, семантическая структура презентует лишь односторонние единицы – значения или семемы. Эпидигматическое же (или лексосемантическое) гнездо есть совмещенная единица лексической системы, включающая в себя совокупность ЛСВ, относящихся к одному слову и этим словом возглавляемая. Таким образом, эпидигматическое гнездо предполагает представление в определенной последовательности двусторонних языковых единиц, двусторонность которых прослеживается в фиксации их содержания, с одной стороны, и грамматических, лексико-фразеологических и лексико-синтаксических особенностей, с другой.

Каждый лексикограф должен понимать, что его первоочередной задачей является адекватное отражение не семантической структуры, а эпидигматического гнезда (семантическая структура в этом случае является вторичным конструктором, поскольку несемантические показатели выступают в качестве эмпирического средства обнаружения и взаиморасположения семантических отдельностей). Иными словами, лексикограф обязательно должен предоставлять разноплановую информацию о языковой единице, раскрывать не только ее семантические признаки, но и фразеологические, лексико-синтаксические, грамматические и стилистические, снабжая пользователя словаря всем спектром информации, необходимой для адекватного употребления слова или ЛСВ в ситуации коммуникативного взаимодействия. Кажется очевидным, что отсутствие характеристики единицы по какому-либо из перечисленных параметров может принести ущерб для усвоения этой единицы адресатом словаря, независимо от того, какой уровень языковой, речевой и лингвистической компетенций он имеет. Однако, несмотря на всю очевидность данного положения, в настоящее время выпускаются лексикографические продукты, не имеющие среди своих профильных параметров отражение ключевой информации о лексических единицах (в частности речь идет о толково-словообразовательном словаре Т. Ф. Ефремовой [3], в котором игнорируется параметр сочетаемости, то есть принципиально отсутствует показ функционирования ЛСВ в речевых контекстах, что является неприемлемым, если учитывать антропоцентрическую сущность любого лексикографического дела).

Что касается соотношения понятий «значение», с одной стороны, и «подзначение» и «оттенок значения», с другой, то безусловный интерес здесь вызывает содержательно-понятийный элемент двух последних членов этого оппозитивного образования, а именно набор дифференциальных признаков так называемых подзначений и оттенков значений, сформированный на основе их сопоставления с полноценными значениями.

Традиционная лингвоцентрическая лексикография при обосновании концепций словарных произведений активно оперировала понятиями «подзначение» и «оттенок значения», тем самым отстаивая правомерность терминологического употребления соотносимых с ними лексических единиц, и использовала в словарных статьях их графические заместители - как правило, в виде двойного слеша или двух параллельных вертикальных линий (ср. «ВОЛНОВАТЬ. 1.

Приводить в колебательное движение водную поверхность, вызывать волны (в 1 знач.) <...> // *Только 3 л.* Колыхать, качать, подобно волнам, злаки, травы и т.п. <...> 2. Приводить в возбужденное состояние; беспокоить, тревожить. <...> // Вызывать душевное волнение; пробуждать чувство радости, умиления, восхищения. <...> // Вызывать повышенный интерес <...>» [1. С. 95]). Разумеется, возникновение данных понятий в теории лексикографии и их востребованность в области практического лексикографирования имеют рациональную и достаточно существенную каузацию – дело в том, что семантические единицы, составляющие содержание многозначного слова, неравноценны по своим статусным характеристикам, и, соответственно, среди понятий, необходимых лексикографу, должны быть и такие, с помощью которых он мог бы отразить в словарной статье разные статусы данных семантических единиц (подробнее о статусных характеристиках ЛСВ см. далее).

Однако – и это чрезвычайно важно – внимательное рассмотрение семантических отдельностей, которые по данным большинства имеющихся словарей идентифицируются как подзначения / оттенки значений, позволяет сделать вывод о том, что они, собственно говоря, ничем не отличаются от полноценных лексических значений – ни на основании предметно-вещественного содержания, ибо так называемые оттенки значения соответствуют собственному фрагменту действительности, о чем свидетельствует наличие в словарных статьях толкования каждой филиации, ни на основании синтагматических и парадигматических характеристик, поскольку они имеют спектр закрепленных общественной практикой контекстов употребления и вступают в собственные антонимические и синонимические отношения (ср. *волновать* ‘приводить в возбужденное состояние; беспокоить, тревожить’ – *взгляд волнует, события волнуют*, синонимы: беспокоить, тревожить; *волновать* ‘вызывать душевное волнение; пробуждать чувство радости, умиления, восхищения’ – *красота волнует, волновать сердце, душу*, синонимы: радовать, умилять, восхищать; *волновать* ‘вызывать повышенный интерес’ – *вопрос волнует, волновать умы*, синонимы: занимать, интересовать), ни на основании грамматических особенностей (ср. *волновать* ‘колыхать, качать, подобно волнам, злаки, травы и т.п.’ – *только 3 лицо*). Это обстоятельство вынуждает рассматривать любые семантические модификации слова как его самостоятельные ЛСВ, хотя и разной зрелости, функциональной активности и содержательной актуальности. Основным лек-

сикографическим следствием такой посылки является то, что любые видоизменения семантики слова должны исследоваться составителями словарей по всему спектру лингвистических свойств, назначенных к отражению в лексикографическом продукте.

Как мы уже говорили, ЛСВ в рамках эпидигматического гнезда неравноценны, и эта неравноценность, сводимая, в конце концов, к разной степени зрелости, активности и содержательной актуальности ЛСВ, может быть наглядно и расчлененно выражена в различии статусных характеристик единиц многозначного слова. К статусным характеристикам ЛСВ, релевантным для оформления под пером лексикографа эпидигматического гнезда и, как следствие, семантической структуры, мы относим, во-первых, первичность \ вторичность ЛСВ, во-вторых, его коммуникативную актуальность, в-третьих, употребительность, в-четвертых, методический статус и, наконец, в-пятых, информативность.

Наиболее фундаментальным, очевидным и без труда осознаваемым самими носителями языка различием между ЛСВ одного эпидигматического гнезда является различие, выраженное в большинстве случаев несимметричным, апропорциональным разделением значений единиц на а) одно немотивированное, производное, исходное, этимологически первичное и б) оставшийся массив мотивированных, производных и вторичных (реже - симметричным разделением на одно немотивированное и одно мотивированное). Как известно, ЛСВ с немотивированным значением всегда выступает в роли доминанты эпидигматического гнезда и характеризуется большей степенью парадигматической закреплённости, поскольку являет собой центральный член лексико-семантической парадигмы, обладающий конкурентными преимуществами перед другими членами, и меньшей степенью синтагматической закреплённости – исходное значение, как правило, обладает свободной сочетаемостью, ограниченной лишь логическими законами и условиями соположенности референтов в окружающей действительности. На фоне доминантного значения производные от него воспринимаются как несамостоятельные, зависимые в содержательном отношении и характеризуются меньшей парадигматической и большей синтагматической закреплённостью.

Определение коммуникативной актуальности того или иного ЛСВ, как правило, осуществляется при совокупном учете двух критериев – во-первых, идеографического, вскрывающего смысловую

важность единицы и степень ее употребительности в рамках заданного перечня словарных тем и ситуаций, а во-вторых, функционального, указывающего на соответствие единицы существенным интенциям носителя языка. Степень актуальности конкретной единицы полисеманта может также устанавливаться на основе данных некоторых лексикографических произведений, например, толковых словарей, целью которых является фиксация актуальной для определенного периода лексики, и лексических минимумов русского языка.

С коммуникативной актуальностью единицы тесно связана частотность ее употребления, или употребительность, которая обозначает степень активности ЛСВ в рамках того или иного многозначного слова. Употребительность ЛСВ устанавливается двумя путями: либо на основе имеющихся в науке данных о статистической характеристике отдельных единиц, либо с опорой на так называемую симптоматическую статистику, сущность которой сводится к учету индивидуального или коллективного ощущения статистической ценности единицы. Разумеется, опора на симптоматическую статистику неизбежно предполагает аппроксимацию, однако отсутствие всеобъемлющего статистического обследования современного русского словоупотребления вынуждает лексикографов прибегать к данному методу.

Методический статус простой лексико-семантической единицы оказывается важным в первую очередь при составлении учебных толковых словарей, рассчитанных на иностранцев, изучающих русский как неродной, хотя может учитываться и в учебных словарях, предназначенных для носителей языка, и в любых других толковых словарях, и представляет собой степень необходимости усвоения лексемы личностями, претендующими на статус носителя языка, для их адекватного функционирования в типовых коммуникативных ситуациях. Определение методического статуса единиц может производиться самостоятельно на основе анализа методических характеристик определенного этапа обучения предполагаемого пользователя словаря, а может определяться на основе вхождения единицы в градуированные лексические минимумы или в словарные произведения, целевой установкой которых является фиксация лексического ядра русского языка.

Информативность лексико-семантической единицы полисеманта представляет собой его большую смысловую нагруженность и характеризует, как правило, единицы, необходимые для понимания

функционально связанных текстов, то есть терминологические единицы, являющиеся доминантой текста, понимание которого требует от реципиента специальной профессиональной подготовки.

В обобщенном виде лексикографический выход факта статусной неоднородности ЛСВ в рамках эпидигматического гнезда можно сформулировать следующим образом.

Максимальный уровень каждой из обозначенных статусных характеристик может стать основанием для предъявления лексико-семантической единицы с помощью раздельного режима лексикографирования, сущность которого заключается в развернутом описании семантических и сочетаемостных свойств назначенного к отражению ЛСВ с графическим обозначением его отдельности (цифрой, буквой, слешем). Вполне логично, что независимо от адресатно-целевой специфики словарного произведения с помощью раздельного режима всегда должен отражаться исходный, этимологически первичный ЛСВ, поскольку именно ему присущи максимальные коммуникативная актуальность, употребительность, методическая ценность и информативность – в этом отношении он представляет собой некий абсолют, точку отсчета, и потому статус производных от него ЛСВ может определяться только посредством сопоставления с его статусом.

Минимальный уровень каждой из исчисленных характеристик позволяет прибегнуть к опущению ЛСВ, то есть к его нулевой представленности в рамках словарной статьи, однако это возможно только в том случае, если адресатно-целевая ориентация объяснительного словаря позволяет использовать выборочный режим презентации многозначных слов. Так, например, если гипотетическим пользователем словаря является лингвист-специалист (преподаватель русского языка как родного и неродного, автор учебников, грамматик, словарей, ученый-русист), обладающий предельно высоким уровнем языковой, речевой и лингвистической компетенций, выборочный режим представления полисемантов, предполагающий фрагментарное предъявление семантической структуры, использовать не рекомендуется, поскольку велика вероятность того, что лингвист обращается к словарю с целью получения максимально полной и детальной информации, необходимой ему либо в исследовательских целях, либо в целях совершенствования владения языком. Если же в качестве целевой аудитории лексикографического произведения выступает иностранец, изучающий русский как неродной на начальном

или среднем этапах и, следовательно, имеющий предельно низкий уровень обозначенных компетенций, семантические отдельности многозначного слова, характеризующиеся минимальной степенью коммуникативной актуальности, употребительности, информативности и методической ценности, следует опускать.

В случае непредельных показателей статусных характеристик ЛСВ лексикограф – опять же если это позволяет адресатно-целевая направленность словаря – может использовать семантическое стеснение многозначного слова. Под семантическим стеснением мы разумеем намеренное огрубление лексикографом семантической структуры многозначного слова, состоящее в представлении некоторых семантических филиаций с помощью минимальных в отношении пространственной протяженности и объяснительной силы способов интерпретации. Последовательно реализованное семантическое стеснение обязательно предполагает представленность того или иного ЛСВ полисеманта как на уровне толкования, так и на уровне иллюстративного материала, в противном случае мы имеем дело с опущением. Наглядно продемонстрировать использование стесненного режима отражения многозначности можно с помощью следующего примера. В [9. С. 684] первое номерное значение лексемы *сорвать* подано так: «Рывком отделить, снять, сдернуть. *Сорвать яблоко. Ветер сорвал шапку. С. крючок с двери. С. одежду с кого-н.*» В приведенном толковании совмещено, или стеснено, несколько значений, которые мы можем восстановить на основании приведенного иллюстративного материала: так, первый контекст соотносится со значением «надломив, отделить от стебля, корня», второй – со значением «сильным порывом снести (о ветре, урагане и т. д.)», третий указывает на семантическую отдельность «сильным, резким движением отделить, отодрать что-либо приделанное, прикрепленное» и, наконец, четвертый свидетельствует о наличии в словарной статье значения «резким движением, рывком снять, сдернуть, сбросить что-либо».

Как видим, в данном случае мы сталкиваемся с такой презентацией семантического разнообразия полисеманта, которая противоречит нашему суждению об обязательном лексикографировании первичных ЛСВ с помощью раздельного режима – исходное значение предьявлено здесь в стесненном виде. Концепцию, положенную в основу такого лексикографирования многозначных слов, как кажется, следует признать не вполне корректной.

В рамках вопроса о статусе единиц полисеманта следует остановиться еще на одном немаловажном моменте. Так как решение по поводу лексикографической интерпретации многозначных слов и их отдельных составляющих во многом зависит от того, каким уровнем каждой из обозначенных статусных характеристик обладает конкретный ЛСВ, рождается закономерный вопрос об объективных показателях того или иного уровня и о границах этих уровней. Действительно, в каком случае считать ЛСВ максимально коммуникативно актуальным, в каком – неопредельно актуальным, а в каком не актуальным, а также в каком – еще максимально актуальным, а в каком – уже неопредельно актуальным? Ответ на этот чрезвычайно сложный вопрос, по-видимому, на данном этапе развития лексикографии должен предоставляться лексикографом на основе собственного языкового чутья и здравого смысла с учетом каждого конкретного случая многозначности: частеречной принадлежности полисеманта, количества имеющихся у него значений, соотносительных характеристик ЛСВ внутри эпидигматического гнезда и т.д.

Широко известным фактом является то, что новые значения полисеманта возникают благодаря действию механизмов семантической деривации, в качестве семантического форманта которой могут выступать либо метафора, либо метонимия, понимаемые в широком смысле. Несмотря на то, что экстенционал выделяемых в лингвистической литературе видов семантических переносов намного шире и включает в себя помимо метафоры и метонимии еще и синекдоху, функциональный перенос, генерализацию, специализацию и др., мы убеждены, что все возможные способы переосмысления значения слова, в конечном счете, сводятся либо к метафоре, либо к метонимии. Именно эти типы содержательных трансформаций соответствуют двум основным операциям когнитивной экспансии по установлению системного и целостного характера картины окружающей действительности – ассоциированию по сходству и ассоциированию по смежности, или соположенности.

Для практики лексикографирования многозначных слов существенным оказывается лексикологическое описание дифференциальных признаков метонимических и метафорических переносов, произведенное на основе их сопоставления.

Под метафорой традиционно понимают словообразовательное средство, состоящее в переносе наименования с одного класса объектов или одиночного объекта на другой класс или отдельный

предмет на основе сходства каких-либо внешних или внутренних признаков, то есть за счет конденсации означающих (наложения одних означающих на другие). Метонимия обычно трактуется как словообразовательное средство, сущность которого состоит в переносе имени с одного предмета (явления) на другой, находящийся с первым в отношении пространственной, временной, ситуативной, логической, причинно-следственной, событийной и другой смежности, или сопредельности, таким образом, в основе метонимической модификации лежит смещение или замещение значений.

Опираясь на подобного рода определения, можно выделить два интегральных для интересующих нас семантических преобразований свойства: во-первых, и метафора, и метонимия представляют собой словообразовательные средства языка, то есть служат возникновению новых лексико-семантических единиц, а во-вторых, суть их заключается в переносе имени с означенной информемы на неозначенную. Первое свойство не вызывает сомнения, второе требует некоторых уточнений. Дело в том, что, говоря о переносе имени, имеют в виду прежде всего материальную невыраженность семантических формантов, и игнорируют саму сущность явления переноса, в то время как сущность эта оказывается чрезвычайно важной для разграничения метафоры и метонимии и выработки рациональных принципов их отражения в объяснительных словарях.

Процесс переноса имени, как кажется, предполагает а) осознание существенных признаков определенного предмета действительности ситуации А (для экономии места под предметом далее будем понимать также явление, ситуацию, событие и т.д.) → его номинацию; б) взаимодействие на протяжении какого-либо (возможно, не очень продолжительного) времени человеческого сообщества с поименованным предметом, осознание его несущественных свойств, возникновение связанных с ним устойчивых ассоциаций; в) осознание существенных признаков предмета окружающей действительности ситуации Б → его номинацию либо с помощью словообразования, либо с помощью механизмов малого синтаксиса, либо с помощью внешнего заимствования; г) осознание некоторой внешней или внутренней связанности (сходства) двух означенных в словах предметов действительности (при этом параметр этого сходства всегда является центральным признаком для второго предмета и, как правило, второстепенным, несущественным, ассоциативным, для первого), а также ситуаций А и Б → использование имени первого предмета

для наименования второго с целью усиления образности и экспрессивности обозначения второго предмета, то есть собственно перенос имени на основании сходства. Данный алгоритм переноса демонстрируют, например, следующие модели метафорических трансформаций: *осел* в значении ‘родственное лошади животное’ → *глупый / упрямый человек* → *осел* в значении ‘глупый, упрямый человек’ или *бежать* в значении ‘двигаться быстрым, резко отталкивающимся от земли шагом’ → *быстро проходить* (о времени) → *бежать* в значении ‘быстро проходить (о времени)’. Необходимо отметить, что перенесённое имя не всегда является средством вторичной номинации – в некоторых случаях отсутствует этап означивания предмета с помощью средств словообразования, малого синтаксиса или внешнего заимствования, и тогда переносом является первичное наименование предмета, однако в такой ситуации переносное имя чаще всего не воспринимается как образное и экспрессивно нагруженное, например, *ключ* как ‘приспособление для отпираания замка’ и *ключ* ‘приспособление для отвинчивания или завинчивания гаек’.

Таким образом, к существенным признакам переноса имени отнесем, во-первых, принадлежность референтов ЛСВ многозначного слова к разным ситуациям окружающей действительности, во-вторых, наличие временного промежутка, пусть и достаточно малого, между этапом номинации первого предмета и этапом номинации второго предмета посредством переноса имени, и, в-третьих, частотную образность и экспрессивность переносной единицы.

При внимательном ознакомлении с предложенными качествами переноса становится понятным, что ни один метонимический перенос не являет собой переноса в собственном смысле слова. Так, предметы, соотносимые с ЛСВ, связанными метонимией, на наш взгляд, всегда бытуют в рамках одной ситуации (хотя существует и противоположное мнение, представленное, например, в [4]). Временной промежуток, необходимый для осуществления переноса имени, при метонимическом переосмыслении, как правило, равен нулю – значения, которые принято называть метонимическими переносами, не рождаются в результате дальнейшего ознакомления с функционированием предметов и выявления общих для них характеристик, а изначально присутствуют в исходном значении в виде семантического придатка или неактуальных сем. Сходное замечание находим у Д. Н. Шмелева в связи с рассуждением о семантической стороне единиц с семантикой населенного пункта: «слово *город* и др. обозначают

«населенный пункт», то есть элемент «жители» потенциально присутствует в их семантике; в приведенных примерах именно он становится основой значения (что и обуславливает возможность выделения отдельного значения для фраз вроде *Весь город вышел на улицы* и т.п.), но в других контекстах его действительно нельзя считать значимым, ср.: *строить город; Это был красивый город; Археологи откопали древний город* и т.п.» [10. С. 149]. Что касается образно-экспрессивного компонента переносного имени, то ставшая фактом языка метонимия практически никогда не является образной, для подтверждения этого можно обратиться к ее представлению в словарных статьях, где по отношению к ней никогда не используется помета *переносное*, в то время как при описании метафорических значений лексикографы часто прибегают к этому обозначению.

Опираясь на все сказанное ранее, считаем, что явление метонимии нужно соотносить не с переносом значения, а с его сдвигом, или смещением, а также не с переносом имени, а с его использованием в изначально свойственном ему в потенции значении. Такое положение дел коррелирует с описанными В. Г. Гаком [2] механизмами перегруппировки сем при интересующих нас семантических трансформациях – так, по словам исследователя, метонимический перенос предполагает не исчезновение архисемы прямого значения, а ее преобразование в дифференциальную сему нового значения, в то время как метафора превращает архисему производящего в потенциальную сему производного.

Квалификация метонимических модификаций как сдвигов, а метафорических – как собственно переносов объясняет также различие в семантических расстояниях между ЛСВ, связанных соответствующими отношениями, – в первом случае расстояние между ЛСВ достаточно мало и связь между значениями сохраняется в большей степени, особенно при тривиальном метонимическом сдвиге, во втором – семантическое расстояние существенно больше и связь между ЛСВ сохраняется в меньшей степени.

Различие метонимии и метафоры на основании принципа и условий семантической трансформации служит также причиной, отмечаемой многими лингвистами, существенно большей регулярности метонимических сдвигов по сравнению с метафорическими переносами – для регулярного употребления слов в том или ином метонимическом значении достаточно сходного набора их семантических компонентов, обусловленного принадлежностью к одной темати-

ческой группе, и наличия обстоятельств, актуализирующих их потенциальные семы. Регулярность же метафорических переносов, помимо сходного семного состава слов, требует еще и существования актуальной для носителей языка взаимосвязи целых тематических групп (и, соответственно, взаимосвязи ситуаций действительности): тематической группы, к которой относится массив прямых значений, и тематической группы, к которой относятся значения, расцениваемые носителями языка как сходные с первыми на каких-либо основаниях, что случается достаточно редко. Наверное, наиболее регулярной моделью метафорического переноса, имеющей в качестве своих обозначений названия конкретных тематических классов, а не параметров переноса, таких, как форма, цвет, функция, мера, ощущение и др., является модель «животное или насекомое → человек, похожий на это животное или насекомое на каких-либо основаниях» (при этом основания эти могут быть весьма различными, в результате чего регулярность модели резко уменьшается).

Все отмеченное в связи с сопоставлением метафорических и метонимических трансформаций может быть использовано в реальной практике лексикографирования полисемантов в первую очередь в случае, если концепция объяснительного словаря предполагает применение стесненного отражения семантической структуры многозначного слова.

Так, стесненное предьявление ЛСВ, находящихся в регулярных метонимических отношениях и, следовательно, семантическое расстояние между которыми минимально, позволяет использовать совмещенный режим семантического стеснения. Совмещенный режим предполагает склеивание максимально близких ЛСВ и оформляется в словарной статье в виде объединенного двусоставного толкования с помощью союза *а также* или пунктуационного знака точки с запятой, например, «**ЗОНА.** Пояс, полоса, пространство между какими-н. границами, двумя линиями или вдоль какой-н. линии, а также вообще характеризующаяся какими-н. общими признаками территория, область. *Пограничная з. Пригородная з. Запретная з. З. отдыха. З. влияния. З. огня*» [8. С. 202]. Точка с запятой или союз *а также*, как кажется, являются наиболее пригодными для отражения в толковании именно сдвига, а не переноса.

ЛСВ, связанные менее регулярными в своей сущности метафорическими переносами, в зависимости от степени семантической близости, измеряемой количеством совпадений компонентов семанти-

ческого состава, могут презентовать либо с помощью отдельного способа отражения многозначных слов, либо с помощью обобщенного или свернутого режима семантического стеснения. Очевидно, что отдельный способ будет использоваться в ситуации, когда значения не имеют общих конструктивных элементов, то есть когда перенос осуществлялся единственно на основании ассоциативных признаков, например «ОСЁЛ. 1. Родственное лошади животное не высокого роста, с большой мордой и длинными ушами. 2. *перен.* О тупом упрянце» [8. С. 589].

Обобщенный режим семантического стеснения состоит в объединении значений ряда ЛСВ в толковании, отражающем их единое инвариантное, или прототипическое, значение, и разграничении данных ЛСВ за счет текстовых отрезков иллюстративного характера. Таким образом, толкование покрывает весь содержательный спектр объединяемых ЛСВ и ориентировано не на приведение в известность конкретного денотата, а на описание общего смысла ряда смежных денотатов. Пример использования данного режима уже приводился нами, когда речь шла о семантическом стеснении как лексикографическом приеме (фрагмент словарной статьи глагола *сорвать*). Использование обобщенного режима является необходимым в том случае, если семантическое расстояние между содержательными отдельностями, связанными метафорическим переносом, является не минимальным, но все же небольшим, а семный набор этих отдельностей содержит некоторое количество аналогичных элементов, что в формальном отношении может проявляться в возможности формулирования инвариантного толкования, покрывающего весь спектр определенных значений.

Свернутый режим предполагает предъявление метафорического значения ЛСВ намеком. Данный намек осуществляется за счет приведения речения, соотносимого со стесненным значением, и помещения рядом с этим речением в скобках дополнительного текстового отрезка семантизирующего характера. Например, в [8. С. 914] находим следующий пример этого режима: «Эхо. 1. Отражение звука от предметов, отзвук. *Лесное э.<...>Э. минувших событий* (перен.: отголосок)». В целом свернутый режим применяется при тех же условиях, что и режим обобщенный; признаками, обуславливающими дифференциацию их дистрибуций, являются степень актуальности, активности, зрелости, самостоятельности, информативности и методической значимости той или иной смысловой отдельности.

Так, если ряд ЛСВ, значения которых способны объединяться в инвариантном толковании, обладают примерно одним уровнем актуальности, активности, зрелости и самостоятельности, их стоит стеснять посредством обобщенного режима, если же среди них имеется ЛСВ, существенно отличающийся хотя бы по одному указанному свойству в сторону уменьшения его уровня, его следует стеснять с помощью свернутого режима.

Следует отметить, что в практике лексикографирования многозначных слов необходимо учитывать все описанные в данной работе понятия в совокупности – только в этом случае возможно уменьшение лексикографического произвола в принятии решения относительно представления многозначных единиц в словаре. Рассмотрение иных категорий, важных для описания многозначности в аспекте словарной лексикологии, оказывается в области перспектив нашего исследования.

Список литературы

1. Большой академический словарь русского языка в 17 томах / под ред. К.С. Горбачевича. М., СПб. : Наука, 2004. 661 с. Т. 1.
2. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М. : Наука, 1977. 262 с.
3. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 томах. М. : Русский язык, 2000. 2320 с.
4. Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М. : Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
5. Морковкин, В. В. Лексическая многозначность и некоторые вопросы ее лексикографической интерпретации // Русский язык. Проблемы художественной речи, лексикологии и лексико-

List of literature

1. Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka v 17 tomah / pod red. K.S. Gorbachevicha. M., SPb. : Nauka, 2004. 661 s. T. 1.
2. Gak, V. G. Sopostavitel'naja leksikologija (na materiale francuzskogo i russkogo jazykov). M. : Nauka, 1977. 262 s.
3. Efremova, T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. V 2 tomah. M. : Russkij jazyk, 2000. 2320 s.
4. Kustova, G. I. Tipy proizvodnyh znachenij i mehanizmy jazykovogo rasshirenija. M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 472 s.
5. Morkovkin, V. V. Leksicheskaja mnogoznachnost' i nekotorye voprosy ee leksikograficheskoj interpretacii // Russkij jazyk. Problemy hudozhestvennoj rechi, leksikologii i leksikografii. Vinogradovskie

- графии. Виноградовские чтения. IX-X / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1981. С. 153–166.
6. Морковкин, В. В. О словарной лексикологии // Русский язык за рубежом. М.: ЗАО «Отраслевые ведомости», 2001, № 2. С. 32–38.
7. Морковкин, В. В. Основы теории учебной лексикографии / Дисс. ... докт. филол. наук в форме научного доклада. М. : Институт русского языка им. А. С. Пушкина, 1990. 72 с.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Екатеринбург: Урал-Советы, 1994. 944 с.
9. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2008. 874 с.
10. Шмелев, Д. Н. Введение к книге «Способы номинации» // Избранные труды по русскому языку. М. : Языки славянской культуры, 2002. 888 с.
- chtenija. IX-X / Отв. red. N.Ju. Shvedova. M. : Nauka, 1981. S. 153–166.
6. Morkovkin, V. V. O slovarnoj leksikologii // Russkij jazyk za rubezhom. M.: ZAO «Otraslevye vedomosti», 2001, № 2. S. 32–38.
7. Morkovkin, V. V. Osnovy teorii uchebnoj leksikografii / Diss. ... dokt. filol. nauk v forme nauchnogo doklada. M. : Institut russkogo jazyka im. A. S. Pushkina, 1990. 72 s.
8. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka. Ekaterinburg: Ural-Sovety, 1994. 944 s.
9. Tolkovij slovar' russkogo jazyka s vkljucheniem svedenij o proishozhdenii slov / pod red. N.Ju. Shvedovoj. M.: Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova, 2008. 874 s.
10. Shmelev, D. N. Vvedenie k knige «Sposoby nominacii» // Izbrannye trudy po russkomu jazyku. M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 888 s.

**КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ТОПОНИМИКИ
БАШКОРТОСТАНА (НА ПРИМЕРЕ Г. БИРСКА)**

О. В. Тугузбаева

Автор статьи на примере микротопонимов города Бирска Республики Башкортостан рассматривает влияние культурного компонента на возникновение наименований. Топонимы разнообразны по структуре, способам и принципам номинации. Они являются отражением как национально-культурных особенностей, так и общечеловеческих ценностей.

Ключевые слова: топонимика, микротопонимика, национально-культурные особенности, г. Бирск, 14 групп микротопонимов.

Начало XXI века ознаменовано активным интересом ученых многих стран к топонимам, что связано со значительными переменами в экономической и социальной жизни России. Топонимы являются не только носителями номинативного значения, но передают огромное количество разнообразной информации о языке, природе и рельефе местности, об истории, культуре и обычаях этноса.

Топонимы всегда привлекали внимание как зарубежных, так и отечественных лингвистов: Альбер Доз, В Ташицкий, А.Х. Востоков, А. И. Соболевский, Э. М. Мурзаев, В.Н. Топоров, О. Н. Трубачев, В. А. Никонов, А. В. Суперанская, Е. М. Поспелов, М. Н. Морозова, В. Д. Беленькая, Ю. А. Карпенко и многие другие. Активизация работы по собиранию микротопонимов и их интерпретации относится к середине 50-х гг. XX века. В этот период появляется ряд исследований, посвященных лингвистическому анализу микротопонимов некоторых небольших регионов, а также разработка отдельных теоретических проблем микротопонимики, например работы А. И. Лебедева «Из наблюдений над Псковской микротопонимикой», Г. Я. Симиной «Микротопонимия бассейна Юлы» и другие [2. С. 51].

Основы научной классификации топонимов в лексико-семантическом отношении были заложены в отечественном языковедении А.М. Селищевым и положены им в основу при рассмотрении топонимии Московской области в работе «Из старой и новой топонимии» [8. С. 56]. Широкое распространение получила классифика-

ция выдающегося польского слависта В. Ташицкого [4. С. 93]. Все названия он делит на 4 группы. Первые две из них являются основными, а последние две – добавочные. В первой доминирующей группе автор выделяет 4 разряда: названия топографического характера; названия культурно-исторические; названия владельческие; названия, которые чаще всего обозначают местность, поблизости которой заложено поселение. Вторая основная группа тоже делится на 4 разряда: названия этнические, названия патронимичные; названия, отражающие занятия прежних жителей поселения; топонимы по названию лиц, принадлежащих к какой-либо общности людей. На наш взгляд, В. Ташицкому удалось наиболее полно представить лексико-семантические группы славянской топонимии.

Топонимика каждого района, города России – представляет собой огромный интерес своим разнообразием. Башкирия – многонациональная республика. Происходит постоянное взаимодействие крупных и мелких этносов на уровне культуры и языка, проникновение одного языка в другой. Подобные трансформации становятся причиной причудливого слияния разноязычных наименований.

Интерес вызывает топонимика не только крупных мегаполисов, но и небольших городов, имеющих славную историю и давние традиции. Мы рассмотрим микротопонимику одного из красивейших и старейших городов Башкортостана – города Бирска. Этот город занесен в список городов-памятников России и имеет богатую историю. Он был основан в 1663 году. Еще В. Н. Татищев полагал, что «Бирск прежде Уфы построен». Выдвигалось предположение, что Бирск первоначально возник под названием села Архангельское одновременно с Уфой (1574 год) как опорный пункт на середине пути от реки Камы до реки Уфы. Было мнение, что на месте Бирска в 1555 году появилось поселение, которое называлось Челядиным по имени его основателя. Документальным подтверждением первого отвода земли Бирской дворянской волости является отводная земельная книга 1645 года. По ней в этом году была основана деревня Бирь, которую переименовали в село Архангельское. В 1662 году село Архангельское – Бирь было сожжено башкирами. Видимо, часть спасшихся людей нашла новое место поселения на территории Бирска в 1663 году.

История названия города имеет двойственный характер. В соответствии с первой версией – город получил название «бирск» из-за его территориальной близости к реке Бирь, которая в те годы впадала в реку Белая. По второй версии город получил свое название благодаря тому, что Бирск построен на горе, обдуваемой ветрами.

Ведь слово «бирск» переводится как «ветренный, окутанный ветрами город». Аналогичное название города Симбирск, который переводится как «город семи ветров. В конце XVII века Бирск получил статус уездного города вначале Оренбургской губернии, а позже – Уфимской губернии.

Город Бирск имеет свою специфическую топонимику. Обратимся к одной из групп микротопонимов – к названиям улиц. Названия улиц г. Бирска можно разделить на 14 групп:

1. Улицы, которые получили свое наименование в советский период (18%). Это такие названия как: Коммунистическая, 70 лет Октября, 2-я Пятилетка, Советская, Комсомольская, Красноармейская, Пролетарская, Социалистическая, пер. Революционный, Коммунаров и другие.

2. Улицы, которые получили свое название в честь коммунистов, борцов за советскую власть (15%). Эта группа делится на 4 подгруппы:

– в первую группу мы включили улицы, названные в честь вождей пролетариата и видных деятелей революции: улицы Ленина, Крупская, Свердлова;

– ко второй подгруппе относятся улицы, получившие названия по фамилиям революционеров, которые родились в Башкирии: улицы Худайбердина, Чеверева, Вострецова;

– третью подгруппу составляют улицы, получившие наименования по фамилиям бирян-революционеров. В нее входят улицы: Нелидова, Кадомцева, Чернядзева, Курбатова; парк имени Винокурова;

– четвертая подгруппа связана номинацией с гражданской войной. Сюда входят такие названия: площадь Чапаева, улицы Фурманова и Хаханьяна.

3. Улицы, получившие свое название по эпитетам, характеризующим Бирск как спокойный, тихий, зеленый город, богатый цветами и садами (13%):

– первую подгруппу составляют наименования улиц: Зеленая, Садовая, Парковая, Луговая, Полевая. Эти эпитеты связаны с тем, что в Бирске много садов и парков, а в окрестностях – полей и лугов;

– вторую подгруппу составляют такие наименования улиц: Цветочная, Ясенева, Тополиная, Черемуховая, Сиреневая, Вишневая. Эти названия улицы получили потому, что Бирск богат цветами, среди городов Башкирии славится богатыми зелеными насаждениями;

– следующую подгруппу составляют названия таких улиц: Светлая, Тихая, Весенняя, Красная, Дачная. Можно выделить: на-

звания по временам и месяцам года: Осенняя, Весенняя, Апрельская; названия по цвету: Красная, Радужная; названия, связанные с эмоциями: Светлая, Тихая, Солнечная; номинация помещения: Дачная.

4. Наименования улиц по фамилиям писателей (11%). Эта группа состоит из трех подгрупп:

– в первую входят имена писателей, которые внесли большой вклад в русскую литературу: улицы Пушкина, Лермонтова, Чернышевского, Некрасова, Достоевского, Толстого, Чехова, Горького, Маяковского;

– вторую подгруппу составляют имена в честь башкирских писателей: улицы Аксакова, Тукая, Гафури;

– третью подгруппу составляют писатели, которые имеют непосредственное отношение к городу Бирску. Это улица Давлетшиной.

5. Улицы, связанные номинацией с Великой Отечественной Войной (11%). В эту группу входят названия: Игумнова, Фатхинурова, Старцева, Корочкина, Попова. Преобладают номинации в честь уроженцев города Бирска и района, ближайших регионов республики. Это такие наименования как: Матросова, Павлова, Космодемьянской, Антипина, Овчинникова, Мушникова.

6. Наименования улиц по топонимам и гидронимам (7%). Стоит из нескольких подгрупп: первую составляют названия государства и города, входят такие улицы как: Российская, Уфимская, Бирская, Янаульская, Пермская. Следующая подгруппа получила название по гидронимам: Ак-Идель, Салиха, Невская. Последняя подгруппа – по названиям гор: улица Уральская.

7. Названия улиц по местоположению (6%). Это такие улицы как: Южная, Северная, Верхняя, Набережная, Нагорная, Родниковая, пер. Речной и Школьный.

8. Названия, которые связаны с историей России, Башкирии, а точнее – с людьми, известными в разных областях (4%). По этому признаку были названы улицы: Салавата, Суворова, Кутузова, Саровского, Воробьева.

9. Названия улиц, данные в честь ученых (4%). Улицы Смородинцева, Балезина, Мичурина, Сеченова, Курчатова.

10. Улицы, получившие название по дорогам Бирска (3%). Это такие улицы: Дорожная, Кольцевая, шоссейная, Трастовая.

11. Наименования улиц, получившие названия в честь летчиков и космонавтов (3%). Сюда можно отнести улицы: Чкалова, Гастелло, Гагарина, Комарова.

12. Названия улиц по городу, к которому ведет трасса (2%). Улицы: Пермская, Янаульская, Бурновская.

13. Наименования улиц, получившие свои названия по ведущемуся в городе строительству (2%). Улицы: Новая, Архитектурная, пер.Строительный.

14. Название улицы по ремеслу (1%). Самая малочисленная группа микротопонимов: улица Гончарная. Такое название связано с тем, что там брали глину для гончарных работ.

Таким образом, микротопонимы города Бирска – одного из древнейших городов – памятников России, разнообразны по структуре, способам и принципам номинации. Они являются отражением как национально-культурных особенностей, так и общечеловеческих ценностей.

Список литературы

1. Агеева, Р. А. Происхождение имен рек и озер. М., 1985.
2. Мурзаев, Э. М. География в названиях. М., 1982.
3. Мурзаев, Э. М. Очерки по топонимике. М., 1974.
4. Мурзаев, Э. М. Топонимика и география. М., 1995.
5. Никонов, В. А. Введение в топонимику. М., 1965.
6. Попов, А. И. Географические названия. М., 1965.
7. Попов, А. И. Географические названия. М., 1965.
8. Селищев, А. М. Из старой и новой топонимике // А.М. Селищев. Избранные труды. М. : Наука, 1968.
9. Суперанская, А. В. Что такое топонимика? М., 1984.
10. Яценко, А. И. Лингвистический анализ микротопонимов определенного региона. Вологда, 1977.

List of literature

1. Ageeva, R. A. Proishozhdenie imen rek i ozer. M., 1985.
2. Murzaev, Je. M. Geografija v nazvanijah. M., 1982.
3. Murzaev, Je. M. Oчерki po toponimiki. M., 1974.
4. Murzaev, Je. M. Toponimika i geografija. M., 1995.
5. Nikonov, V. A. Vvedenie v toponimiku. M., 1965.
6. Popov, A. I. Geograficheskie nazvanija. M., 1965.
7. Popov, A. I. Geograficheskie nazvanija. M., 1965.
8. Selišev, A. M. Iz staroj i novoj toponimiki // A.M. Selišev. Izbrannyye trudy. M. : Nauka, 1968.
9. Superanskaja, A. V. Chto takoe toponimika? M., 1984.
10. Jawenko, A. I. Lingvisticheskij analiz mikrotoponimov opredelennogo regiona. Vologda, 1977.

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

СТРАТЕГИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БИЗНЕСА И КОРПОРАТИВНЫЙ ВЕРБАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ КАПИТАЛ (АКТИВ)

Ю. В. Данюшина

В статье начата разработка концепции лингво-коммуникативной эффективности и безопасности бизнеса на мировом рынке в условиях глобальной конкуренции, конкурентной разведки и борьбы, предлагается типология аргументативно-манипулятивных технологий речевого воздействия, применяемых западными корпорациями и закладывается понятие «вербально-коммуникативный капитал / актив компании».

Ключевые слова: прикладная лингвистика, бизнес, аргументативно-манипулятивные технологии, речевое воздействие.

Для современного бизнеса становятся все более актуальными вопросы исследования делового общения и повышения эффективности бизнес-коммуникации как способа достижения большей деловой результативности в целом, а новые информационно-технологические вызовы заставляют бизнес уделять все больше внимания деловому технически-опосредованному общению и формированию образа компании в интернете. Цель любого общения заключается в управлении деятельностью реципиента, и, как указывает Р. Блакар, «выразиться «нейтрально» невозможно, поскольку даже неформальный разговор предполагает «осуществление власти»» [1. С. 91]. В бизнес-коммуникации это особенно заметно.

Российский бизнес все увереннее входит в международную экономическую систему и стремится расширить свою нишу, следовательно, российским специалистам необходимо иметь соответствующую коммуникативную компетенцию, а российским компаниям требуется создавать бизнес-коммуникационные модели мирового уровня, уметь эффективно представить себя и свой продукт на корпоративном сайте, сформировать позитивный образ и наладить систему отношений с существующими и потенциальными инвесто-

рами и клиентами посредством корпоративного блога. Это позволит ускорить решение поставленной руководством страны задачи модернизации экономики.

Достижению указанных целей призваны служить предлагаемые нами **стратегия** обеспечения потребностей российского бизнеса в лингвистическом и коммуникационном (в т.ч. иноязычном) сопровождении и **концепция лингво-коммуникативной эффективности и безопасности** отечественного бизнеса на мировом рынке, которая позволит решить ряд практических задач специального назначения, в т.ч. вербальное конструирование имиджа и раппорта российским предприятиям на мировой бизнес-сцене, информационно-коммуникационные аспекты конкурентной разведки и борьбы, применение технологий речевого воздействия и т.п.

Основой данной концепции служит опора на международный опыт – так, мы проанализировали информационные кампании, проводимые ведущими глобальными корпорациями (например, компанией *BP - British Petroleum* в период гигантской экологической катастрофы на ее объекте у побережья США в 2010 г.) и разработали **комплекс аргументативно-манипулятивных технологий речевого воздействия**, которые могут быть применены в условиях новых гео-экономических, информационных и технологических вызовов, обостряющейся конкуренции на глобализованном мировом рынке, в обстановке регулярных кризисов и нарастающего числа техногенных катастроф. Разработанные лингво-коммуникационные технологии могут стать составной частью вербального конструирования имиджа и раппорта компании в мировом информационном пространстве, использоваться для интенсификации и оптимизации информационно-коммуникационной стороны конкурентной разведки и конкурентной борьбы, где «боевые корпоративные коммуникации» и «лингвистическая мобилизация» являются важным **оружием** и позволяют компании выстоять в неблагоприятных условиях.

Отечественные специалисты начинают оценивать возможности интернет-общения в интересах компании, например, Е. Юшук [2] говорит о «боевом блоггинге» как о важной стороне деятельности корпораций и эффективном средстве конкурентной разведки (англ. *Competitive Intelligence*, сокращенно *CI*): «Боевой блоггинг – это действия в блогосфере, которые близки к «активным мероприятиям», по терминологии государственных спецслужб. Новый тактический прием был отработан конкурентной разведкой в реальных

условиях противодействия негативным PR-технологиям. Речь идет об использовании блогов для целенаправленной коррекции информационного поля в Интернете».

Инвентарий аргументативно-манипулятивного речевого воздействия корпорации включает в себя **(I) универсальные** дискурсивные технологии (метафоризация – и шире: тропеизация и метаболизация – как мощное средство фасилитации и трансформации восприятия; «слоганизация» и брендинг, т.е. создание и массовое внедрение в сознание корпоративных и брендовых слоганов, которые приобретают статус вторичных квази-философских постулатов; рефрейминг – замена понятий и коррекция направления внимания;

(II) специализированные дискурсивные технологии:

1) Воздействие на интеллектуальную (рационально-логическую и когнитивно-познавательную) сферу: управление информацией – селекция и препарирование; технологии искусственного повышения ценности информации; субъективизация анализа (навязывание позиции, искусственные индукторы рефлексии - имплицатуры); средства активизации и фиксации внимания и памяти, включая различные формы выдвигания (термин И. В. Арнольд) и фокусировки.

2) Воздействие на эмоциональную сферу: эмоциональное подстраивание и заражение аудитории; создание эффекта эмпатии; персонализация, интимизация и коллективизация дискурса, включение и аттракция публики; персонификация фирмы/продукта; эвфемизация.

3) Воздействие на волевую сферу объекта манипуляции: суггестия – за счет (а) повторов и параллелизма, парастасиса, гермении, коморрации, (б) обилия оценочной лексики, (с) нужных манипулятору ассоциаций, а также программирующей номинации, катафазиса, филофренесиса, эротезы и др.

4) Воздействие на морально-нравственную и аксиологическую сферу объекта манипуляции: модификация аксиологических значений слов и создание «новых ценностей»; аффективация и номинализация; комплекс вербальных приемов по мелиорации имиджа компании и пейоризации образа конкурентов.

На своих интернет-площадках (корпоративных веб-сайтах и в корпоративных блогах) ведущие мировые компании ведут целенаправленную работу по созданию и системному применению специфических вербальных конструкторов – регулярных рекуррентных элементов (нередко – целых фраз и конструкций), которые

составляют своего рода «вербальный имидж компании», ее лингво-коммуникативное лицо и, таким образом формирует ее **вербально-коммуникативный капитал / актив** (он дополняет ряд других ее нематериальных активов – так называемых *intangible assets*, включая репутацию, торговые марки и т.п.); этот нематериальный актив может также включать формулировку миссии компании, ее целей, стратегий и тактик, ее девиз/лозунг, а также вербальное выражение ее автореференции и самоидентификации (т.е. то, как сама компания себя называет, например, «мы – лидер мировой нефтедобычи» и т.п.).

Например, в текстах сайта голландско-британской нефтегазовой корпорации Royal Dutch Shell встречаем следующие обильные использования лексических средств мелиорации и сакрализации образа компании, в сочетании с эвфемистическим рефреймингом – вместо «выкачивания ресурсов» – «помощь человечеству», причем «экологически и социально ответственным образом»: *helping meeting the world's growing demand for energy in economically, environmentally and socially responsible ways* – очевидно, эти часто повторяемые «сакральные» слова и закладываются в основу **корпоративного вербального имиджа** данной компании.

Поскольку корпоративные сайт и блог, а также личные блоги сотрудников регулярно читаются и изучаются конкурентами (и именно из них черпают значительную часть нужной информации и используют их в своих интересах), важными составными элементами концепции лингво-коммуникативной безопасности компании являются принятие и жесткое выполнение **коммуникативно-информационного кодекса** и согласованная политика в отношении ведения сотрудниками индивидуальных блогов (в т.ч. выработка принципов неразглашения или намеренного разглашения информации – в последнем случае эффективно применение технологий повышения интереса публики – имитация утечки и т.п.).

Список литературы

1. Блакар, Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального воздействия. М., 1987. С. 88–124.
2. Юшук, Е. Боевой блоггинг. URL : www.cijournal.ru/article/47/200801fight_blogginng

List of literature

1. Blakar, P.M. Jazyk kak instrument social'noj vlasti // Jazyk i modelirovanie social'nogo vozdejstvija. M., 1987. S. 88–124.
2. Juwuk, E. Boevoj blogging. URL : www.cijournal.ru/article/47/200801fight_blogginng

**СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ
КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕМАГОГА**

Н. Н. Панченко, Ю. В. Епишина

Статья посвящена рассмотрению и анализу коммуникативного поведения демагога в политическом дискурсе. Описываются приемы и средства демагогической коммуникации, анализируются стратегии и тактики, используемые американскими политическими деятелями.

Ключевые слова: демагог, политический дискурс, стратегия, тактика.

Коммуникативное демагогическое поведение представляет собой интересный объект анализа с точки зрения речевых стратегий и тактик, техник манипулирования общественным сознанием и речевого воздействия.

Как известно, речевое воздействие осуществляется посредством коммуникативных стратегий и тактик, суть которых заключается в операции над знаниями адресата, над его эмоциями и ценностными предпочтениями. Применительно к политическому дискурсу выделяются такие стратегии, как стратегия дискредитации, самопрезентации, императивная, стратегия формирования «своего круга» и т. д. [1]. Демагогия понимается нами как разновидность манипулятивного воздействия, в арсенале средств воздействия на адресата у демагога имеются различные способы искажения, вуалирования действительности и введения адресата в заблуждение.

Коммуникативное поведение демагога характеризуется целым комплексом отрицательно маркированных признаков – ‘многословность / словоохотливость’, ‘отклонение от темы’, ‘искажение истины’, ‘апелляция к примитивным настроениям адресата’ и многими другими, которые в сочетании с перлокутивной установкой на убеждение формируют особый лингводемагогический феномен.

Демагог как коммуникативная личность имеет в своем распоряжении некорректные полемические приемы, всевозможные разновидности псевдоаргументации, такие виды речевого манипулирования, как двусмысленность, замещение субъекта действия, под-

мена нейтральных понятий эмоционально-оценочными коррелятами, ложная аналогия, тематическое переключение [2], использует неverifiedицируемые «универсальные высказывания», маскировку ассерции под пресуппозицию, приемы «плюрализации», «мультипликации» и «минимизации», коммуникативную манипуляцию лексической многозначностью и т. д. [3. С. 154–165]. Обнаружено также [4], что кроме перечисленного демагог нередко пользуется «пустыми» клишированными фразами, создающими иллюзию взаимопонимания, пропагандистскими лозунгами, модальными операторами возможности и долженствования, позволяющими игнорировать конструктивное обсуждение вопроса. Поскольку популизм признается составной частью демагогии – всякий популизм есть демагогия [5], то можно заметить, что демагогия нередко эксплуатирует морализаторство и популистские лозунги, апеллирующие к морали, вечным ценностям, но препятствующие общему тематическому развитию интеракции. Одним из частотных демагогических приемов в рамках дискредитирующей стратегии является тактика навешивания ярлыков, в качестве которых может использоваться лексика с пропагандистской оценочностью со знаком «минус», прецедентные имена и т. д.

Подчеркнем, что демагогический дискурс в целом характеризуется диалогической неравноправностью, что проявляется в противопоставлении своего, правильного, и чужого, ошибочного, мнения. Подобное противопоставление позволяет демагогу свести коммуникативное взаимодействие к позитивной оценке самого себя и негативной оценке других, что, с одной стороны, является проявлением оппозиции «свой – чужой», а с другой стороны, «работает» на стратегию дискредитации оппонента.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что огромное разнообразие тактик, приемов и средств демагогического коммуникативного поведения не всегда поддается четкой классификации. Очевидно, что демагог не ориентирован на достижение совместной с собеседником коммуникативной цели, практикует некооперативное коммуникативное взаимодействие, демонстрируя установку на игнорирование партнера по коммуникации или установку против него.

Поскольку в обыденном сознании носителей как русского, так и английского языка демагог прежде всего ассоциируется с политическим деятелем, то в качестве эмпирической базы для исследования коммуникативного поведения демагога использовался политический

дискурс. Общеизвестно, что основной функцией политического дискурса является борьба за власть, которая обуславливает одну из базовых характеристик политического дискурса – агональность. Все перечисленные выше признаки и характеристики демагогического поведения накладывают определенный отпечаток на особенности реализации агональной стратегии политического дискурса.

Нами было рассмотрено коммуникативное поведение демагога на примере американского политического дискурса. Наиболее ярким периодом в политической жизни той или иной страны с точки зрения репрезентации в политическом дискурсе лингвистических средств, направленных на манипуляцию сознанием народных масс, на наш взгляд, является период выборов главы государства. Именно этим обусловлен выбор иллюстративного материала – политических дебатов предвыборного периода 2008 года в США. Мы проанализировали три стадии политических дебатов между кандидатами на пост президента – Джона МакКейна и Барака Обамы, а также тексты 27 интервью с их участием. В результате проведенного анализа нами было установлено, что в коммуникативном поведении американского политического демагога наиболее частотно представлены приемы переключения на другую тему и уклонение от ответа. Например, кандидат от республиканцев в вице-президенты на президентских выборах 2008 года Сара Пэйлин в интервью с известной американской тележурналисткой Кэти Курик предпочитает несколько уклониться от конкретного ответа на поставленный вопрос:

К. Курик: *Have you ever been involved in any negotiations, for example, with the Russians?*

С. Пэйлин: *We have trade missions back and forth, we do. It's very important when you consider even national security issues with Russia. As Putin rears his head and comes into the air space of the United States of America, where do they go? It's Alaska. It's just right over the border. It is from Alaska that we send those out to make sure that an eye is being kept on this very powerful nation, Russia, because they are right there, they are right next to our state.*

Очевидно, что «политики, как никто другой, умеют уходить от прямого ответа на вопрос, умеют сказать много и при этом не сказать ничего» [6. С. 60]. С. Пэйлин демонстрирует нарушение постулата релевантности: 1) полностью игнорирует вопрос об Ираке; 2) создает иллюзию «радения за высшие идеалы», используя популистские высказывания обобщающего характера, универсальные стереотипизиру-

ванные фразы о важности распространения демократии, вместо ответа на вопрос, как конкретно Вы будете распространять демократию:

К. Курик: *When President Bush ran for office, he opposed nation-building. But he has spent, as you know, much of his presidency promoting democracy around the world. **What lessons have you learned from Iraq? And how specifically will you try to spread democracy throughout the world?***

С. Пэйлин: *Specifically, **we will make every effort possible to help spread democracy for those who desire freedom, independence, tolerance, respect for equality. That is the whole goal here in fighting terrorism also. It's not just to keep the people safe, but to be able to usher in democratic values and ideals around this, around the world.***

В рассмотренных нами политических текстах весьма частотно использование такого демагогического коммуникативного приема, как интерпретация чужих высказываний в своих целях – прием, именуемый исследователями «стратегия de re» [Булыгина, Шмелев, 1997]. Так, Барак Обама несколько искажает мнение Джона МакКейна, внося свою интерпретацию в его представления об экономической политике страны:

Now, we also have to recognize that this is a final verdict on eight years of failed economic policies promoted by George Bush, supported by Senator McCain, a theory that basically says that we can shred regulations and consumer protections and give more and more to the most, and somehow prosperity will trickle down.

В данных политических дебатах дважды используется стратегия de re: во-первых, **Б. Обама нарочито упрощенно представляет позицию Дж. МакКейна**, акцентируя внимание на том, что Дж. МакКейн поддерживает политику Джорджа Буша, и одновременно игнорируя тот факт, что Дж. МакКейн отнюдь не во всем согласен с экс-президентом. Второй случай использования данного приема в том же высказывании – включение иронии в описание политической позиции оппонента Б. Обамы.

Одним из достаточно часто используемых в речи рассматриваемых нами политиков коммуникативных демагогических приемов является подмена пресуппозиции высказывания ассерцией. При этом следует отметить, что его используют не только сами политики, но и журналисты. Так в одном из интервью с Джоном МакКейном, журналист изначально не подвергает сомнению, что стиль ведения предвыборной кампании изменен:

Журналист: *[Your] campaign today is more disciplined, more traditional, more aggressive. From your point of view, why the change?*

Дж. МакКейн: *I will do as much as we possibly can do to provide as much access to the press as possible.*

Журналист: *But beyond the press, sir, just in terms of...*

Дж. МакКейн: *I think we're running a fine campaign, and this is where we are.*

Журналист: *Do you miss the old way of doing it?*

Следующей по частотности использования является тактика уплотнения социального пространства – как говорящего, так и социального пространства оппонента, с использованием различных видов приема мультипликации. Например, Джон МакКейн использует прием мультипликации для нейтрализации значимости утверждения Б. Обамы. Когда Б. Обама заявляет, что предвидел экономические неурядицы, Дж. МакКейн в ответ утверждает, что и он сам, и многие другие, не указывая, при этом, кто именно, предвидели то же самое:

Б. Обама – *Two years ago, I warned that, because of the subprime lending mess, because of the lax regulation, that we were potentially going to have a problem and tried to stop some of the abuses in mortgages that were taking place at the time.*

Дж. МакКейн – *Sure. But – but let me – let me point out, I also warned about Fannie Mae and Freddie Mac and warned about corporate greed and excess, and CEO pay, and all that. A lot of us saw this train wreck coming.*

Нами также отмечено использование данной тактики коммуникативного поведения Сарой Пэйлин в ее интервью с журналисткой телепрограммы «CBS News» Кэти Курик. На вопрос, одобряет ли она 700-миллиардный план поддержки предприятий, попавших в долги, Сара Пэйлин ответила следующее:

С. Пэйлин: *I'm all about the position that America is in and that we have to look at a \$700 billion bailout. And as Sen. McCain has said unless this nearly trillion dollar bailout is what it may end up to be, unless there are amendments in Paulson's proposal, really I don't believe that Americans are going to support this and we will not support this. The interesting thing in the last couple of days that I have seen is that Americans are waiting to see what John McCain will do on this proposal. They're not waiting to see what Barack Obama is going to do. Is he going to do this and see what way the political wind's blowing? They're waiting to see if John McCain will be able to see these amendments implemented in Paulson's proposal.*

С. Пэйлин открыто дискредитирует Б. Обаму, используя тактику позитивной мультипликации с целью уплотнения социального пространства вокруг себя – пространства поддерживающих ее «всех американцев».

Б. Обама также обращается к приему плюрализации действий и ситуаций, чтобы выделить себя на фоне множества политических деятелей, выступающих за нецелесообразные траты:

*And he's also right that **oftentimes** lobbyists and special interests are the ones that are introducing these kinds of requests, although **that wasn't the case with me.***

Справедливости ради следует заметить, что в использовании данного приема чаще был замечен Дж. МакКейн.

В речи обоих кандидатов на пост президента США достаточно часто наблюдается тактика генерализации, что очень свойственно демагогическому коммуникативному поведению. Так, чтобы не называть конкретных личностей, но вместе с тем обвинить в коррумпированности и некомпетентности политические круги США, данную тактику использует Джон МакКейн:

*And we have **former members of Congress** now residing in federal prison because of the evils of this earmarking and pork-barrel spending.*

Для коммуникативного поведения политического демагога в целом, и для Дж. МакКейна, в частности, характерно использование генерализации с помощью 1) метонимической замены «Вашингтон, Уолл стрит – конкретные политические/экономические деятели»; 2) пассивных форм глагола:

*But somehow **in Washington** today – and I'm afraid **on Wall Street** – greed is rewarded, excess is rewarded, and corruption – or certainly failure to carry out our responsibility is rewarded.*

Таким образом, в результате анализа средств демагогического коммуникативного поведения американских политических деятелей, мы выяснили, что в речи американского политического демагога наиболее частотно используется прием переключения на другую тему (24 % всех случаев употребления демагогических приемов). На втором месте по частотности находится тактика уклонения от ответа (20 % случаев), включающая в себя различные приемы игнорирования вопроса, коммуникативного саботажа и т.д. 18 % всех проанализированных демагогических средств приходится на прием интерпретации воззрений оппонента в соответствии со своими собственными интересами – использование так называемой стратегии de re, в

16 % случаев наблюдается подмена пресуппозитивного компонента высказывания ассерцией, 12 % обнаруженных демагогических приемов принадлежат к тактике уплотнения социального пространства с использованием различных видов мультипликации, прием генерализации использовался в 6 % случаев.

Как мы уже упоминали, в целях демагогического замещения конструктивного обсуждения могут использоваться и другие тактики и приемы, например, «игра на понижение», тактика прямого оскорбления и унижения политического оппонента, угрозы, тактика навешивания ярлыков, однако, в проанализированном материале прямых или эксплицитных конфронтационных стратегий и тактик коммуникативного поведения обнаружено не было, что, скорее всего, объясняется спецификой предвыборной кампании, желанием сохранить «лицо» в глазах избирателей.

Список литературы

1. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : Эдиториал УРСС, 2003. 288 с.
2. Сентенберг, И. В., Карасик, В.И. Псевдоаргументация: некоторые виды речевых манипуляций // Речевое общение и аргументация. СПб. : Экполис и культура, 1993. Вып. 1. С. 30–38.
3. Николаева, Т. М. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1988. С. 154–165.
4. Панченко, Н. Н. Достоверность как коммуникативная категория. Волгоград : Перемена, 2010. 304 с.
5. Баранов, Н. А. Популизм и демагогия // Человек, культура, общество: межвуз. сб. науч. тр. / отв.

List of literature

1. Issers, O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russoj rechi. M. : Jeditorial URSS, 2003. 288 s.
2. Sentenberg, I.V., Karasik, V.I. Psevdoargumentacija: nekotorye vidy rechevyh manipuljacij // Rechevoe obwenie i argumentacija. SPb. : Jekopolis i kul'tura, 1993. Vyp. 1. S. 30–38.
3. Nikolaeva, T.M. Lingvisticheskaja demagogija // Pragmatika i problemy intensional'nosti. M. : In-t jazykoznanija AN SSSR, 1988. S. 154–165.
4. Panchenko, N.N. Dostovernost' kak kommunikativnaja kategorija. Volgograd : Peremena, 2010. 304 s.
5. Baranov, N.A. Populizm i demagogija // Chelovek, kul'tura, obwestvo: mezhvuz. sb. nauch. tr. /

ред. Н.В. Дулина, И.А. Небыков. Волгоград : Волгогр. гос. техн. ун-т, 2005. Вып. 3. С. 100–108.

6. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: монография. Волгоград : Перемена, 2000. 368 с.

otv. red. N.V. Dulina, I.A. Nebykov. Volgograd : Volgogr. gos. tehn. un-t, 2005. Vyp. 3. S. 100–108.

6. Shejgal, E.I. Semiotika političeskogo diskursa: monografija. Volgograd : Peremena, 2000. 368 s.

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

СПОСОБЫ ОБЪЯСНЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

А. Р. Мубориева

Целью данной статьи является выделение и характеристика основных способов объяснения заимствованной лексики во французских научно-популярных текстах экономической тематики. Для достижения поставленной цели автором осуществляется сравнительный анализ научно-популярных и научных экономических статей на французском языке. На основе анализа статей были определены основные способы объяснения заимствований, используемые в научно-популярных статьях на французском языке.

Ключевые слова: заимствование, научно-популярный текст, научный текст, экономическая статья, французская пресса.

Целью данной статьи является охарактеризовать основные способы объяснения заимствованной лексики, используемые авторами французских научно-популярных статей экономической тематики. Выявление данных способов осуществлялось на основе сравнительного анализа научно-популярных и научных статей экономической тематики на французском языке.

Традиционно в лингвистической литературе под **заимствованием** понимается элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, с также сам процесс перехода элементов одного языка в другой [1. С. 158].

Практический анализ материала научно-популярных текстов экономической тематики показал, что одной из характерных черт современной французской прессы является широкое употребление заимствований из различных языков: латинского (*a contrario, a minima, a posteriori, de facto, grosso modo, in abstracto, in extenso, in fine, mea-culpa, optimum, persona non grata, pro forma, sine qua non, statu quo, stricto sensu, tertio*), испанского (*embargo, nodos del trueque*), ан-

гийского (*broker, cash, cash-flow, clearing, dumping, goodwill, holding, joint-venture, lobby, lobbying, marketing, management, manager, off-shore, raider, shareholder, stock, swap, trader*). При этом преобладающая позиция, бесспорно, принадлежит англицизмам, которые служат для обозначения экономических терминов.

Наличие терминологической лексики в научно-популярном тексте, особенно заимствованной из других языков, может создавать определенную трудность в его прочтении и интерпретации для людей несведущих. С целью облегчения восприятия предлагаемого материала автор, ставящий перед собой цель популяризации экономических знаний, использует различные методы и приемы введения и объяснения терминологической лексики. Сравнительный анализ научно-популярных и научных статей экономической тематики показал, что толкование термина можно считать одним из дистинктивных признаков научно-популярного текста (82 % – в научно-популярном тексте, 18 % – в научном тексте), имеющего неразрывную связь с прагматическим фактором массового адресата.

Вследствие этого были выделены следующие способы толкования терминологической лексики в научно-популярном тексте экономической тематики:

1. Дословный перевод заимствования с помощью его французского эквивалента:

Les gérants de fonds dits “trend followers” ou “suiveurs de tendances”, la seconde grande classe de fonds spéculatifs, ont ainsi des modèles très élaborés qui leur permettent de capter les accélérations d’un marché et de s’y positionner dès qu’il commence à dévisser (Le Figaro économie, avril 2006).

Désamorçant une “bombe” qui aurait eu un effet dévastateur sur l’économie coréenne, Hyundai, le premier chaebol (conglomérat) coréen, a annoncé, dimanche 13 août, un plan qui doit lui permettre de remédier à la grave crise de liquidités à laquelle il est confronté (Le Monde, octobre 2006).

2. Использование вставных конструкций с дефинициями термина или пояснениями:

Aux 50 milliards de francs de “cagnotte” (surplus de recettes par rapport au montant prévu dans la loi de finances initiale), qui avaient été évalués et répartis dans la loi des finances rectificative d’avril, devraient s’ajouter, au total, 30 milliards, qui iront à la réduction du déficit (Le Monde, mai 2006).

Pour le lancement du site français d'Amazon, le cyberlibraire américain, roi du cash burning – cette activité typique des sites Internet, qui consiste à “brûler” ses capitaux à toute vitesse pour se bâtir une notoriété sans se soucier des résultats financiers – , devait donner, mardi 29 août, une coûteuse fête à Paris sur onze péniches amarrées quai François-Mauriac, au pied de la bibliothèque François-Mitterand (Le Monde, mars 2006).

Le lendemain matin, à deux pas de là, ils visitent Océanopolis (centre de découverte de la mer, rouvert en mai après des travaux d'agrandissement) et repartent dans la journée (Le Monde, mars 2006).

3. Толкование термина с использованием оборотов *c'est, ce sont, c'est-à-dire*.

La pratique utilisée pour faire passer les profits d'une filiale à l'autre est celle des “prix de transfert”. Ce sont les prix auxquels les différentes entreprises d'un même groupe se vendent des biens et des services (Alternatives Economiques, avril 2006).

Les paradis fiscaux sont également le lieu privilégié du développement des companies d'assurance dites “captives”: ce sont des filiales créées par les multinationales pour assurer tout ou partie de leurs activités (Alternatives Economiques, mai 2007).

A l'époque, dominait ce qu'on appelle “l'aide à la pierre”, c'est-à-dire l'aide directe aux organismes HLM (Alternatives Economiques, septembre 2006).

4. Толкование научного термина общеупотребительными словами:

La prise en charge de la demande de soins – la solvabilisation, dans le jargon des économistes – demeure aujourd'hui partielle (Alternatives Economiques, mai 2007).

Также возможны случаи сочетания различных типов толкования термина. Так, например, следующий пример содержит в себе сразу два типа объяснения термина: дословный перевод заимствования (*le soft-landing*) с помощью его французского эквивалента (*atterrissage en douceur*) с последующим толкованием термина:

Le soft-landing, ou atterrissage en douceur, est cet état de grace par lequel la croissance de l'économie ralentit suffisamment pour que l'inflation soit maîtrisée, sans pour autant plonger dans la recession (Le Monde, août 2006).

Dans le jargon anglo-saxon, qui domine la planète financière, on appelle ces investisseurs les fonds de private-equity ou d'investissement

privé. Leur mode de fonctionnement est finalement assez lisible: ils se voient confier par des assureurs, des caisses de retraite, des épargnants de toutes sortes, d'énormes liquidités (Le Nouvel Economiste, octobre 2007).

5. Объяснение этимологии термина или его значения в той или иной науке:

Les dépôts (de l'anglais department store) – certains, tels que Mitsukoshi, ont une histoire tricentenaire – ont longtemps été le miroir de la prospérité du Japon et du cosmopolitisme de la culture de masse nipponne (Le Monde, janvier 2006).

Comme si, selon une formule qu'affectionnent les économistes, cette politique était frappée par un effet d'"hystérésis" mot par lequel les physiciens désignent un retard dans la réaction d'un phénomène à un autre (Le Monde, mars 2006).

L'action CNP a été introduite au règlement mensuel le 6 octobre 1998, à 22,71 euros pour les particuliers et 23,32 euros pour les investisseurs institutionnels (dits "zinzins") (Le Monde, avril 2007).

Что касается научного текста на экономическую тематику, то и здесь автор прибегает к использованию приемов толкования термина, представляющего потенциальную сложность для потенциального читателя, но гораздо реже (18 %). Одной из основных задач автора научного текста является максимальное облегчение понимания сложных для восприятия реципиентом терминов. Анализ материала выявил, что наиболее частотными способами толкования значения термина в научном тексте являются:

1. Толкование термина с использованием оборотов *c'est, ce sont, c'est-à-dire*:

L'objet de sa recherche est un individu historique, c'est-à-dire "un complexe de relations, présentés dans la réalité historique, que nous réunissons, en vertu de leur signification culturelle en un tout conceptuel" (Fessard P. Lois économiques et progrès scientifiques, octobre 2005, n° 389).

2. Дословный перевод заимствования с помощью его французского эквивалента с последующим толкованием термина:

En effet, la littérature sur les fonctions de demande en bien public local conclut à l'existence du "fly-paper effect" ou "papier collant": l'effet des subventions sur la dépense et les taux serait plus important que l'effet positif du revenu (Cahiers d'économie et sociologie rurales, n° 78, 2006).

Même conduit de manière libre et rigoureuse, celui-ci ne pourrait aboutir à l'éradication de la pluralité des valeurs ou à leur subsumption sous une méta-valeur en raison de ce que Rawls appelle "les difficultés du jugement" (burdens of judgement), c'est-à-dire les limites internes à l'usage de la raison théorique et pratique (Ethique publique, vol, 7 / n° 1, 2005).

На основе анализа материала можно прийти к заключению, что характерной чертой современных как научно-популярных, так и научных текстов является широкое употребление заимствований, особенно англицизмов. В большинстве случаев заимствованная лексика служит в научно-популярном экономическом тексте для обозначения терминологического фонда сферы экономики. Толкование термина можно считать одним из дистинктивных признаков научно-популярного текста (по сравнению с научным текстом), что имеет непосредственное отношение к прагматике данной разновидности текста – ориентации на массовую аудиторию, на широкий круг читателей.

Список литературы

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

List of literature

1. Lingvisticheski jenciklopedicheski slovar' / Pod red. V. N. Jarcevoj. M. : Sov. jenciklopedija, 1990. 685 s.

ИНТЕРТЕКСТ И ЕГО РОЛЬ В ПРОЦЕССАХ ЭВОЛЮЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Н. А. Пелипас

Развитие Казахской поэзии и прозы периода независимости является актуальным в интертекстуальном аспекте в контексте современного интенсивного развития казахской культуры и искусства. Изменение основных поэтических категорий и представлений подразумевает изменение и эстетической системы казахской литературы. Мы даем лишь общее обоснование проблемы новой эстетической парадигмы и роли интертекста в процессе развития поэтического языка в Казахстане.

Ключевые слова: поэзия, эстетическая парадигма, интертекст.

Новейшая казахская поэзия представляет необычную мозаику произведений, исследующих на художественном уровне философские, онтологические и мировоззренческие вопросы. Казахстанские (русскоязычные) поэты стали шире разрабатывать общефилософскую и глобальную проблематику, объективизируя свой выбор соответствующим сложным интертекстуальным «инструментарием». Единая авторская концепция представлена многозначными структурами с креативными образами, оригинальными идеями, психологически емкими персонажами, при этом зачастую со знакомыми реминисценциями и аллюзиями, а иногда и сюжетной линией, свойственной национальной поэзии. Существенные изменения происходят с категориями жанра, стиля, самого художественного метода [Сидихменова Т. И. 2007: 42–43].

Развитие концептуальных и парадигматических трансформаций в казахстанской поэзии с начала девяностых и до сегодняшнего дня связано с коренными изменениями социально-исторической действительности, уникальностью развития языковых процессов межкультурной коммуникации, в активном вовлечении национальной литературы в мировой литературный процесс. В контексте современного интенсивного развития казахской культуры и искусства, развитие казахстанской поэзии и прозы периода независимости представляется особенно актуальным в интертекстуальном аспекте.

Изменение значений основных поэтологических категорий и понятий влечет за собой изменение всей эстетической системы казахстанской, зачастую билингвальной поэзии и прозы [Кузьмина Н.А. 2004: 145].

Среди произведений современных авторов выделяются: «Дарабоз» Жумадилова К., «Мен» Магауина М., «Ай мен Айша» Муртазы Ш., «XX век» Досанова С., «Мертвые бродят в песках» Сейсенбаева Р., «Мамлюк» Турсынова Е., «Смерть Кёкбалака» Асемкулова Т. и многие другие. Учитывая возросшую творческую свободу казахстанских авторов, широко обратившихся к мировым источникам, стремящихся к поиску и нахождению новых «инструментов» письма, построению оригинальных художественных схем (смещение жанров, автоматическое письмо, поток сознания, литературная провокация и т.д.), можно выделить два ведущих направления в процессах эволюции поэтического языка в Республике Казахстан.

Во-первых, национальное литературоведение продолжает работу по преодолению идеологического кризиса, который в силу объективных причин возник на рубеже 80-90 г.г. XX в., соответственно дается оценка поэтическому творчеству всего предшествующего периода, мерилom эстетических ценностей которого является поэзия Абая, позволяющая «познать истину и духовно возвыситься». Данное направление можно обозначить как сохранение национального достояния. Интертекст всего предшествующего периода в целом, можно условно обозначить как текстовую семиотическую культуросферу, характеризующуюся процессами интерпретации и взаимодействия текстов. Перспективы эволюции поэтического языка ученые видят в теории функционирования текстов. Метаязык описания динамических процессов в интертексте позволяет на единой концептуальной основе объяснить закономерности отношения текста со временем и творческим субъектом, механизмы реинтерпретации классических произведений. Вопросы сохранения национального достояния глубоко освещаются в трудах Келимбетова Н., Суиншалиева Х., Кыраубаевой А., Егеубая А. К., Орынбекова М. С. и многих других.

Во-вторых, направление, включающее влияние творчества «великих узников» разных исторических периодов на эволюцию поэтического языка в Казахстане. В частности, можно назвать имена Ф.Достоевского в Семипалатинске, Михаила Бахтина в Кустанае; побывавших в Карлаге, Михаила Зуева-Ордынца, Александра Чижевского, Льва Гумилёва, репрессированного Николая Заболоцкого,

Наума Коржавина и др. Каждый из этих крупных писателей оставил свой след в истории развития литературы и, несомненно, в эволюции поэтического языка казахстанских авторов.

И каждый, своё не доживший лист
Для сердца – родная весть.
Деревя, как люди, не здесь родились,
А жить приходится – здесь.
Наум Коржавин. Осень в Караганде

В современной науке текст обычно рассматривается как частный аспект более широкого явления - дискурса, который определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» и исследуется дисциплиной, именуемой дискурсивным анализом. Именно в дискурсе «возможны наложения одного текста на другой: так, в условиях «текста в тексте» могут появляться ассоциативные комбинации, способные создавать дополнительный смысл, в результате чего возникает семантический эффект интертекстуальности» [Липатов 2003: 56]. Под интертекстуальностью мы понимаем «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизмененных цитат, аллюзий, реминисценций» [Арнольд 1999: 346].

Рассматривая дискурс какого – либо автора, выстраиваются первичные тексты, позволяющие исследовать интертекстуальные линии автора в определенный момент времени. Прекрасно чувствуя живой народный язык, поэты часто удачно вставляют в свою речь пословицы, поговорки, выражения. Например, известный писатель и исследователь поэзии жырау и акынов Мухтар Магауин в предисловии к книге «Поэты Казахстана» отмечает, что удачное использование крылатых выражений, пословиц и поговорок казахского народа, некоторых сюжетов восточных сказок не случайно.. № 283 (26344) 26.10.2010казахстанская правда

Интертекст в данном случае имеет свое внетекстовое, реальное окружение – собственную «интерсреду». Еще М.М. Бахтин придавал чрезвычайно важное значение творческой активности писателя и читателя, выдвигая положение о слове и противослове, ставшее одним из основ научной концепции М. Бахтина, а затем и одним

из интертекстуальных положений. В интертексе создаются оригинальные экспрессивные сочетания слов. Используя терминологию Г.В.Денисовой, большинство интертекстем этой группы можно отнести к стереотипам, которые «составляют неотъемлемую часть ментального лексикона, имплицитное знание, в котором сосредоточена базовая аксиоматика национального языкового сознания, и именно это свойство делает их основным средством создания языковой игры» [Денисова 2003: 72]. Современные поэты и писатели Казахстана склонны к необычной метафоре и живому интертексту: они достаточно часто обращаются к строкам других поэтов, зачастую, с собственной поэтической целью, принижая или возвышая тональность звучания. К сожалению, интертекст не всегда оправдан в поэтическом языке отдельных авторов, когда его звучание становится катастрофически фальшивым, когда превращается в примитивную игру интертекста. Пример, такого использования строк Старченкова Н. поэтом Кудалиным А.

Затоскуй по мне, затоскуй,
Собери меня по куску,
Чтобы жгла тоска до крови.
Да святой водой окропи
Старченков Н.

Затоскуй по мне, затоскуй,
Чтобы выжечь все до крови.
Дай мяса им по куску
Да теньгою их окропи
Кудалин А.

Подобное использование нельзя назвать даже свойством языковой игры. Панорамное исследование основных тенденций развития интертекста и его роли в процессах эволюции поэтического языка в Республике Казахстан в работах ученых только намечается. Наши мысли определяют лишь постановку общеметодологической проблемы новой эстетической парадигмы современной казахстанской художественной литературы и роли интертекста в процессах эволюции поэтического языка в Казахстане.

Список литературы

1. Сидихменова, Т. И. О самом главном - стихами // Мәдениет жаршысы. Вестник культуры. Управление культуры Восточно-Казахстанской области, 2010. № 7. С. 42-43.
2. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб., 1999.
3. Денисова, Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М., 2003.
4. Липатов, А. Т. Интертекст в составе дискурса // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.): Труды и материалы: В 2 т. Казань, 2003. Т. 1. С. 54–58.
5. Кузьмина, Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М., 2004.

List of literature

1. Sidihmenova, T. I. O samom glavnom - stihami // Mәdeniet zharshysy. Vestnik kul'tury. Upravlenie kul'tury Vostochno-Kazahstanskoy oblasti, 2010. № 7. S. 42-43.
2. Arnol'd, I. V. Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'. SPb., 1999.
3. Denisova, G. V. V mire interteksta: jazyk, pamjat', perevod. M., 2003.
4. Lipatov, A. T. Inertekst v sostave diskursa // II Mezhdunarodnye Bodujenovskie chtenija: Kazanskaja lingvisticheskaja shkola: tradicii i sovremennost' (Kazan', 11–13 dekabrya 2003 g.): Trudy i materialy: V 2 t. Kazan', 2003. T. 1. S. 54–58.
5. Kuz'mina, N. A. Intertekst i ego rol' v processah jevoljucii pojeticheskogo jazyka. M., 2004.

**«ДОБРЫЕ» И «ЗЛЫЕ» ПЕРСОНАЖИ В РОМАНАХ ДЕТСКОЙ
АНГЛИЙСКОЙ, РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ФЭНТЕЗИ**

Т. В. Печагина

В статье рассматриваются способы вербализации концептов «добро» и «зло» в детской фэнтези на примере описания положительных и отрицательных персонажей.

Ключевые слова: лингвоконцепт, добро, зло, детская фэнтези.

Лингвоконцепт является одним из средств исследования наивной картины мира. Его изучение позволяет выявить обыденное представление о мире и национальную специфику мировосприятия.

«Концепт понимается как нечто, относящееся к области практической (обыденной) философии и является результатом взаимодействия культурологических факторов, к которым относятся национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей» [3. С. 63]. Этнокультурная отмеченность лингвоконцепта является его отличительным признаком. В центре внимания становится «представление о культуре как о «символической Вселенной» (Кассирер), конкретные проявления которой в каком-то «интервале абстракции» (в сопоставлении с культурой) обязательно этноспецифичны» [2. С. 13].

Н. Д. Арутюнова подчеркивает тот факт, что концепты являются определенным культурным слоем, который служит посредником между человеком и миром [1. С. 3]. В лингвистике концепт всегда связан со значением слова. Так, некоторые исследователи сводят его содержание к семантике языкового знака (Апресян Ю. Д.), считают его представлением о значении определенного слова, «сформированное и хранимое носителями языка» (Иванова С. В.). С. В. Иванова утверждает, что формирование концепта в сознании человека всегда идет неразрывно с социализацией личности. Новые концепты при этом появляются как за счет «обогащения личностного и социального опыта индивида», так и за счет «появления новых концептов в массовом сознании, то есть в социуме» [3. С. 64]. В то же время в концепте отражено то, как общество воспринимает данную действительность. И тогда есть смысл сравнивать один и тот же концепт в

разных социальных и национально-культурных группах. Культурная сторона концепта является основой его понимания и составляющей языковой картины мира. Совокупность концептов – выраженная лексическими единицами картина мира [там же].

«Добро» и «зло» универсальные концепты. В частности они широко представлены в детской литературе, так как часто своей целью она имеет воспитание положительных качеств у ребёнка. Изучая язык детских произведений, можно выявить и некоторые национальные особенности содержания этих концептов. В данной статье мы рассмотрим способы вербализации концептов «добро» и «зло» в детской русской, британской и немецкой фэнтези писателей Марины и Сергея Дяченко («Ключ от королевства» и «Слово Оберона»), Джоаны Роулинг («Гарри Поттер и философский камень» и «Гарри Поттер и тайная комната») и Кая Майера («Ледяное пламя»).

В волшебном мире Дж. Роулинг есть светлые и темные волшебники. Наиболее крайние точки борьбы добра и зла выражаются в противостоянии Альбуса Дамблдора, директора Хогвартса и Лорда Волдеморта, имя которого боятся произносить многие волшебники, называя его *He-Who-Must-Not-Be-Named* (Тот-Кого-Нельзя-Называть), *You-Know-Who* (Вы-Знаете-Кто). Альбус Дамблдор настолько же сильный белый маг, насколько Волдеморт – черный. Их имена являются оппозициями. «*Albus*» в переводе с латинского означает «белый», «*mort*» - смерть. Прилагательные, описывающие их внешность, также представляют оппозицию: *silver – chalk white* (серебряный – мертвенно белый), *bright blue eyes – red glaring eyes* (яркие голубые – красные сверкающие глаза).

Оппозиция добрых и злых персонажей проявляется также в том, какие лексемы выбирает автор, когда говорит об их эмоциях. Так, Дамблдор радостно улыбается ученикам (*beaming at students*), глаза Хагрида улыбаются (*eyes were crinkled in a smile*), миссис Уизли доброжелательно разговаривает с Гарри (*she said kindly*). В то же время у дяди Вернона злобная улыбка (*nasty smile*), Драко презрительно усмехается (*sneer*), у привидения факультета Слизерин Кровавого Барона безучастный пристальный взгляд (*blank staring eyes*). Дж.Роулинг показывает, что не всегда по внешности можно определить, какой человек на самом деле. Положительные персонажи у британской писательницы обычно обладают довольно странной внешностью. Так, например, Рона она описывает как высокого, худого, долговязого мальчика с большими руками, веснушками на лице и

длинным носом (tall, thin, and gangling, with freckles, big hands, and a long nose). Драко Малфой – юный волшебник с бледным лицом (pale face), который умеет контролировать свои эмоции: когда он злиться его щеки лишь слегка розовеют (a pink tingle appeared in his pale cheeks). Отдельно следует сказать о профессоре Снейпе. С самого начала он предстаёт перед читателем как очень неприятная личность даже с точки зрения внешности: жирные черные волосы, нос крючком, болезненная кожа («greasy black hair, hooked nose, and sallow skin»). В конце книги мы узнаём, что он пытался спасти Гарри.

У Марины и Сергея Дяченко людей, обладающих магическими способностями не много. Это маги дороги (Лена Лапина, Ланс, Оберон, Гарольд), некромант (Максимиллиан) и принцы из-за ведьминой печати. Так как в отличие от рассматриваемой английской фэнтези повествование ведется от первого лица, способы характеристики персонажей в данном случае другие. Во-первых, это в основном субъективная точка зрения главного героя Лены Лапиной, которая и является рассказчиком. Попадая в Королевство, она по ряду причин не всегда верно определяет, какой человек – добрый (хороший), а какой – злой (плохой). Лена учится в школе, и авторы показывают ее, как человека, не обладающего достаточно большим опытом, чтобы сразу понять какой человек находится перед ней. Во-вторых, оппозиция концептов «добро» и «зло» пересекается с противопоставлением концептов «свой» и «чужой». Чужой человек, независимо от его личностных качеств изначально воспринимается как враг, зло. Встретив Оберона впервые девочка называет его «незнакомый хмырь», «здоровенный мужик», «дядька». Гарольду в начале романа также дается негативная характеристика. Он «тощий» и «костлявый», часто о его лице говорится, что оно «злое», когда Гарольд злится, глаза его становятся «старческие», «сумасшедшие». Старший маг дороги Ланс «сердитый», «неразговорчивый», смотрит «холодно» и «пристально», «будто не просто умел убивать взглядом, но любил это делать при каждом удобном случае».

Более объективную характеристику персонажей авторы дают через употребление лексем, указывающих на отношение других героев к тому или иному человеку. Не случайно, «каждый!» «проводил глазами» новый посох Лены, Гарольд называет девочку «настоящий друг», а принц говорит, что она не просто «могучий маг», но и «благородный друг».

Маги дороги – представители добра. Их главная задача – защищать королевство. По отношению к магам использованы следующие лексемы: «войны», «спасла», «не боялась», «глаза внушали уважение», «спокойно смотреть в глаза судьбы». Воплощением зла являются некроманты. Максимилиан – единственный некромант, который встречается в романах. Он ассоциируется со всем черным: «одет в черное», лицо «наполовину черное от сажи», хотя его волосы «очень белые». В данном случае можно обнаружить аналогию в употреблении белого цвета по отношению к отрицательным персонажам в британских и русских романах фэнтези. Белый не только символ чистоты и невинности, но и пустоты, бестелесности, символ смерти. По отношению к Максимилиану используются слова с негативной коннотацией: «змееныш», «злобно», «кусаться», «не пожалет», «лютый враг».

Принцев можно отнести к особой категории. В отличие от магов и некромантов, которые являются представителями соответственно добра или зла, принцы встречаются разные. Они могут обладать и не обладать волшебными способностями и также могут быть добрыми и злыми. Принц-чума – наиболее злобный. Его имя говорит само за себя. С ним связаны «смерть», «трупная вонь», «мучения». Внешне он похож на больного человека – «лихорадочный румянец», глаза «мутновато-зеркальные».

Роман немецкого писателя Кая Майера отличается небольшим количеством персонажей и ограниченностью места действия. Кроме того, главная героиня Маус не волшебница. Всех главных персонажей – магических и не магических – можно разделить на сторонников добра и зла. Так, к добрым персонажам относятся Маус, ее друг Кукушка, волшебница Тамзин и члены ее семьи (о которых упоминается совсем немного), Эрлен. Среди отрицательных персонажей – Макс и другие мальчики, служащие в отеле (о последних мы знаем также достаточно мало), Снежная Королева, полицейский отеля. К отрицательным персонажам в описании часто применяются лексемы, имеющие сему «большой» или «огромный». Снежная королева необычайно высокая («*ungemein gross*»), Максим - **самый старший из лифтёров** («*der alteste*»), полицейский отеля был таким большим, что его плечи казались Маус шириной с коридор («*Shultern... so breit wie der Korridor*»), а руки огромные как лопаты («*Hande waren wie Schaufeln*»).

В романе показана борьба двух волшебниц – Снежной Королевы и Тамзин Шпельвел. В скандинавском фольклоре встречается об-

раз Ледяной Девы, который был использован Г.Х.Андерсоном в его сказке «Снежная Королева». В рассматриваемом романе Кай Майер не изменил образ этого отрицательного персонажа. Снежная королева – владычица северных земель. С ней ассоциируется белый цвет: у нее белое платье («weiß Kleid»), белоснежные волосы («weißblondes Haar»), очень светлая кожа («ihr Haut war so hell»). Уже в ее имени есть слово «Schnee» (снег) – лексема, связанная с белым цветом, холодом. Снег на протяжении всего романа играет немаловажную роль. Это одна из ключевых лексических единиц, вербализирующих концепт «зло». Действие происходит зимой, снег идет постоянно, Маус, попадая на улицу, пробирается сквозь снежную метель, чтобы попасть обратно в отель. Вторая волшебница – Тамзин. В семантике ее имени нет корней с положительной или отрицательной коннотацией. В фамилии Шпельвел (Spellwell) легко выделяется английское слово «spell», что означает заклинание. Тамзин необычная девушка, что сразу бросается в глаза. Ее внешний вид впечатляет Маус. На ней нелепый цилиндр («alberne Zylinder»), яркокрасное пальто («zinnberfarbener Mantel»), у нее пестрая шаль («farbenfroher Schal») и разноцветный зонтик («regengebunnt Regenschirm»). Такое количество цветного и особенно красного (теплый цвет) в одежде волшебницы явно использовано для создания контраста с образом Снежной Королевы. Таким образом, в анализируемом немецком романе оппозиция белый – цветной выступает как вербализация противопоставления концептов «добро» и «зло».

На противопоставлении основаны характеры двух героинь: Тамзин открытая («offen»), честная («ehrglich»), дружелюбная («freundlich»). Снежная Королева грубо разговаривает с Маус («barschen Worter»), в романе ее не раз называют тираном («Tyrannin»), она покорила себе северный народ («zwingen»).

Итак, можно отметить, что способы реализации концептов «добро» и «зло» в британской, русской и немецкой фэнтези разные. В отличие от других авторов Дж.Роулинг уделяет большее внимание мимике и жестам персонажей, М. и С. Дяченко характеризуют персонажей по поступкам или глазами других героев, Кай Майер достаточно подробно описывает внешность. В то же время, общечеловеческие ценности такие, как, например, доброта, дружба остаются во всех романах наиболее важными.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Введение //Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
2. Воркачев, С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М., 2007.
3. Иванова, С. В. Культурологический аспект языковых единиц. Уфа, 2002.

List of literature

1. Arutjunova, N. D. Vvedenie //Logicheskij analiz jazyka. Mental'nye dejstvija. M., 1993.
2. Vorkachev, S.G. Ljubov' kak linggvokul'turnyj koncept. M., 2007.
3. Ivanova, S.V. Kul'turologicheskij aspekt jazykovyh edinic. Ufa, 2002.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

М. В. Цикало

Статья показывает важность и значимость пунктуации в акте коммуникации между автором и читателем. Несмотря на то, что существуют правила использования знаков препинания в определенных ситуациях, читатель продолжает полагаться на свою интуицию и допускает ошибки.

Ключевые слова: знаки препинания, акт коммуникации, понимание и интерпретацию, правила расстановки знаков препинания, мировосприятие.

Под пунктуацией (от латинского *punctum* – точка) подразумевают систему знаков препинания в письменности какого-либо языка, служащих для обозначения ритмики и мелодики фразы, а также правила их постановки в письменной речи.

Пунктуация как система складывалась не одно столетие. История развития и формирования пунктуационной системы свидетельствует о том, что принципы пунктуации и, как следствие, правила и нормы пунктуационного оформления текста неоднократно менялись, менялись и функции знаков препинания.

Особое внимание ученых привлекает знак как единица коммуникации, влияющие на понимание и интерпретацию текста. Не вызывает сомнений тот факт, что знаки препинания являются важным текстообразующим средством. Знаки препинания имеют большое значение для реципиента, поскольку они обладают мощным интерпретационным потенциалом.

Многие ученые подчеркивают важность и значительность пунктуации в акте коммуникации между автором и читателем.

Так, по мнению Г. Кэри, слишком малое количество знаков препинания (что сейчас модно) накладывает на читателя большую часть бремени интерпретации, а иногда оставляет много неясностей и неточностей. Он сравнивает знаки препинания с дорожными знаками, которые делают движение по дорогам безопасным и максимально эффективным [1. С. 83].

По справедливому мнению Г. Граник, «знаки препинания дают возможность сказать в письменной речи гораздо больше, чем можно записать буквами. Знаки, как и слова, говорят, и мы их читаем вместе со словами. А иногда ... даже вместо слов» [2. С. 7].

Вопросами английской пунктуации в разное время занимались как русские, так и иностранные филологи. Эта проблема интересовала в частности Л. У. Арапиеву, И. В. Арнольд, О. В. Александрову, Л. Л. Баранову, А. М. Пешковского, Э. Гауэрза, Г. У. и Ф. Г. Фаулеров, Скелтона. Несмотря на то, что появление пунктуации восходит ещё к древним временам (она стала неотъемлемой частью письменной речи), учёные-англисты до сих пор расходятся во мнении относительно применения таких знаков препинания как тире, точка с запятой, двоеточие. И даже такой распространенный знак как запятая до настоящего момента вызывает многочисленные споры среди лингвистов.

В английском языке используются практически те же самые знаки препинания, что и в русском: точка, запятая, точка с запятой, тире, апостроф, скобки, многоточие, вопросительный и восклицательный знаки, дефис. В обоих языках расстановка знаков препинания в тексте регулируется определенными правилами, но при этом следует помнить, что часто правила допускают использование в одной и той же ситуации различных знаков препинания. Другими словами, хорошая пунктуация - это умение сделать правильный выбор в нужном месте, чтобы читатель мог наилучшим образом понять намерения автора текста [3. С. 94].

К основным случаям употребления знаков препинания в английском языке следует отнести:

(1). Предложения, выражающие просьбу, заканчиваются как правило точкой, даже если они стоят в вопросительной форме: Will you send me your latest article. May I take it.

(2). Косвенный вопрос заканчивается точкой, а не вопросительным знаком: Do you mind if I come a little later.

(3). Запятой отделяются:

1) обстоятельственные придаточные предложения, если они стоят в начале предложения перед главным. Если придаточное следует за главным, то оно запятой не отделяется. When it was convenient for him, he went to the office;

2) причастные и абсолютные обороты, стоящие в начале предложения. The rain having stopped, we went for a walk. A doctor, called to the scene, examined the injured man;

3) вводные инфинитивные конструкции. To be successful, one must **work hard**. Если **инфинитивная конструкция выполняет функцию** подлежащего, то она запятой не отделяется – To become a doctor was his dream;

4) все вводные слова, обороты, словосочетания и придаточные предложения:

а) слова типа however, moreover, therefore, besides, consequently, so to speak, in short, of course, as a result, we suppose, I think, as for as she is concerned: Someone, I suppose, should check the papers. Naturally, that is not the whole story;

б) вводные обороты, прерывающие логическую последовательность изложения – He disliked, **and I agree with him, his manner of presentation** the problem. To put it mildly, he has been impolite [4. С. 265];

в) слово also, если оно стоит в начале предложения для усиления – Also, we noticed that the prices were going up;

5) вступительные слова и выражения типа **yes, indeed, really, surely, well** – Yes, I would like to say a few words on the problem. Well, the next thing we knew he had fired a shot [3. С. 94];

6) описательные определительные придаточные, которые могут быть опущены без ущерба для смысла предложения, в отличие от ограничивающих определительных придаточных, которые опущены быть не могут (последние запятой не отделяются) – The girl who lives next door came to work to our office, ср. Mary Jones, who lives next door, came to see us. The book (that) you gave me to read was very useful to me, ср. Pygmalion, the play written by B. Shaw, has been staged by many theatres [3. С. 94];

7) обращения – Henry, fetch another chair, please I am sorry, Mr. White, that I must interrupt you;

8) конструкции-приложения – **Thomas, our manager, is ill**. Приложения, тесно связанные с определяемым словом и образующие единое словосочетание, запятой не отделяются – My cousin Bob; Mary Queen of Scots. His friend Bill;

9) ряд однородных определений – She bought eggs, butter, cheese (,) and coffee. I spent that evening watching TV, drinking beer, and talking about the meaning of life [4. С. 267].

10) части сложносочиненных предложений, соединенных одним из сочинительных союзов and, but, for, or, nor, while (в значении but) – I dictated the letter, but she didn't put it down correctly.

11) слова, выражающие противопоставления – I asked you to fill the document, not to destroy it.

12) прямая речь – He asked, “How long will it take you?”;

13) вопросная часть разделительных вопросов – He was right, wasn't he?;

14) обозначения даты и месяца отделяются запятой от обозначения места и года – April 8, 1872; Moscow, July 12, 1972;

15) звания, стоящие после имени собственного – Adams, Ph. D;

16) в четырехзначных и более числительных запятой отделяются числительные после тысячи– 1,767; 2,565,727;

17) номера страниц, два одинаковых слова или два или более чисел, выраженных цифровыми последовательностями и стоящих рядом – Lucy told you, you should stay here; Since 1988, 12,000 new machines have been sold.

(4) Запятой не отделяются:

а) слова в городских адресах, при обозначении страниц, года: page 15; in the year 1986; 115 Oxford Street;

б) ограничивающие определительные и относительные придаточные, а также дополнительные придаточные – He knows that you will be late. The book you gave me was very useful.

(5) Точка с запятой используется главным образом в официальной письменной речи, в которой много очень длинных и синтаксически сложных предложений; в обыденной переписке не рекомендуется использовать точку с запятой слишком часто.

(6) Двоеточие, как и в русском языке, употребляется перед перечислением, разъяснением и в приветствиях в деловой переписке. Если после двоеточия следует полное предложение, то первое слово такого предложения пишется с заглавной буквы: **These are your duties:** Sort the mail, open all that is not personal, throw away the envelopes, and bring the letters to me.

Несмотря на то, что уже существуют определенные правила расстановки знаков препинания в английском языке (рассмотренные выше), многие все еще испытывают затруднения и допускают многочисленные ошибки.

Существует несколько причин, вызывающих проблемы с пунктуацией в английском языке: 1) наличие двух подходов к грамматике: рекомендательный и описательный; 2) нет четких правил, носящих универсальный характер, которые бы создавали осмысленные рамки пунктуации.

Таким образом, свободой пользования языком и обуславливается такое количество ошибок. В этом случае люди часто начинают полагаться на интуицию, что, конечно же, не всегда приводит к желаемому результату. Вследствие всего этого возникают очень неожиданные варианты употребления знаков препинания.

Но, с другой стороны, английская пунктуация – понятие строго регламентированное и в то же время творческое. Нужно помнить, что для каждой ситуации может быть совершенно другое мировосприятие, отображенное иным расположением знаков препинания [5. С. 26].

Список литературы

1. Carey, G. V. Mind the Stop: a brief guide to punctuation with a note on proof-correction, Cambridge University Press, 1939.
2. Граник, Г. Г., Бондаренко, С. М. Секреты пунктуации: книга для учащихся. М. : Просвещение, 1986.
3. Кутузов, Л. Ф. Практическая грамматика английского языка. М. : Вече, 1998.
4. Васильев, А. В. Английский: правила произношения и чтения, грамматика, разговорный язык URL : http://www.alleng.ru/texts/mybook/2500/TOP_1-2500.htm
5. Линн, Трасс. Казнить нельзя помиловать. Бескомпромиссный подход к пунктуации / Перевод с английского Н. Шаховой. М. : Р. Валент, 2006.

List of literature

1. Carey, G. V. Mind the Stop: a brief guide to punctuation with a note on proof-correction, Cambridge University Press, 1939.
2. Granik, G. G., Bondarenko, S. M. Sekrety punktuacii: kniga dlja uchawihsjaja. M. : Prosvewenie, 1986.
3. Kutuzov, L. F. Prakticheskaja grammatika anglijskogo jazyka. M. : Veche, 1998.
4. Vasil'ev, A. V. Anglijskij: pravila proiznoshenija i chtenija, grammatika, razgovornyj jazyk URL : http://www.alleng.ru/texts/mybook/2500/TOP_1-2500.htm
5. Linn, Trass. Kaznit' nel'zja pomilovat'. Beskompromisnyj podhod k punktuacii / Perevod s anglijskogo N. Shahovoj. M. : R. Valent, 2006.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА В. НАБОКОВА В ШКОЛЕ

М. М. Идрисова

В статье говорится об особенностях изучения и преподавания произведений В. Набокова в школе. Его творчество занимает особое место в истории русской и мировой литературы, без знакомства с которым невозможно понять и оценить литературный процесс прошлого столетия.

Ключевые слова: творчество, автор, образ, художественный мир.

Полное возвращение на родину В. Набокова возможно лишь тогда, когда молодое поколение россиян откроет для себя его личность и творчество. В этом немаловажная роль отводится школьному изучению набоковского наследия. В истории русской литературы XX века В. Набоков занимает особое место. Его писательская биография, начавшаяся на исходе серебряного века русской поэзии, охватывает почти все хронологические этапы литературы XX века до 70-х годов. Кроме того В. Набоков - один из самых эстетически востребованных писателей, чье творчество причастно к истории сразу двух национальных культур – русской и американской. Его русскоязычные и англоязычные произведения являются подлинными литературными шедеврами. Блистательный, особенный русский «неразоренный вульгаризмами, отгороженный от стихии улицы, кристальный, усадебный» [Нянковский М., Леденев А. 1996: 58] становится еще одним веским аргументом в пользу изучения творчества В. Набокова в школе.

Методические пособия предлагают различные варианты изучения его творчества. В программе А. Г. Кутузова изучение творчества В. Набокова возможно в выпускном классе. Оно рассматривается в обзорной лекции по литературе русского зарубежья, где помимо него представлены другие авторы. Ученикам также предлагается самостоятельное прочтение романа «Защита Лужина». Программа Т. Ф. Курдюмовой предлагает лишь самостоятельное прочтение в

одинадцатом классе рассказа В. Набокова «Облако, озеро, башня». По мнению М. Б. Ладыгиной знакомство с творчеством писателя нужно начать в девятом классе. Для этого ученикам советуется самостоятельно прочитать роман «Приглашение на казнь». Продолжение знакомства с творчеством писателя должно быть продолжено в одинадцатом классе, где учащимся предлагается самостоятельно ознакомиться с другим русскоязычным романом В. Набокова «Защита Лужина».

С точки зрения изучения творчества В. В. Набокова представляют наибольший интерес методические рекомендации учителя словесника г. Ярославля Лимоновой Е. Ф. Она считает, что в школу В. Набоков «должен прийти» в пятом классе. Изучение его творчества, по ее мнению, должно идти по пути «поэтапного выявления его дара, художественно-чувственного переживания мира» [Лимонова Е. 2002: 25]. А знакомство нужно начать с его поэтических произведений, в дальнейшем подвергнуть пристальному изучению произведения малого жанра – рассказы. В выпускных классах она предлагает уделить пристальное внимание личности писателя, его основным произведениям русского периода. Действительно, наиболее полное изучение жизни и творчества В. Набокова возможно в выпускном классе. Ведь к этому времени школьники имеют представление о русской классической литературе, знакомятся с литературой Серебряного века и способны воспринять многослойный, многомерный, расцветенный всеми цветами радуги мир набоковских произведений.

Школьное изучение творчества молодого Набокова, его русского наследия, позволит в будущем наиболее полно, осознанно оценить художественную прелесть его англоязычных произведений, особенно «Лолиты», «Бледного огня», «Посмотри на арлекинов», «Ады», блестящих лекций по русской и западной литературе, модернистского перевода «Евгения Онегина».

Учитель-словесник при этом должен быть вдумчивым, подготовленным проводником, способным помочь школьникам проследить авторскую мысль, определить и оценить все особенности набоковской поэтики. Основным типом уроков должна стать проблемная лекция с анализом отдельных фрагментов художественного текста. Также должна быть организована индивидуальная работа с наиболее восприимчивыми школьниками. Наиболее пристальное внимание должно быть уделено изучению образной системы набоковских

произведений. В центре этой системы находится особенный главный герой, «непохожий на других, талантливый, наделенный поэтическим восприятием мира, уникальностью зрения и слуха». Это и Ганин из первого романа «Машенька», и Федор Константинович Годунов-Чердынцев из романа «Дар», и гениальный шахматист из «Защиты Лужина», и Цинциннат из «Приглашения на казнь». Они все разные, но у них много общего: закрытость, непрозрачность для других, «власть памяти и дар творчества, едва осознанный, ослепительно сияющий и обрекающий на казнь, которую художник отделяет сам себе» [Ерофеев В. 1988: 53]. Любимые герои Набокова – те, в ком чувствуется искра Божья, есть какой-нибудь талант, например, Федор Константинович Годунов-Чердынцев, герой романа «Дар». При знакомстве с реальностью в набоковских произведениях нужно помнить, что художественный мир романов В. Набокова представляет собой причудливую смесь миров воспоминаний, воображения, повседневной жизни, которые переплетены настолько, что возникает ощущение дезорганизованности реальности вокруг героев. Нередко эти миры противопоставляются друг другу. Связующим звеном, точкой соприкосновения становится мир «очеловеченных вещей» [Набоков В. 2000: 233]. В каждом произведении эта многослойная действительность проходит еще через субъективное восприятие главного героя, несет на себя отпечаток его памяти, воображения.

Для тщательного анализа и близкого знакомства, предлагаем первый роман В. Набокова «Машенька». При его изучении необходимо обратить внимание на своеобразие сюжета и композиции, выделить и проследить в художественной ткани мотив воспоминания как основу мироздания романа, проанализировать систему персонажей, выделив сюжетообразующие – Ганина и Машеньку.

Подробнее следует остановиться на некоторых художественных особенностях романа. В название вынесено имя главной героини. В ней и заключена основная интрига романа. Он состоит из 17 глав. В главах события реальной жизни переплетаются с воспоминаниями. Фабула – период с 1915 по 1919. Сюжет – развивается по психологии памяти. Роман строится вокруг главного героя – Ганина. Здесь двухмерная реальность: прошлое главного героя (мир воспоминаний) и настоящее (берлинское) существование. Действие происходит весной, в Берлине, в русском пансионе. Все события четко делятся по дням недели – со вторника по субботу, всего пять

дней. Время здесь становится эфемерным. В этом «настоящем» у персонажей есть богатое прошлое, но шаткое настоящее и более чем призрачное будущее. Эта скучная жизнь чудесным образом оживает благодаря миру воспоминаний, спрятанному в закоулках памяти главного героя. Он согревает и узором проходит через берлинские будни. Неожиданный переход из одного измерения в другой раскрывает чудесный роман, случившийся в жизни Ганина много лет назад. Эта история длилась три года. Однажды летом в шестнадцать лет он влюбляется в Машеньку, в соседку по усадьбе. В мире воспоминаний воплощением счастья, смысловым центром становится Машенька. Оказавшись там, Ганин заново проживает за несколько берлинских дней этот чудеснейший роман. Любовь Ганина дарит особенный образ Машеньки - девушки с нежной смуглой кожей, с румянцем темной щеки, с каштановой косой в черном банте, с татарскими глазами, с тонким изгибом ноздри, который подрагивал от смеха. Больше всего запомнились Ганину ее прелестная картавость, запах её тела, «сладковатый запах малины смешанный с запахом осеннего леса» [Набоков В. 1990: т.1, 120]. Простота образа подчеркнута именем, таким непритязательным, но емким, полным тайного смысла. Ведь Машенька, Маша, Мария – это такое близкое родное, которое невозможно объяснить, но у каждого есть такая Машенька. «Имя героини приобретает значение милой простоты, теплой естественности, трогательной нежности». В романе «Машенька» не все персонажи обладают собственным голосом, могут выражать свои мысли. Нередко сказанное слово или молчание оказываются выражением способа существования. В годы гражданской войны, Ганин получает от нее письма из Полтавы, которые бережно хранит. Эти письма в романе переданы как ее обращенный монолог с «острым ощущением собеседника» [Волков И. 1995: 115]. Они полны живости, эмоций, огня, жизни. Прочитав их, Ганин заново переживает все и «её образ, внезапно осветивший невеселое существование возрождает его к новой жизни» [Носик Б. 1995: 180].

Среди проблем, освещаемых в романе, мы предлагаем уделить особое внимание, таким как освещение человеческой судьбы и взаимоотношений между людьми, игра памяти, темы любви, Родины, счастья. Следует отметить, что роман достаточно легко и интересно читается, имеет небольшой объем.

Список литературы

1. Волков, И. Теория литературы.. Москва : Просвещение, 1995.
2. Долинин, А. Две заметки о романе «Дар». М. : Звезда, 1992. С. 113-120.
3. Ерофеев, В. Русский метароман В. Набокова // Вопросы литературы, 1988. С 50-56.
4. Лимонова, Е. О мире и даре Владимира Набокова : изучение творчества Владимира Набокова в школе. Ярославль, 2002.
5. Набоков, В. Собрание сочинений в 4 т. Москва : Правда. 1990.
6. Набоков, В. Pro et contra. Санкт-Петербург, 2000. Т. 1.
7. Носик, Б. Мир и дар Набокова. Первая русская биография Набокова. М., 1995.
8. Нянковский, М., Леденев, А. Из истории русской литературы XX в. Ярославль, 1996.

List of literature

1. Volkov, I. Teorija literatury.. Moskva : Prosvevlenie, 1995.
2. Dolinin, A. Dve zametki o romane «Dar». M. : Zvezda, 1992. S. 113-120.
3. Erofeev, V. Russkij metaroman V. Nabokova // Voprosy literatury, 1988. S 50-56.
4. Limonova, E. O mire i dare Vladimira Nabokova : izuchenie tvorcestva Vladimira Nabokova v shkole. Jaroslavl', 2002.
5. Nabokov, V. Sobraie sochinenij v 4 t. Moskva : Pravda. 1990.
6. Nabokov, V. Pro et contra. Sankt-Peterburg, 2000. T. 1.
7. Nosik, B. Mir i dar Nabokova. Pervaja russkaja biografija Nabokova. M., 1995.
8. Njankovskij, M., Ledenev, A. Iz istorii ruskoj literatury HH v. Jaroslavl', 1996.

ABSRTACTS

Danyushina Y.V. Strategy of Linguistic Support for Business and Corporate Verbal Communicarive Capital (Assets).

The paper initiates developing the concept of linguistic and communicative effectiveness and safety of business in the global market in terms of global competition, competitive intelligence and competitive battles. The author proposes a typology of the argumentative-manipulative speech technologies used by Western corporations, and establishes the concept of “verbal-communicative capital / asset of the company».

Keywords: applied linguistics, business, technology argumentative-manipulative speech technologies, verbal impact.

Denisenko N.V. Approaches to Phraseological Unit Study.

The article gives the information about the methods that reveal the traditional originality of phraseological units and the features of the national mentality functioning as linguistic thinking.

Keywords: cultural value, method, phraseological unit, mentality, the world picture.

Egorova I.Y. Specifics of Author’s and Reader’s Projection in Interpretation of Advertising Internet-Texts.

The article is devoted to the actual and interesting problem of comparison of advertising text addresser’s and addressee’s images in Internet-communication.

Keywords: author’s projection, reader’s projection, advertising Internet-text.

Elistratova K.A. Dialogue of Cultures as a Language Strategy of Coding the Information in Poetic Discourse by Vera Polozkova.

In the present article functioning of cultural phenomena, cultural signs in Vera Polozkova author's poetic discourse are considered. Proper names, elements speaking another language and other case phenomena are carried to that. Kinds of case phenomena of culture in a poetic discourse of Belief are classified by Vera Polozkova on their source. Elements of «energetically strong macrottexts» become conceptually significant phenomenon of individual style of the poet.

Keywords: a cultural phenomenon, a poetic discourse, a case phenomenon, dialogue of cultures, the language personality.

Idrisova M.M. V. Nabokov's Work Study in School.

The article said about the features of learning and teaching the works of Nabokov in the school. His work occupies a special place in the history of Russian and world literature, without acquaintance with which it is impossible to understand and appreciate the literary process of the last century.

Keywords: art, author, image, fiction world.

Kanalash O.P. Language and National World Picture as a Component of Linguistic Research.

In the article the linguistic world picture is considered as complex of world's notions formed in ordinary consciousness of language community and reflected in the language, national world picture as a part of national world outlook representing systematized view of national community in diachrony.

Keywords: language community, consciousness, world outlook, national world picture, the linguistic world picture

Kulazhenko A.V. Precedent Phenomena from the Position of Cognitive Linguistics and Linguistic Culturology.

The case phenomena from the positions of cognitive linguistics and lingo-culture are considered in the article. The cultural importance of the information transmitted by case phenomena promotes their research in lingo-cultural aspect. It is possible to characterize the case phenomena as units which demand judgment at the level of language, consciousnesses and culture.

Keywords: a case phenomenon, culture, linguistics, cultural space, consciousness.

Kudryavtseva A.A. Complicated Appellative Units (on the Material of Antroponymes Transformed into Notional Names).

The article is devoted to the complicated appellative names. It discusses appellative names contain at itself determinative or epithet.

Keywords: apellyativizatsiya, pronominatiya, proper name, appellative name, determinative, the epithet.

Muborieva A.R. Ways of Explanation of Borrowings in the French Scientific Popular Economic Texts.

The objective of this article is to determine and characterize the main ways of explaining English adoptions in French popularization texts on economics. To obtain this aim the author makes the comparative analysis of French popularization and scientific articles. Having studied a number of economic articles, the author defines the main ways to explain English adoptions used in French popularization articles.

Keywords: adoption, popularization text, scientific text, economic article, French press.

Olkhovskaya A.I. Lexical Polysemy in the Aspect of Dictionary Lexicology.

In this article we cultivate the basis of conception of lexical polysemy in dictionary aspect, discuss the ideas and opposition which are important for lexicographical practice of presentation of polysemy and offer some recommendations of the rational presentation of polysemantic words in an explanatory dictionary.

Keywords: polysemy, semantic structure of word, epigrammatic word-family, shade of significance, status of lexicosemantic variants, metaphoric transfer, metonymical displacement, semantic compression of polysemantic words.

Panchenko N.N., Epishina Y.V. Strategies and Tactics of Communicative Behaviour of an American Political Demagogue.

The article is devoted to the communicative behavior of demagogue in political discourse. We describe means and technique of demagogic communication, analyze strategies and tactics used by American politicians.

Keywords: demagogue, political discourse, strategy, tactics.

Pelipas N.A. Intertext and Its Role in Processes of Evolution of Poetic Language in the Republic of Kazakhstan.

The development of Kazakh poetry and prose of the period of independence is actual in the intertextual aspect in the context of modern intensive development of Kazakh culture and art. The change of main poetical categories and conceptions implies the alteration of aesthetic system of Kazakh literature. We identify only the general statement of new aesthetic paradigm problem and the role of intertext in the process of evolution of poetical language in Kazakhstan.

Keywords: poetry, aesthetic paradigm, intertext.

Pechagina T.V. “Good” and “Evil” Personages in the Novels of Children’s English, Russian and German Fantasy.

The article deals with the concepts “good” and “evil” and ways of their verbalization in fantasy literature for children. Negative and positive characters are taken into consideration.

Keywords: concept, good, evil, fantasy for children.

Shiryaeva O.S. Description of Personal Characteristics by Combination with the Word Soul in Fiction Text.

The article presents the linguistic units used to describe the personal qualities of a person in conjunction with the word soul. The theoretical material is illustrated with examples.

Keywords: linguistic units, qualities of character, soul.

Sverchkova A.V. Story “Pilgram” by V.Nabokov: Experience of Stylistic Analyses.

By the example of the story “Pilgram” the author of the article analyzes style of V. Nabokov, establishes its dominant and defines the role of the last in forming the writer’s perception of human existence.

Keywords: style, style-forming principle, antytety, principle of metamorphose, nature of style.

Tuguzbaeva O.V. Cultural Component of Bashkortostan Toponymy (by the Example of Birsk).

The author of the article observes the influence of the culture on the naming units’ origin. The material contains the examples of placenames in the town of Birsk of the Republic of Bashkortostan. The toponyms differ in their structure and naming principles. They reflect the national and cultural peculiarities and also human values.

Keywords: toponymy, microtoponymy, national cultural peculiarities of Birsk, 14 groups of microtoponyms.

Tsikalo M.V. Usage of Punctuation Marks in the English Language.

The article presents the importance and meaningfulness of punctuation in the course of communication between an author and a reader. Though

there are some rules of the usage of punctuation in the definite situations, the reader relies on his intuition and makes some mistakes.

Keywords: punctuation marks, a course of communication, understanding and interpretation, rules of the usage of punctuation, perception of the world.

Zelepugo D.V. Concept Time in Fiction World Picture of V.Rasputin.

In the article attention is paid to the question of time examination in the V. Rasputin's stories. The concept "time" is told by the use of temporal vocabulary and verb forms. The author gives some ways of "time" concept verbalization by example of temporal pieces selection and by their nomination, analyzes verb forms and reveals their conceptual content. It is emphasized in the article that the word in the work of art is the sign of transcendent meaning and acquires the status of concept.

Keywords: temporal vocabulary, concept, pies of world, text of art.

Zolotych (Shevchenko) T.Y. Rules of Speech Organization in Polylogue Communication.

The present theoretical article is intended as a manual for the teachers and students who're interested in any foreign language in high education. Its purpose is to introduce both to the main issues of foreign communication, problems of teaching communication's polylogue. The description of this very kind of communication is given. Different rules and norms of speech organization are analyzed, the term 'polylogue' is considered from different points of view and the components of communicative competence are pointed out in this article.

Keywords: polylogue communication, polylogue, communicative competence, cross-cultural communication.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Данюшина Юлия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Государственного университета управления (Москва).
Москва, Рязанский просп., 99.
juliadaniushina@mail.ru

Денисенко Наталья Валентиновна – преподаватель Костанайского филиала Челябинского государственного университета.
110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.
Natawenka.87@mail.ru

Егорова Инна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Волжского института экономики, педагогики и права.
404111, Волжский, ул. Советская, 6.
inna_yegorova@hotmail.com

Елистратова Ксения Александровна – студентка 5 курса филологического факультета Череповецкого государственного университета.
162600, Череповец, пр-т Луначарского, д. 5, г.
xenos88@mail.ru

Епишина Юлия Владимировна – ассистент кафедры германских и романских языков Волгоградского государственного педагогического университета.
400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.
july4_88@mail.ru

Зеленуго Дарья Викторовна – преподаватель кафедры языков Белорусской государственной академии музыки.
220030, Респ. Беларусь, Минск, ул. Интернациональная, 30.
dashaperfect@tut.by

Золотых (Шевченко) Татьяна Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков.
shefdtj@rambler.ru

Идрисова Максалина Магомедовна – кандидат филологических наук, преподаватель Дагестанского государственного университета.
367000, Махачкала, ул. Гаджиева, д. 43-а
sirin123@mail.ru, idrisov123@mail.ru

Каналаш Оксана Петровна – Преподаватель Костанайского филиала Челябинского государственного университета.
110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.
oksana_kanalash@mail.ru

Кулаженко Алеся Владимировна – преподаватель кафедры филологии Костанайского филиала Челябинского государственного университета.
110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.
alessia_kykla@mail.ru

Кудрявцева Анна Аркадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания Волгоградского государственного педагогического университета.
400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.
a_kudriavtseva@mail.ru

Мубориева Альбина Рафиковна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Астраханского государственного университета.
414056, Астрахань, ул. Татищева, 20-а.
albinamuborieva@mail.ru

Ольховская Александра Игоревна – аспирантка первого года обучения Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6.
aleksandra_olhovskaya@mail.ru

Панченко Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания Волгоградского государственного педагогического университета.

400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.
panchnn@yandex.ru

Пелипас Наталья Анатольевна - ст. преподаватель Костанайского филиала Челябинского государственного университета.
110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.
pelipas-n@mail.ru

Печагина Татьяна Владимировна – аспирантка кафедры теории языка Челябинского государственного университета.
454000, ул. Бр. Кашириных, 129.
fifa@csu.ru

Сверчкова Анастасия Викторовна – аспирантка кафедры литературы Челябинского государственного университета.
454000, ул. Бр. Кашириных, 129.
lingua-mobilis@rambler.ru

Тугузбаева Олеся Васильевна – учитель русского языка и литературы МОУ СОШ №54, г.Уфа, Башкортостан.
o.ninerich@rambler.ru

Цикало Мария Васильевна – преподаватель Костанайского филиала Челябинского государственного университета.
110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.
tsikalo_masha@mail.ru

Ширяева Ольга Сергеевна – специалист по учебно-методической работе Информационно-аналитического управления, преподаватель кафедры компьютерного инжиниринга и международных образовательных программ Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета.
ossh_mountain@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

В каждом втором месяце 2011 года будет выходить очередной номер научно-го журнала «**Lingua-mobilis**», в структуру которого входят следующие разделы:

1. Язык художественной литературы
2. Языкознание
3. Язык средств массовой информации
4. Язык политики
5. Лингвистика и перевод
6. Методика преподавания языка и литературы

В целях укрепления международных научных связей планируется участие зарубежных ученых.

Материалы для публикации принимаются в любое время всего **2011 года** в электронном виде по адресу: 454084, г.Челябинск, пр.Победы 162-в, лаборатория межкультурных коммуникаций. Или e-mail: lingua-mobilis@rambler.ru Также просим указать сведения об авторе: фамилию, имя, отчество (полностью), место работы, должность, ученую степень и звание, адрес, телефон, e-mail. **К заявке необходимо приложить аннотации статьи на русском и английском языке (не более 500 знаков), а также ключевые слова.**

Оплату за публикацию (100 р. за страницу) необходимо прислать сразу после получения подтверждения о принятии Ваших материалов к публикации, там же будут указаны реквизиты для электронного перевода. Авторские экземпляры научного журнала «**Lingua-mobilis**» рассылаются бесплатно.

Требования к оформлению:

- Материалы подаются в виде статей объемом от 4 до 20 стр. (в формате RTF, Times New Roman, кегль 14, через 1,5 инт., поля - 2 см).

- Ссылки на литературу даются внутри текста статьи в скобках: [1. С. 32] или в виде концевых примечаний.

- Список литературы помещается после статьи под заголовком «Список литературы» и оформляется в соответствии с правилами библиографического описания.

Обращаем Ваше внимание, что в феврале 2008 года журналу “Lingua mobilis” был присвоен **ISSN 1998-1546**.

С июня 2008 г. электронная версия журнала “Lingua mobilis” доступна в РИНЦ (на сайте www.elibrary.ru)

С уважением, редакция!

